

Израилю и Украине — мужества, стойкости и Победы!

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

1 (29) 2024

ВРЕМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический
журнал

Выпуск 1 (29) 2024

Бостон
2024

ВРЕМЕНА

*Международный литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: Давид Гай

VREMENA

*International Journal of Fiction, Literary Debate,
and Social and Political Commentary*

EDITOR-IN-CHIEF: David Guy

Published by **M•GRAPHICS | Boston, MA**

ISSN 2575-9558

Copyright © 2024 by M•GRAPHICS

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced, distributed, or transmitted in any form or by any means, including photocopying, recording, or other electronic or mechanical methods, without the prior written permission of the publisher, except for brief quotations in critical reviews and certain other noncommercial uses permitted by copyright law.

For any information about obtaining permission to reproduce selections from this publication, email or call to the publisher: mgraphics.books@gmail.com / 781-990-8778 or editor-in-chief: guydavid094@gmail.com / 646-270-9615.

Printed in the U.S.A.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

ИРИНА БАСОВА-ЗАБОРОВА	(ФРАНЦИЯ)
ВЛАДИМИР БАТШЕВ	(ГЕРМАНИЯ)
МАРК ВЕЙЦМАН	(ИЗРАИЛЬ)
СЕМЁН КАМИНСКИЙ	(США)
ГЕННАДИЙ КАЦОВ	(США)
ГАРИ ЛАЙТ	(США)
АНДРЕЙ ОСТАЛЬСКИЙ	(АНГЛИЯ)
ЛАРС ПОУЛЬСЕН-ХАНСЕН	(ДАНИЯ)
СЕМЁН РЕЗНИК	(США)
ЭЛЛАЙДА ТРУБЕЦКАЯ	(США)
МАРИНА ТЮРИНА-ОБЕРЛАНДЕР	(США)
ЕВСЕЙ ЦЕЙТЛИН	(США)

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Именно так хочу обратиться к Вам и поблагодарить за внимание к журналу ВРЕМЕНА! Весь прошлый год Вы были с нами, читали журнальные публикации, прозу, поэзию, публицистику, наверняка что-то нравилось, что-то, возможно, не очень, но главное — благодаря Вашей поддержке в качестве подписчиков мы можем существовать.

Мы рады, что Вам близка наша гражданская и творческая позиция. Оставайтесь с нами, помогайте своим участием делать открытое и честное издание — прежде всего, солидарное с Украиной и Израилем, противостоящее оружием слова проявлениям фашизма, агрессорам, ксенофобам, антисемитам. Судя по всему, оно востребовано русскоязычными жителями Америки и тех стран, в которых живут наши читатели.

Особая наша признательность читателям, сделавшим дополнительные взносы в фонд журнала. Напомню, мы не получаем никакой финансовой подпитки со стороны, у нас нет спонсоров. Поэтому ваши добровольные пожертвования весьма важны для нас. Спасибо!

Искренне ваш,

Давид Гай, главный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ

Давид ГАЙ <i>ИЗРАИЛЬ ПРОТИВ ХАМАС</i>	7
--	---

ВОЙНА В УКРАИНЕ: ДВА ГОДА

Ольга ГРИЦЕНКО <i>ПИСЬМА НЮТЕ (ОКОНЧАНИЕ)</i>	28
--	----

Юрий ЯРЫМ-АГАЕВ <i>ПРЕДЫСТОРИЯ JAVELIN</i>	80
---	----

ПРОЗА

Валерий БОЧКОВ <i>ПЕТЛЯ</i>	98
--	----

Ольга КУЧКИНА <i>«НА КРАЮ...»</i>	125
--	-----

Нина ГЕЙДЭ <i>ОТНЯТЫЙ ДАР</i>	154
--	-----

Станислав СЕВЕЛЬСКИЙ <i>ВЕЛИКИЙ ПОХОД</i>	168
--	-----

Борис САНДЛЕР <i>ЗАРЕЧНЫЙ МОСТ ЧЕРЕЗ ВИЛИЮ</i>	214
---	-----

ПОЭЗИЯ

Галина ИЦКОВИЧ	22
--------------------------	----

Александр КАБАНОВ	65
-----------------------------	----

Олег НИКОФ	85
----------------------	----

Юрий СОЛОДКИН	92
Марина ТЮРИНА-ОБЕРЛАНДЕР	115
Геннадий КАЦОВ	140
Гари ЛАЙТ	197
Эллайда ТРУБЕЦКАЯ	208
Марк ПОЛЫКОВСКИЙ	229

НОВЫЕ КНИГИ

Марина ТЮРИНА-ОБЕРЛАНДЕР «ТЕБЯ МНЕ ПАМЯТЬ ВОЗВРАТИЛА...»	240
Берта ФРАШ ПРАВДА О ГОЛОДОМОРЕ	248

ЮБИЛЕИ

Ксения ГАМАРНИК ХАРУКИ МУРАКАМИ И КОТЫ: ШЕСТЬ ЛУЧШИХ КНИГ АВТОРА	252
--	-----

ЗНАМЕНИТЫЕ ИМЕНА

Ксения ГАМАРНИК ГОЛОС СВОБОДЫ	262
СОВЕТСКИЙ ЕРЕТИК <i>140 лет со дня рождения Евгения Замятина</i>	270

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Андрей ОСТАЛЬСКИЙ АНГЛИЙСКИЙ ДЛЯ СНОБОВ И ЛЮБОПЫТНЫХ	280
--	-----

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

Дорогие читатели!

Мы продолжаем подписку на журнал на 2024 год (4 номера), начавшуюся в ноябре прошлого года. По просьбе наших читателей и в связи со значительным увеличением стоимости печати и, особенно, почтовой доставки журнала, мы приняли решение о выпуске журнала с 2024 года также в **электронной версии**, которая будет рассылаться нашим подписчикам (вместо печатной версии) по электронной почте в формате ПДФ.

Для получения всех номеров журнала за текущий год выпишите чек на имя компании-издателя: **M•Graphics**:

- на сумму **75** (семьдесят пять) долларов (**печатная версия с доставкой по США**)
- на сумму **85** (восемьдесят пять) долларов (**печатная версия с доставкой в европейские страны — возможность доставки в Украину, Израиль и некоторые другие страны пока неясны**).
- на сумму **50** (пятьдесят) долларов — **для получения всех выпусков журнала в электронном виде (ПДФ)** в любой стране мира.

Обязательно укажите полное имя, точный почтовый адрес, включая страну доставки, адрес электронной почты (для получения электронной версии) и телефон получателя (если отправка бумажной версии идет за пределы США).

Вложите чек в конверт и отправьте по адресу:

Mr. David Guy 97–07 63rd Road, Apt. 11H Rego Park, NY 11374

Телефон для справок: **646–270–9615**.

Для тех из вас, кто предпочитает электронные методы оплаты, подписку также можно оформить на нашем вебсайте:

vremena.mgraphics-books.com/subscription

Давид ГАЙ

ИЗРАИЛЬ ПРОТИВ ХАМАС

КТО ВИНОВАТ И ЧТО ДЕЛАТЬ РАДИ БУДУЩЕГО СТРАНЫ?

...**В**ечером 6 октября израильтянин-радиолобитель, коротковолновик, знающий арабский, поймал сообщения из Газы о подготовке операции вторжения. Встревоженный, он обратился в полицию — его, попросту говоря, «послали». Не успокоившись, радиолобитель попробовал обратиться выше — с тем же результатом. Ещё пригрозили отнять аппаратуру.

...Младший офицер подразделения 8200, занимающегося радиоэлектронной разведкой, при прослушивании радиосетей ХАМАСа ещё за месяц до трагического события предупредил руководство о тревожных симптомах активности боевиков. Офицеру приказали не сеять панику.

...Ближе к ночи 7 октября поступило тревожное сообщение от разведки Южного округа. Состоялось совещание высокопоставленных военных. Пришли к мнению: да, что-то готовится, но локально. Сними начальник генштаба трубку и позвони командующему Южным военным округом — и всё было бы по-другому. Не позвонил. Шабат, праздник Симхат-Тора, стоит ли тревожить людей.

Специальное расследование журналистов и аналитиков BBC помогло создать вопиющую картину того, как палестинская террористическая группировка готовилась совершить кровавое нападение на южные земли Израиля — и как это осталось не замеченным израильской разведкой.

Ещё 29 декабря 2020 года главарь ХАМАСа Исмаил Хания анонсировал первое из четырёх последовавших одно за другим боевых учений под кодовым названием «Столп силы». В учениях приняли участие десять (!) вооружённых палестинских группировок, в том числе ХАМАС, который отработал рейд на территорию Израиля и провёл «военные игры», одновременно создав общий «оперативный штаб» для всех своих подельников.

В последующие годы группировка ХАМАСа провела ещё три военных учения, видео с которых были выложены в соцсети. На них запечатлено, как террористы отрабатывают вторжение на территорию Израиля, захват заложников и многое другое.

Часть учений проводилась на территории тренировочных комплексов, имитирующих типичную базу ЦАХАЛа и типичный кибуц, созданных... всего в километре от границы с Израилем(!).

В 2022 году террористы ХАМАСа отрабатывали штурм израильской военной базы, построенной в 2,6 км от КПП Эрез, находящегося под контролем Израиля, и на расстоянии 16 км от ближайшей наблюдательной вышки ЦАХАЛа.

С помощью спутниковых изображений, команде ВВС удалось обнаружить 14 тренировочных площадок в девяти различных местах по всей территории Газы.

Как о многом говорят эти факты! В ходе специального расследования, почему стали возможными массовые убийства израильтян, вскроются, безусловно, факты и похлеще.

«САБОТАЖ?»

Коронные русские вопросы, поставленные ещё Герценом, с 7 октября стали еврейскими, точнее, израильскими. Кто виноват и что делать? Мы подошли к ответу на первый.

Здесь уместно процитировать написанную по горячим следам случившегося статью Якова Фрейдина.

Последние годы Израиль был тяжело болен — его мучила политическая лихорадка, вызванная левыми силами для захвата власти в стране. Израиль трясло на всех уровнях: от мелких чиновников до Кнессета и премьер-министра. По стране катились мутные волны демонстраций, забастовок, армия была деморализована, военные пилоты отказывались вылетать на боевое дежурство. По сути дела, в Израиле шла холодная гражданская война, страна погрузилась в хаос, чем не преминули воспользоваться палестинские террористы и их кукловоды из Тегерана и Москвы.

Почти все наблюдатели согласны с тем, что причина нынешней катастрофы — в невероятной по масштабам моральной деградации политического истеблишмента и израильского армейского командования. Хотя я полностью согласен с такой оценкой, мне кажется, что провал вооружённых сил защитит страну невозможно

объяснить одной лишь анемией командования. Всё же выстроенная годами структура защиты границ существовала и худо-бедно должна была сработать. Пусть не везде, пусть лишь в отдельных районах, однако она оказалась парализованной абсолютно везде, на всех участках. Полностью и одновременно! Такого просто быть не могло, однако случилось! Подозреваю, что на то была своя веская причина, и название ей — **саботаж**.

Осмелюсь высказать безумное на первый взгляд предположение: разведка Израиля и высшее армейское руководство были в преступном сговоре, знали о грядущем нападении ХАМАСа, но умышленно ничего не делали, надеясь, что маленькая война с Газой поможет свалить ненавистного им Нетаньяху и ценой жизней некоторого числа израильтян позволит левым силам захватить власть в стране. Вероятно, они надеялись, что это будет хамасовская вылазка наподобие прошлых вторжений террористов и не ожидали такого ужасного масштаба. Но просчитались.

Разумеется, это лишь предположение, но я не вижу иного объяснения. Уверен, что после победы проведут детальное расследование и будут вскрыты истинные причины катастрофы и названы виновные. Если это действительно был саботаж, в израильских тюрьмах заметно увеличится число заключённых за счёт заговорщиков офицеров и политиков.

При всём моём большом уважении к известному автору и моему доброму знакомому Якову Фрейдину согласиться с определением «саботаж» никак не могу. Попахивает конспирологией. Но суть уловлена абсолютно верно: именно раздрай в руководстве страны, дешёвое политиканство и ложная концепция привели к трагедии огромного масштаба, невиданной для Израиля, приведшей к гибели 1200 мирных граждан и военных, захвату двухсот с лишним заложников.

И всё-таки, откуда взялась проблема, остававшаяся без должного внимания? Я имею в виду угрозу отказа от службы в армии.

Первыми стали угрожать этим пилоты ВВС. Не все, даже не большинство из них, но именно с них всё и началось. И продолжилось в знаменитом подразделении 8200 Разведывательной службы. Именно они, военные ВВС и элитных технологических подразделений, уверяли, что держат на своих плечах безопасность всей страны.

Почему же возникла такая немислимая ситуация? Вмешалась «прогрессистская» идеология.

После подписания «соглашений Осло» его идеологи провозглашали, что эра великих войн — войн между национальными армиями — закончилась. В своей книге «Новый Ближний восток» Шимон Перес провозгласил конец эпохи национальных идентичностей и потерю смысла любых границ. На смену чёткой национальной идентичности и концепции подавления врага в короткие сроки и на его территории пришло «прогрессистское сознание», не признающее национальные (и другие) идентичности. Из него вытекала концепция безопасности, которая больше не придаёт значения территории. Эта концепция больше не видит необходимости переносить войну на территорию врага, она стремится не побеждать, а только сдерживать.

«Армия обороны Израиля начала продвигать на ключевые должности только тех офицеров, которые усвоили это новое сознание, — пишет публицист Моше Фейглин. — Властвовала идея, что больше нет отдельных народов, нет национальных войн, и поэтому нет необходимости в многочисленной бронетехнике для осуществления стратегических действий в стиле Шестидневной войны. Стратегических вооружений сухопутной армии становилось всё меньше. Ресурсы армии вместо них перенаправлялись в высокотехнологические части, осуществляющие „пинцетные операции».

Принятие такой идеологии требовало от ЦАХАЛ стать армией сдерживания. ЦАХАЛ превратился из стратегической армии, основанной на бронетехнике, пехоте, инженерной технике и артиллерии, в своего рода вооружённую высокой технологией полицию — «армию спецопераций», основанную на военно-воздушных силах, разведке и подразделениях командос.

Самый яркий пример этой фантазии дал не кто иной, как глава Разведотдела армии (АМАН) генерал-майор Аарон Халива, за год до катастрофы 7 октября объяснивший, что климатическая угроза представляет для Израиля большую опасность, чем прямые военные угрозы...

Носители новой «прогрессистской» идеологии, «идеологии Осло», считали, что нам не о чем беспокоиться и что ХАМАС не осмелится напасть на нас ещё лет пятнадцать. Они полагали, что способны сдерживать угрозы фанатиков-исламистов с помощью технологий и экономических поблажек (то есть, попросту платя дань рэкетирам). И именно эти, ведущие технологические части нового ЦАХАЛ стали носителями «прогрессивного сознания» в армии, да и в стране в целом. ЦАХАЛ деградировал.

Потом наступила бойня 7 октября, и всё перевернулось...

В тот день нас подвели именно эти ведущие подразделения ЦАХАЛ. Разведка, не сумевшая ни узнать, ни предупредить о столь масштабной операции, и авиация, которая должна была дать первоначальный ответ в течение нескольких минут и с помощью боевых вертолётов и массированной бомбардировки не допустить прорвавших забор бандитов в окрестные поселения.

7 октября на наших глазах рухнула та самая идеологическая и военная концепция, которая привела к разобщённости, «отказничеству» и прочим негативным вещам, концепция, которая подорвала армию и предоставила гражданам государства Израиль самим защищать свои поселения и свою страну. Но мы должны помнить, что корень зла, который привёл нас и к опасному внутреннему расколу, и к колоссальной катастрофе в области безопасности, заключается в концепции «Осло». Корнем зла стал «прогрессизм», который пронизал общество и ЦАХАЛ», — заключает Моше Фейглин.

Глава правительства утверждал, что не знал о серьёзности ситуации в Газе. Однако в подробном документе, полученном им ещё в 2016 году от Авидора Либермана, который тогда возглавлял минобороны, был изложен практически весь сценарий событий, который сбился 7 октября 2023 года (включая вторжение боевиков на территорию Израиля, захват посёлков, похищение заложников и пр.). Нетаньяху проигнорировал этот документ.

Либерман, напомним, подал в отставку с поста министра обороны в конце 2018 года и таким образом развалил правительство. Тогда он сказал, что его отставка вызвана прежде всего несогласием с курсом правительства в отношении ХАМАСа. И дал понять, что эти разногласия начались давно и лишь усугублялись.

Политическое руководство питалось иллюзиями, что главное зло исходит от палестинцев на Западном берегу и Хезболлы, а ХАМАС доволен своим положением и ничем серьёзным не угрожает. Ощущение, что политики жили в каком-то утопическом мире иллюзий и фэнтэзи. Как известно, иллюзии и утопии в политике дорого обходятся, что и привело к чудовищному провалу — первому за последние полвека.

А пока Министерство финансов Израиля сформировало предварительную оценку того, во сколько обойдётся государству нынешняя война: 200 млрд. шекелей, что составляет около 10% ВВП. Каждый день на войну тратится почти миллиард шекелей (260 миллионов долларов).

ЧЕМ РАССЛАБЛЕННОЙ РАССЛАБЛЕНИЕ...

Хочу отметить один момент, на который мало обращают внимание или вовсе игнорируют. Он носит скорее экзистенциальный характер. Еврейское государство мужеством и стойкостью народа завоевало место под солнцем на своей исконной, исторической земле. Несколько выигранных тяжёлых сражений с соседними мусульманскими странами даровали народу мир и относительное спокойствие. Израильцы стали жить так, как живут в свободных, демократических странах: жениться, выходить замуж, растить детей, учиться, создавать общественные блага, развивать науку, культуру, медицину, спорт, путешествовать... Словом, радоваться каждому прожитому дню. При этом иметь самую мощную на Ближнем Востоке армию, всевидящие и всезнающие спецслужбы, гарантирующие обществу безопасность. Процветающий Израиль стал примером для остального мира, репатриация евреев усилилась...

При этом как-то растворилось ощущение всегдашней опасности существования в окружении врагов, мечтающих уничтожить Еврейское государство. Иметь таких соседей никто не пожелает. Израилю «повезло». Расслабление в такой обстановке чревато большими неприятностями. Но и жить в постоянной тревоге, постоянно думая о плохом — согласитесь, невозможно. Это наносит огромный урон психике масс.

Невольно вспоминаю фразу-каламбур: чем расслабленней расслабление, тем напряжённей напряжение. По-человечески расслабившихся израильцев можно понять. Однако для политического руководства и военной верхушки, включая разведку, **такого рода расслабление** слишком рискованно, чтобы стать главенствующей поведенческой идеей. Увы, так случилось. В итоге страна получила тяжелейший удар под дых. На боксёрском языке — нокдаун.

ОГОНЬ С ВОЗДУХА, СУШИ И МОРЯ

Решение провести наземную операцию в Газе было совершенно логично как с военной, так и с политической точки зрения. Сухопутный манёвр поддержало большинство израильцев, верящих, что операция будет успешной. Что будут уничтожены главари ХАМАСа, склады с ракетами и прочим оружием, а также все опорные пункты террористов.

Дай бог, чтобы число пострадавших солдат было минимальным и чтобы в ходе операции не возникло неожиданных осложнений. Как сказал глава генштаба Герци Халеви, у каждого из принимаемых решения есть своя цена и своя потенциальная опасность. Каждый при-

нимающий сегодня решения чётко понимает лежащую на нём ответственность. Завидовать им сегодня очень и очень трудно.

В ходе Войны за независимость Израиль боролся за своё существование, и этого, к счастью, не происходит сейчас. Израиль боролся за возвращение заложников. За устранение угрозы со стороны жестокой террористической организации и за восстановление сдерживающей способности ЦАХАЛа в отношении противников в регионе. Речь идёт о трёх серьёзных задачах, и вряд ли правительство сумеет реализовать все три полностью. «Наша главная цель, — провозгласил Нетаньяху, — спасти страну». Он ошибается. Нетаньяху — не Бэтмен, а Израиль — не Готэм-сити. Израиль не требуется спасать, в стране надо наводить порядок.

Эти строки я писал в конце ноября. Как известно, первая фаза действий ЦАХАЛа завершилась и включала в себя уничтожение сотен террористов на израильской территории, очистку тыла страны от террористов, обеспечение стабильности линии границы, воздушные и наземные удары по объектам террористов в Газе. Вторая фаза — масштабная операция, сочетающая огонь с воздуха, суши и моря.

Одна из главных задач — захват и ликвидация различными методами «подземной Газы», или того, что называют «метро». Военные используют различные типы роботов и взрывных устройств, чтобы разрушить подземные сооружения, взорвать мины-ловушки, установленные ХАМАСом и уничтожить террористов.

На этом этапе уже нанесён серьёзный урон командному составу ХАМАСа, что ведёт к хаосу и падению морального духа террористов.

Активно шла обработка квартала за кварталом в городе Газа — по аналогии с операцией «Хомат Маген» во время второй интифады. Тогда на первом этапе был нанесён серьёзный ущерб инфраструктуре и гнёздам терроризма, а после возвращения свободы действий ЦАХАЛа последовала серия более мелких операций по нанесению ущерба очагам терроризма и инфраструктуре.

Западный и северный секторы полностью в руках израильтян. Уничтожено или заблокировано более 400 туннелей и шахт. ЦАХАЛ, кроме использования взрывчатки и других средств, заливает туннели морской водой. Такие меры военнослужащие применяют, поскольку в туннелях могут находиться террористы, а также склады с их оружием.

Только за первый месяц противостояния Израиль выпустил более 8000 боеприпасов и нанёс удар более чем по 12 тысячам объектам тер-

рористов. Это больше, чем использовали США за год боевых действий в Афганистане.

Идёт зачистка восточного сектора. Третья фаза будет более продолжительной и может растянуться на многие месяцы, в ней будет задействовано меньшее количество резервистов, а основу составят регулярные силы. Повторю — это писалось в конце ноября, последующие события внесли коррективы, но планы армии именно такие.

Воины ЦАХАЛа уничтожали подземные сооружения, находящиеся под больницами, школами, мечетями и другими «мирными» зданиями, некоторые погибали в схватках с террористами — одновременно ответственные лица делали абсолютно безответственные заявления, будоражащие страну и мир. Так, министр наследия Амихай Элияху сказал о возможности бросить атомную бомбу на Газу. Военный раввин Амихай Фридман выступил перед солдатами с мотивационной речью, в которой объяснил стратегию и цели нынешней войны. Он объявил, что «если отвлечься от убитых и заложников, нападение ХАМАС и начало войны следует считать самым радостным событием в истории Государства Израиль, потому что перед нами открываются великие перспективы — уничтожить всех своих врагов и захватить всю территорию „Земли Обетованной“».

Бог мой, что же творится в головах этих чиновников на госзарплате...

ПОД ПРЕССОМ

Израиль подвергается беспрецедентному международному давлению. Мы постоянно слышали призывы к израильскому руководству обеспечить помощь бедствующему населению Газы (читай — и террористам!), открыть так называемые гуманитарные коридоры. За это ратовали лидеры Евросоюза. Президент Евросовета Шарль Мишель заявил, что полная блокада Газы не соответствует международному праву.

Израиль вынужденно уступал, открывал для этого пути и сам поставлял продовольствие, воду, электричество.

США подчёркивали полную поддержку Израйля и пытались достичь каких-то правил игры в продолжающейся военной операции. Госсекретарь Блинкен несколько раз посетил Израиль и соседние арабские страны. Остановка боёв для Вашингтона не представлялась возможной; ведь ещё после первого кризисного визита в Израиль Блинкен дал понять, что Израиль и сектор Газы не смогут вернуться к статус-кво и нужно искать новый подход.

США пытаются не допустить перерастание боёв в Газе в полномасштабную региональную войну. Похожее мы наблюдаем в Украине, когда американцы постоянно дозируют поставки Киеву нового убойного вооружения — как бы не нанести Путину слишком мощного удара...

И однако давление всё сильнее — от Израиля требуют вообще прекращения боевых действий якобы во имя спасения жизней мирных жителей. Это твердят лидеры ряда стран, в том числе европейских. Где были эти «лидеры-гуманисты», когда ХАМАС устроил чудовищную резню, уничтожил полторы тысячи детей, женщин, пожилых людей? Где была ООН, с трибуны которой в адрес Израиля постоянно слышатся обвинения в «геноциде палестинцев»? Где были международные женские организации, ретивые феминистки, замкнувшие уста при обнарождении страшных фактов массовых изнасилований, издевательств над жительницами захваченных кибуцев?

Если говорить о главном моём потрясении, то оно даже не в содеянном головорезами ХАМАСа (что от них ждоть?!), а в реакции мира. Ненависть к Израилю и евреям выхлестнулась наружу подобно торфу: тихо горит под землёй, но стоит открыть доступ воздуху, как бушующее пламя вырывается на поверхность. Пропалестинские демонстрации в арабских странах ожидалось, но чтобы с таким накалом проходили на Западе — этого я не ожидал. Казалось бы, чудовищная жестокость хамасовцев должна была вызвать всеобщее осуждение, произошло же ровно наоборот. Разумеется, сыграло роль легальное присутствие в США и Европе значительного количества мусульман, однако в бушующих толпах немало было коренных европейцев-леваков. Лево-экстремистские активисты устраивали акции, напоминающие погромы. Они всегда поддерживали палестинцев и критиковали Израиль, называли еврейское государство страной апартеида. Поддерживают и сейчас. Первые дни они помалкивали на фоне ошеломляющих потерь среди гражданского населения Израиля во время атак ХАМАСа, но когда начались массированные бомбардировки сектора Газа, отношение в мире поменялось.

Европа показала — антисемитизм никуда не делся, а только усилился, во многом, конечно, в результате присутствия арабов. Общественные настроения — не в пользу Израиля.

А взять США!.. Ведущие университеты стали рассадником пропалестинских настроений. Пример показывает Гарвард, не отстают и другие знаменитые учебные заведения Лиги Плюща. И только отказ крупных жертвователей давать деньги заставили руководство универ-

ситетов развернуть действия в кампусах против антисемитизма, ксенофобии и поддержки головорезов ХАМАСа. И тут же 100 (!) профессоров Гарварда обратились к руководству с требованием *«не ущемлять свободу слова и право на самовыражение»*. Вот как эту самую «свободу слова» понимает левая профессура...

Конгрессмен Рашида Тлаиб занимает ведущее место в группе демократов, критикующих поддержку президентом Израиля, но это обвинение является необычным выпадом со стороны законодателя из его собственной партии. Рашида Тлаиб, демократ от штата Мичиган, выступающая за прекращение огня в войне между Израилем и ХАМАСом, опубликовала видеоролик, в котором обвинила президента Байдена в поддержке геноцида палестинцев. «Господин президент, американский народ не согласен с вами в этом вопросе. Мы вспомним об этом в 2024 году». И уж совсем вопиёт такой факт: еврейская дочь Камалы Харрис собирает деньги для Газы. Приёмная дочь вице-президента США Элла Эмхофф помогла собрать почти 8 млн. долларов пожертвований в пользу жителей Газы. При этом девушка ни словом не упомянула в своих соцсетях резню 7 октября и похищение десятков израильских детей.

24-летняя Эмхофф, дочь супруга Харрис — Дага Эмхоффа, еврея по происхождению, опубликовала в своём инстаграме ссылку на сбор средств в пользу жителей Газы. Элла Эмхофф поддерживает тёплые отношения со своей мачехой. На её страницу в инстаграме подписаны 315 тысяч человек. Фонд, собирающий деньги для Газы, базируется в штате Огайо. В 2021 году бюджет фонда составлял более 21 млн. долларов. На данном этапе неясно, пожертвовала ли Эмхофф свои личные средства в пользу фонда, а если да, то сколько.

Эмхофф в прошлом заявляла, что не считает себя еврейкой, не воспитывалась на идеалах иудаизма и не разделяет еврейские ценности.

Ненависть к евреям оборачивается терактами, убийствами. Израильтянам настоятельно советуют отказаться от поездок в Европу. А как быть путешествующим американским евреям?

ПРЕДАТЕЛЬСТВО ПУТИНА

В этой связи — о позиции России и антисемитизме Путина. Его наличие у меня никогда не вызывало сомнения. Офицер КГБ по определению не может не быть юдофобом — это ему прививают с самого начала учёбы и службы. Мне возражали: дескать, Путин многим обязан евреям, его тренировал и учил жизни Анатолий Рахлин, ему помо-

гали братья Ротенберги и др. Действительно, до поры до времени российский президент слыл осуждающим антисемитизм, дающим резкий отпор проявлением вражды по отношению к евреям. Нетаньяху гордился дружескими отношениями с Путиным, принимал участие в шествии «Бессмертного полка», носил георгиевскую ленточку. Израиль, в отличие от западных стран, не присоединился к санкциям в связи с агрессией России против Украины. Израильский премьер полагал — Россия является надёжным партнёром на Ближнем Востоке, поможет в трудную минуту. Да и наличие русскоязычных репатриантов диктовало такую политику. И в один момент всё рухнуло, Путин предал.

Не осудил ХАМАС за невиданные зверства. Вообще, никак неотреагировал. Позволил спешно прибыть в Москву хамасовской делегации. А ещё ранее назвал лидера Украины Зеленского «позором еврейского народа». Издевательски-глумливо намекал на еврейские корни беглеца Чубайса. Так он снял запрет на антисемитские действия толпы. И последовали события в Дагестане — предшественники еврейских погромов в России.

Подобные действия и слова Путина — вполне сознательная политика. Антисемитизм для него лишь орудие достижения целей. Российский диктатор мечтал о второй войне, которая ослабит помощь Запада Украине. И такая война началась. И впрямь, международная поддержка борющейся с Ордой Украины слабеет — не станем закрывать на это глаза. Кремлёвский вождь довольно потирает руки. А Израиль, прежние отношения... Кого это волнует... Главное — не дать второй войне угаснуть, негласно помогать ХАМАСу и Хезболле, осуждать Израиль за «уничтожение мирного населения Газы». Пока нет твёрдых доказательств участия России в подготовке хамасовского вторжения, но я почти уверен — так оно и было.

СДЕЛКА С ДЬЯВОЛОМ

Две главные задачи ЦАХАЛа — уничтожение ХАМАСа и вызволение более 200 заложников. С первой армия достаточно успешно справляется. А что происходило с освобождением заложников?

Израиль имел два решения: плохое и очень плохое. Он выбрал нечто среднее.

Для террористов заложники стали козырными картами, в обмен на них можно было требовать очень многое. И потребовали. Израиль вынужденно согласился на четырёхдневную остановку войны и ответную выдачу сидящих в израильских тюрьмах палестинков и подростков,

замешанных в нападении на израильтян. Пропорция 1 к 3 в пользу ХАМАСа. Переговоры с участием Катара и США шли мучительно долго. Наконец, 24 ноября была освобождена первая группа заложников, 13 женщин и детей. В ответ ХАМАС получил 39 человек. На следующий день должны были освободить 13: восемь детей и пять женщин, а также четырёх тайландцев. Но в условленный час не освободили. ХАМАС прервал едва начавшейся процесс, обвинив Израиль якобы в несоблюдении договорённостей. Только благодаря вмешательству Египта обмен ближе к ночи состоялся.

В самом начале случилось то, что многие предсказывали. Террористы начнут форменным образом играть на нервах, издеваться, выдвигать новые и новые требования, и Израилю придётся соглашаться, выполнять, стиснув зубы, непомерные претензии бандитов.

Первый этап сделки предусмотрел четырёхдневное прекращение огня и обмен 50 пленными, находящихся в Газе, на 150 заключённых палестинцев, содержащихся в израильских тюрьмах. На втором этапе — освобождение дополнительных лиц. За каждые 10 отпущенных заложников перемирие продлевалось на сутки. Так задумывалось. Иными словами, возмездие откладывалось на долгий срок. ЦАХАЛ оказывался в простое, что для военных равносильно поражению. Реальность, однако, внесла коррективы...

Еврейское государство как демократическое, цивилизованное, заботящееся о своих гражданах, ставило целью спасти пленников любой ценой. По-другому государство не могло! А вот лидер тоталитарного государства — мог. Я имею в виду Беслан. При штурме захваченной террористами школы 1 сентября 2004-го погибли 334 человека, среди них 186 детей. Путин прекрасно понимал, к чему приведёт штурм с использованием танков и огнемётов, и сознательно шёл на это ради сохранения «лица». Кто сейчас вспоминает об этом?..

Сделка с дьяволом вызвала в израильском обществе ожесточённые споры. Немало тех, кто выступал против. Выжившая после нападения Мория Коэн обнаружила, что её соседка-террористка, едва не зарезавшая её на глазах пятерых детей, вышла на свободу. 16-летняя Нафуз Аарэф Хамад, которой при совершении теракта было 14, два года назад подошла к ней, гулявшей с детьми на улице, и нанесла удар ножом в спину на глазах у детей, после чего скрылась с места нападения и, спустя некоторое время, была арестована. Окружной суд Иерусалима вынес приговор Хамад, назначив ей 12 лет тюремного заключения, и теперь она избежала его.

Метод шантажа прекрасно использовался террористами. Их глава Исмаил Хания заявил: «Враг сделал ставку на возвращение пленных с помощью оружия, убийств и геноцида. Но спустя почти 50 дней враг покорился условиям сопротивления и силе нашего храброго народа». Он заявил, что группировка готова продолжать противостоять израильскому наступлению на Газу и после перемирия.

ХАМАС предпринял максимальные усилия, чтобы потянуть время и продлить перемирие. Террористы ведут массированную пропагандистскую кампанию с помощью зарубежных СМИ, которые приглашаются в Газу. В результате международное давление на Израиль с целью заставить его прекратить боевые действия резко возросло. США так или иначе присоединились к требованию долгосрочного прекращения огня и начала международного процесса по достижению политического соглашения, определяющего статус Газы.

Участники протестного движения проводят демонстрации с требованием отставки Нетаньяху. Источники, близкие к премьер-министру, считают, что при таком развитии событий он должен объявить о своём намерении подать в отставку и полностью уйти из политики. *(Возможно, это уже произошло к моменту выхода номера журнала в свет — Ред.)*

Не верится, что события и далее пойдут именно по такому сценарию (я имею в виду прекращение военных действий). Но и отбрасывать его не стоит. Армия и общество требуют окончательного разгрома террористического гнезда. Для этого необходимо расширить боевые действия и зачистить Хан-Юнис — город приблизительно в 20 километрах на юге от Газы, куда люди бежали после того, как им приказали эвакуироваться с севера. Население Хан-Юниса выросло с 400 000 жителей до более миллиона. Здесь находится подземный командный центр, настоящая штаб-квартира ХАМАСа, руководство прячется в бункерах, у них есть площадки для запуска ракет и многое другое.

Один из старших армейских офицеров говорит, что «никто ни за что не остановит нас на пути к Хан-Юнису, иначе не будет победы». Генерал, командир дивизии, высказывается ещё более жёстко: «Если мы не войдём в Хан-Юнис, мы можем „закрывать страну“». Он не единственный, кто выражается подобным образом.

Арабские государства и ряд европейских стран активизировали помощь южной части Газы, где сегодня находится более миллиона беженцев. Публикуется всё больше фотографий палаточных городков, чтобы представить южную часть Газы в качестве зоны бедствия.

Таким образом, ЦАХАЛ «стреножится» и не сможет вести военные действия на юге. Да и ввод танковых группировок в район, где проживает миллион беженцев, становится особенно проблематичным. В связи с этим растут опасения того, что международное давление всё-таки остановит натиск ЦАХАЛа.

ЧТО ДАЛЬШЕ?

Что делать с Газой и с палестинцами? Попробую заглянуть в ближайшее будущее.

Одним из вариантов решения, с точки зрения американского госсекретаря Блинкена, является передача власти в Газе новой администрации, но не международно-израильской, а палестинской. Ещё 30 октября в Конгрессе он заявил, что Израиль не может управлять Газой или контролировать его. *«В какой-то момент наиболее разумным было бы, чтобы эффективная и обновлённая Палестинская администрация взяла на себя управление и, в конечном итоге, ответственность за безопасность в секторе Газа»*, — сказал он.

Очевидно, что эта тактическая мера не снимает все вопросы. Корень проблемы — отсутствие государства Палестины. И вот озвученное решение: «Один из наших первых важных принципов заключается в установлении двухгосударственного решения».

Насколько реализуем план США по умиротворению региона — вопрос крайне дискуссионный. Истребить ХАМАС в Газе — задача не из лёгких. Несмотря на разрушения и огромные жертвы, ХАМАС едва ли потеряет поддержку населения.

А вот что предложило израильское правительство. Нетаньяху будет настаивать на необходимости сохранения «военного контроля» над Газой на обозримое будущее, а для этого потребуются увеличение численности вооружённых сил и военного бюджета. В этом вопросе его поддерживают министр обороны Йоав Галант и министр военного кабинета Бени Ганц.

К тому времени, когда придётся вплотную заняться проблемой жителей Газы, Нетаньяху не будет и в помине на посту премьера — это всё более очевидно. Как очевидно и другое — арабские страны безразличны к судьбе палестинцев. Касается это и Египта, и Иордании, и прочих. Кому охота иметь их у себя... Никакая из этих и других стран не примет палестинских беженцев.

...И последнее, что хотелось бы сказать. Грустное, печальное. Дорогая всем нам — евреям, рассеянным по свету, страна не скоро оправится

от чудовищного потрясения. Как бы ни решилась судьба палестинцев, жить Израилю всё равно придётся с соседями-врагами. И если сегодня с некоторыми из них отношения более-менее приемлемые, то завтра там может смениться власть и у руля окажется бесноватый генерал или мерзейший политик типа Эрдогана, не говоря уже об Асаде. Следовательно, Израилю придётся постоянно быть начеку, памятуя о 7 октября.

На наших глазах происходит крайне нежелательное и опасное сближение суннитов и шиитов, что прежде могло представиться лишь в кошмарном сне. Сегодня это вполне реальная явь. Иран мостит дорогу к саудитам; порушив без пяти минут подписанный договор Еврейского государства с теми же саудитами, Тегеран ради этого, по сути, принёс в жертву ХАМАС, науськивая его на Израиль, помогая террористам всем чем мог. Не уничтожив режим аятолл, невозможно создать хотя бы видимость мира на Ближнем Востоке. В одиночку Израилю тяжело справиться, а у Соединённых Штатов и без того забот хватает. Хотя США предупредили Тегеран: если Хезболла вступит в войну, то по ней и Ирану будет нанесён сокрушительный удар. Предупреждение подействовало — Хезболла пока активно не вмешивается, ограничиваясь ракетными и артиллерийскими обстрелами, получая в ответ «по полной».

Как смогут жить израильтяне после перенесённого шока? Нелегко, прямо скажем. И морально, и материально. Не расслабляясь и не упоывая на волю Всевышнего. Уровень жизни, достаточно высокий, понизился, о прежнем изобилии придётся мечтать не один год. Некоторые считают, что наверняка уменьшится репатриация. Хотя глава «Сохнута» считает иначе: всплеск антисемитизма приведёт в Израиль миллион репатриантов из Европы. Дай-то Бог!

Мутная накипь мирового юдофобства не исчезнет сама по себе. Но самое главное, по-моему разумению — вернуть народу уверенность в завтрашнем дне, в том, что нет у жителей Эрец Исраэль другой судьбы как не сплотиться и не преодолеть все невзгоды. Побеждали фараонов, победят и прочих ненавистников.

ОБ АВТОРЕ

Давид Гай — известный журналист и писатель. Ныне — главный редактор международного литературного журнала «Времена».

Галина ИЦКОВИЧ
СТРАНА БОЛИТ

КФАР-АЗА, РЕИМ, ОФАКИМ

Они теперь всегда со мной
Женщина, не успевшая стать старухой
Старуха, не успевшая составить завещание
Младенец, не успевший узнать, что он еврей
Поднимаются вместе со мной
От беспокойного сна
Выходят из дома
Таскаются по метро
Парень, не успевший достать оружие
Парень, не успевший опустить гитару
Старик, не успевший привстать в инвалидном кресле
Девчонка, не успевшая испугаться
Глядят на меня из телефона
Глядят меня по голове
Говорят
Всё уже позади
Только бы не было войны
У вас
Такое огромное небо
Какое у вас то да это
Кто сказал погромщики
Дай им печенье
Мы знаем даже что внутри Луны
Но не знаем что в голове у ХАМАСа
Та, в шарфе цвета флага,
Тот, со скрученными запястьями

Те, не успевшие накинуть на плечи
Продеть в рукава
Спотыкающиеся
Не проснувшиеся
Не вернувшиеся совсем
Не проявившиеся за семь дней
Переговариваются над моей постелью
Нас обязательно вернут домой
Обязательно домой
Даже если и неживых
Только ничего не бойся
Только ничего не бойся
Пока я сплю
Говорят
Ты не виновата
Да в чём же ты виновата
В том что жива пока?
Кфар-Аза
Реим
Офаким

МОИ ПОГРОМЫ

Помню, бабушка рассказывала, что их никогда не трогали:
Папа-мясник приберегал филе для околоточного,
а на праздник давал гуся.
Я представляла себе погром, как сцену из фильма «Свадьба»,
с перьями, летящими по ветру.
В восьмидесятые бабушка вздумала перебивать подушки.
Перья гусей, усопших до революции
взятки околоточному, осторожно пересыпались в новые наперники,
а я боялась, что мы ненароком вызовем дух погрома.
И что же, допересыпались!
В апреле восемьдесят девятого зашептали.

Ждите, в день рождения Гитлера.
Уезжали бы в свой Израиль.
Некоторые уехали.
Девятнадцатого апреля замолчал телефон.
Город прятал глаза. Я шла с малышом на прогулку,
избегая встречаться взглядами:
зачем ставить людей в неловкое положение?
Мне, кстати, с детства было стыдно до слёз
за антисемитов, было жалко — их,
невиноватых, возвращённых в упряжке с ненавистью.

Во время дневного сна позвонили двое: безбашенный Вова,
сказавший, что если решимся проехать ближе к ночи,
то у него есть кастет для погромщиков и подушки для нас,
и Алёна, рационально рассудившая, что бабушка
сдаст с удовольствием взрослых жидов,
но ни за что не выдаст ребёнка.

Мы решили остаться дома.
Всё обошлось без перьев.
Вскоре решили уехать совсем.
Но навсегда запомнили, как пахнет ожидание погрома.
Иногда самый воздух наполнен погромом,
как однажды в предпасхальной Москве,
как однажды в амманском автобусе,
как в опасной толпе подростков,
раззадоривающей себя.
Сегодня другой мой город, ставший давно родным,
опустел и молчит, ожидая сигнал к погрому.
То ли я потеряла чутьё, то ли совсем не боюсь их,
но никто не отводит глаза.
Вот она я, на бруклинской улице...

* * *

Ненужный ключ и пустой рукав,
Пропало кольцо на удачу.
И воют брошенные дома,
И фортка беззубо плачет.

И что-то каркает смерти в ответ
Джон Сильвер, король ампутантов.
Везёт балерина на «ноль» пакет,
Фантомны её пуанты.

Вернётся ль? Крутить фуэте вольна,
Чтоб розы в антракте и астры.
Зачем ей, думаете, война
И слипшиеся пиастры?

Фантомной болью пекут глаза,
Ослепшие от кошмаров.
Художник, кто тебе заказал
Холсты, где одни пожары?

Пиши, писатель, роняй листы.
Увы, обольщаться нечем:
Рукав, штанина, глаза пусты,
И в голосе порожнеча.

Искусства вялое дефиле —
В военный год что в нём проку?
Нежней, чем бабочка, чем суфле...
Суфлёр, не подсказывай Року.

Молчи, искусство, не лги в лицо,
Что нелюдь придёт с повинной...
На мёртвой руке всё живёт кольцо,
Воронка среди гостиной.

* * *

*Що не болить, то боляче,
А сьогодні страна болит.
Две войны, две болезни.
Потерпи, вя ха-коль иебеседер,
савланут.*

От жгутов и повязок не станет легче:
Вот Израиль, расклёвана печень,
Україна, країна пустых рукавов,
И комком между ними сердце.

У меня в Израиле полстраны,
У меня в Украине утрат не счесть,
Режут лезвием восточек строчки.
Саднят саженцы
Пересаженных почек,
Пальцы обожжены,
Кровь сочится, где бил источник.
И мертвеет вода там, где жизнь была,
И надежды осталось на два крыла.

*Слухай, шма, забираем ввысь.
За плечом Израиль шуршит: «На взлёт!»
Украина шепчет: «Держись!»*

New York, 10/2023

ОБ АВТОРЕ

Галина Ицкович родилась и выросла в Одессе. Живёт в Нью-Йорке с 1991 г. В 1998-м получила степень магистра социальной работы. Галина — практикующий психотерапевт, клинический консультант и преподаватель-эксперт института ICDL, лектор, специализируется на проблемах психологической травмы, семьи и детей.

Автор статей, стихов, путевых очерков, короткой прозы. Книги: «Примерка счастья» (стихи и переводы), «Женская поэзия Америки» (переводы, соавтор). Ведёт авторскую программу «Поэтический невод» на интернет-радио «Поговорим» (Нью-Йорк).

Неоднократный финалист и лауреат международных поэтических конкурсов.

Немало публикаций в англоязычных журналах и альманахах.

С первых дней войны принимает активное участие в гуманитарной и психологической помощи гражданским лицам и профессионалам в Украине.

Ольга ГРИЦЕНКО

ПИСЬМА НЮТЕ

ОКОНЧАНИЕ

ЧАСТЬ II

ПИСЬМО 1. БЕРДЯНСК

Вместе с людьми, согласившимися взять нас на постой — нашими хозяевами Валентиной и Иваном — мы въехали во двор. Это был небольшой частный пансионат, какие в Бердянске в каждом дворе. Маленький участок, наверное, соток 6, скрупулёзно вымерен и каждый сантиметр использован по своему назначению: дворик, садик, клумбы с розами, кусты винограда. К старому жилому дому пристроен такой же, строение тянется вдоль участка с востока на запад и заканчивается маленьким двориком с летней кухней под шиферным навесом. Там 2 газовые печки, 2 холодильника, между ними — мойка, посередине — общий обеденный стол.

Виноград здесь старый, ещё советского винного сорта типа «Изабеллы», выполняющий, кроме декоративной функции, ещё и утилитарную: шпалеры разделяли дворик на две неравные части. Полоска участка, находящаяся за виноградной изгородью, была отдана под придомовые постройки: два сарайчика, уличные туалеты и душевые кабинки. Для летнего отдыха очень удобно. Виноград хорошо заслоняет от палящего летнего солнца, кусты винограда сильнорослые, лист крупный, трёх- или пятилопастный, округлый.

На подворье у наших хозяев — как потом выяснилось — были и другие сорта. Небольшая клумба была густо засажена розами, которые цвели всё лето по очереди. Нашлось место для петрушки, укропа и щавеля. Густыми белыми букетами цвели 2 черешни — красота.

---

* Начало см. № 4 (28) 2023

Нас поселили в жилой блок из двух небольших комнат, коридора, выполнявшего также функцию кухни, туалета и душа. В комнатах — кондиционер и телевизор, wi-fi. Курортный вариант, рассчитанный на средний достаток. Средним считается 200 гривен в сутки. Именно столько с нас и взяли, о «бесплатно» речь не шла. Бесплатно селили мариупольских беженцев в школах — в спортивных залах, с возможностью спать на матах и с общим туалетом. Там, правда, и кормили бесплатно. Нам эту проблему ещё предстояло решить — где брать еду, как прокормить пять человек. Деньги у нас с собой были, но наличности немного, пенсии и зарплаты лежали на банковских карточках. Уже в очереди, на блокпосту, мы выяснили, что банки в Бердянске практически все закрыты, а потому «кэш» в дефиците.

Но — всё потом! Сегодня, сейчас уже не надо никуда ехать, сейчас мы доедим свою варёную картошку и ляжем спать. И будем спать всю ночь, и нам не придётся прятаться в подвале, и чайник можно включить, есть свет, и в доме есть вода — не надо никуда идти. И не стреляют! Я села на скамейку перед входом и впервые за всё это время заплакала. Я сидела и рыдала, а все стояли и ждали, когда я вырвусь. Стояли молча, не успокаивая, не уговаривая, душевных сил уже не было ни у кого.

Мы пожевали холодную варёную картошку с остатками соли, запили горячей водой и пошли укладываться: бабушек надо было разместить в комнатах, постелить постели и показать, где туалет.

Мы разбрелись по комнатам и впервые за два месяца разделись. Помыться уже не было сил, да к тому же у хозяев на момент нашего заезда не было бойлера. Понятно, что для купания нужно греть воду в кастрюлях, газовая печка отключена — газа в Бердянске тоже нет, электрическая печка греет не слишком интенсивно, а значит это — время, это — силы, которых уже нет. Завтра, «я подумаю об этом завтра».* Завтра же и делать буду.

Май стоял холодный, свежие простыни обжигали холодом тело, привыкшее к двойной защите платьев-кофт. Бабушки надели платки, мы все натянули на себя толстые хозяйские одеяла, они почему-то не грели. Мы отвыкли спать в нормальной человеческой постели. Пора привыкать заново. А стоит ли? Надолго ли мы здесь, где ещё нам придётся ночевать ... мы подумаем об этом завтра. Будем решать проблемы по

---

* Известная фраза Кэти-Скарлетт О'Хара, главной героини романа Маргарет Митчелл «Унесённые ветром».

мере их поступления. Тот, кто это сказал — был мужик чувствительный, однозначно большого сердца был мужчина: на все переживания уже просто души не хватает.

Всё, на сегодня всё, все заботы отложим до утра — если выживем, говорили мы в Мариуполе. Здесь в этом уверенности больше. Завтра будет — и это главное! Оно у нас будет, мы выбрались, мы живы — и это счастье! Не летят снаряды, не трясётся дом, не падает крыша. Мы пережили и выжили.

ПИСЬМО 2. БЕРДЯНСК — TERRA INCOGNITA

*Маленькие города, где вам не скажут правду.
Да и зачем вам она...*

И. Бродский

Проснулись мы утром рано, в начале шестого, от голода — вчерашний ужин проскочил, не задержавшись. Желудок послал сигнал мозгу: давай, соображай, откладывать нет смысла — никто ничего для нас не сделает, нужно идти добывать еду.

Первый вопрос — куда идти, где тут что? Поставив вариться немного пшеничной крупы, экономно отобранной из того запаса, что мы привезли с собой, мы с Серёжей идём «на маркет».

До сих пор мы в Бердянске не были, не приходилось. В другое время нас охватило бы нормальное чувство восторга всех путешественников и первооткрывателей. Но сейчас открытие «новой земли» происходит по необходимости, и отупевший от потрясений мозг саднит только одна мысль: не заблудиться, запомнить дорогу и вернуться — дома ждут. Да, система ценностей даёт сбой, «размениваем океан на лужи». Когда-нибудь придёт время познакомиться с этим симпатичным местом поближе...

И это получилось, как бы, само собой. Я уже утвердилась в мысли, что всё, что происходило с нами в этом году, и наше знакомство с оккупированным Бердянском в том числе, было predetermined свыше, а мы только и делали, что были свидетелями событий, которые происходили сами собой.

Пока тянулась очередь за дежурной порцией гуманитарки, мы попали в краеведческий музей. Загнанные, уставшие, полуголодные, жившие лишь с одной мыслью — где бы раздобыть еды и денег, мы бы ни за что не додумались пойти туда специально. Но вот Провидение!

Осмотрев выставленных на улице перед музеем половецких каменных баб — памятники сакрального искусства половцев (кипчаков) IX–XIII века — мы пошли изучать информацию, размещённую на стендах. Из неё мы узнали, что город Бердянск назван так, потому что стоит на реке Берде.

Бердянск в сознании любого советского человека ассоциировался прежде всего с морским отдыхом.

С конца XIX века Бердянск развивается как приморский грязевой и климатический курорт с песчаными пляжами. В открытой в 1902 году грязелечебнице были роскошные мраморные ванны, можно было принимать углекислые, серно-хвойные и серно-щелочные процедуры, а в купальнях на лиманах народ загорал и мазался лечебной грязью на открытом воздухе.

Этим летом на пляжах Бердянска людей практически не было, зато с середины июля в море плавали огромные медузы. На мариупольских пляжах обычно медузы бывают ближе к августу, маленькие, совершенно бесцветные и не агрессивные. Здесь мы познакомились с довольно злобными существами, которые больно жалились, да и выглядели угрожающе, как некие инопланетные существа. Но нас, заядлых купальщиков, испугать не смогли: несмотря на не очень жаркое лето, купальный сезон длился с середины июня и до конца сентября. На зиму море не закрылось, когда не было сильных ветров, мы ходили на пляж подышать. Такая процедура хорошо снимает стресс, очень полезное дело.

ПИСЬМО 3. РЫНОК

В отличие от неторопливого Мариуполя, где хозяйки сонно и лениво выползают за покупками к половине девятого, рынок в Бердянке начинается ни свет ни заря. Здесь режим совсем другой, и такое обыденное для любого мариупольца явление, как «вечерний базарчик», торгующий до темноты, отсутствует напрочь — кому он тут нужен вечером? Максимум до 17! «Скупляться» тут идут рано утром, потому что общественная жизнь в этом тихом курортном городке вообще протекает только до трёх часов дня. До 3-х часов дня толпится, толкается и теснится рынок, работают магазинчики, функционируют чиновники. Отовариться на рынок выскакивают в рабочее время и те, кто занят «на службе», и те, кто трудится на себя в частном бизнесе. После трёх часов вся жизнь замирает, улицы пустеют, и городок, спрятавшись за

крепенькими металлическими заборчиками, всё послеобеденное время оставшегося дня занимается домашними делами.

Как нам говорили, так было прежде. Весной 2022 года Бердянск замер и обезлюдел, 2/3 горожан, оглушённые проявлением «русского мира» в Мариуполе, уехали, бросив квартиры и дачи, опустив жалюзи на окна двухэтажных домов и одноэтажных коттеджей, забрав с собой элитных и поручив дворовых котов-собак ближайшим соседям. Закрыты нотариальные конторы, частные стоматологические кабинеты, ателье и обувные мастерские. Не работают парикмахерские, оптики и магазины. Негде купить мыла, батарейку в часы, полотенце, очки — ни с диоптриями, ни от солнца. Достать ниток или резинку в трусы просто невозможно. Закрыты аптеки, что просто катастрофа! Но выручает рынок: здесь кое-что всё-таки есть.

Рынок в Бердянске — обычный украинский базар, какие есть в каждом городе и селе, в мирное время — место покупки-продажи продуктов, вещей, цветов. Но сейчас всё закрыто, а потому единственное место общественной активности — рынок, он — центр жизни города, тут можно не только купить, но и встретить знакомых, узнать последние новости.

Рынок в Бердянске небольшой. Здесь почти у всех есть дачи, домики в ближайших сёлах, огородики возле домов, да и людей в городе немного. Здесь, как и везде в Украине, торгуют «по дворам», с годами нарабатывая свою «клиентуру». Потому рынок — это для приезжих и немного для себя, по мелочи.

Рынок — наше спасение, тут продаётся всё, тут можно купить хлеб. Хлеб в мае — по таким же ценам, что и в Мариуполе до войны, 21–25 грн. В первый день мы купили буханку хлеба, пакет пшена, бутылку постного масла, килограмм сахара.

Пришли домой и стали готовить, по дороге нарвали вишнёвых листьев — на чай. Каша была готова через час, заварился «чай», сели есть. После еды вдруг выяснилось, что хлеба осталось меньше половины: с покупкой мы просчитались, но сегодня уже никто никуда не пойдёт, устали, да и дело к обеду, а после обеда — всё закрыто. Да, первый день и первый блин...

...Сидим во дворике: тишина, птицы поют, черешня цветёт... если бы ещё еда была — совсем было бы здорово. Завтра опять нужно идти за хлебом... Все мысли, все разговоры крутятся вокруг еды. Время обеда — доедаем хлеб и кашу, в вишнёвый «чай» кладём по ложке саха-

ру — пьём, смакуем. На ужин опять варим пшённую кашу, добираем последние мариупольские запасы, едим, запиваем чаем. Мама выразительно смотрит на меня — хлеба... А хлеба нет. Завтра.

ПИСЬМО 4. ОРКИ-ГРАБИТЕЛИ

Курортный сезон 2022 года в Бердянске не состоялся. Волнами прибывали беженцы, но тут, как говорится, «какие прибыли — одни убытки!»! Беженцы, имевшие возможность оплатить жильё, конечно, селились на квартирах, дачах, в частных пансионатах, но таких было немного. Цены бердянцы озвучивали по инерции — посуточно, от 100 до 200 гривен за сутки, 6000,00 грн. в месяц. Бердянские власти размещали беженцев в общежитиях, школах — в спортзалах, в детских садах.

Оккупационные войска этому не препятствовали, людей не терроризировали, «в подвалы не кидали», в фильтрационные лагеря не забирали, не останавливали на улицах с целью проверки документов. Русских в городе практически не было видно, блокпостов в городе тоже не было, город перекрывали всего пару раз: на 9 мая и 12 июня, когда здесь отмечался День государственного флага России. Патрулей в Бердянске тоже не было, трое бойцов в кирзовых полуботинках, камуфляже, вооружённые автоматами, истекая потом, всё лето несли свою службу лишь возле здания горисполкома. Нашим партизанам это никак не помешало показательно казнить главного коллаборанта города, взорвав его в машине. Получили по заслугам и некоторые другие чиновные приверженцы «русского мира».

Оккупанты, не стеснясь, хозяйничали в бердянском порту, баражировали на вертолётах над морем, чем доводили до истерики несчастных беженцев из Марьинки, Авдеевки или Волновахи, только-только вырвавшихся из-под обстрелов. Вертолёты сперва обозначали своё присутствие грохотом винтов, а потом уже можно было увидеть один или пару зелёных аппаратов в небе. Иногда зелёные — Ка-52 «Аллигатор» — летали совместно с серыми — гражданскими Ми-24ВМ.

Местные жители на появление в небе смерти совершенно не реагировали, чувство опасности у них не возникало, они лежали на песке, купались и продолжали ловить с берега рыбу, не допуская мысли, что они с этого пляжа могут не вернуться. Мы же с криком «воздух!» выскакивали из воды, взмывали с песка и неслись с пляжа, хватая своих и чужих детей, сметая всё на своём пути: с неба могли стрелять из автоматов — а вдруг на пляже партизаны!

О том, что русские могут стрелять в обычных мирных людей, бердянцы даже не догадывались и таких сюрпризов не ждали, а мы, получившие горький опыт общения с «освободителями», каждый раз, увидев вертолёты в небе, прощались с жизнью. В моей памяти навсегда останется тот танк, который подъехал к обычному мариупольскому 9-тиэтажному дому и стал расстреливать его в упор, выпуская по каждому подъезду по 5-ти снарядов. Отстрелявшись по первому подъезду, он переезжал ко второму, а в этот момент из первого выскакивали люди. Живые, чудом уцелевшие. Они бежали из этого дома в соседний, а из танка, развернув башню, по ним стреляли из автомата. Достреливали. Вдруг они партизаны...

Вертолёты теперь кружили над городом часто, и мы старались вычислить график их патрулирования: хотелось моря и пляжа, а после такой вот релаксации на морском берегу мы целый день приходили в себя.

Русские всю зиму и весну 2022–2023 года нагло и беззастенчиво крали и вывозили фурами металлолом, железнодорожные вагоны — отдельно сами вагоны, отдельно — колёсные пары. В отношении гражданских лиц явных актов насилия не было, русские усиленно играли в «вежливых зелёных человечков»: охрана банков, пунктов выдачи гуманитарной помощи, пенсионного фонда и других мест скопления народа была предупредительна и внимательна, доброжелательно говорила «пожалуйста» и на выходе желала «удачного дня».

Но русские есть русские, тюремно-лагерные традиции предполагают жить в парадигме: умри ты сегодня, а я — завтра. Завтра будет завтра, а сегодня оккупанты, куда их не убили ВСУ или партизаны, вскрыли в Бердянске целый гаражный кооператив. Всё по закону жанра: сбивали замки, заходили, брали что хотели. Мне случилось разговаривать с несколькими владельцами гаражей — случайно разговор зашёл:

- Вы подали заявление в милицию? — спрашиваю я.
- Зачем? — искреннее непонимание.
- Как зачем, ведь вас же обокрали!

Взгляд заметался, моей собеседнице срочно захотелось домой.

— Та у меня особо ничего и не взяли... Ну, старые вещи, кое-что из консервации, и так, по мелочи... Да ничего ценного... Ну, они ж военные, значит им надо было.

Рабы. Хозяева пришли и взяли, что считали нужным. А захотят — велят дочку привести. Я перестала вести с ней какие бы то ни было разговоры: мало ли что, а вдруг донос напишет. Просто, чтоб проявить лояльность.

После очередного мощного прилёта в село Калиновка (это примерно в 20 км от Бердянска, там прежде находилась наша воинская часть, временно занятая русскими), орки проявили себя ещё краше.

Некое вооружённое подразделение, назвавшееся военным патрулём, было послано российским армейским командованием отработать поставленную задачу, а именно: осуществить определённые действия по охране и обороне военных и государственных объектов, проще говоря — выявить наличие партизан на территории города. На деле — группа вояк в количестве 10 человек, возглавляемая плохо говорящим по-русски кавказцем, вооружённая автоматами, в намордниках и касках в начале пятого утра проникла в жилой дом, срезав петли входной двери. Хозяина дома, 75-летнего деда, не было, он в охране где-то подрабатывает, эти пошли шариться по дому, разбудили спавшую в кровати глуховатую бабушку — тоже 75-летнюю — ударом дула автомата в грудь.

Старший кричал ей: «вставай, говорит, где мужь!» Бабка, онемевшая от ужаса, ничего понять не может, трясётся. Эти орут — документы! Она протягивает, оказывается они не в ту квартиру зашли, перепутали, тот, кого они хотели видеть, живёт во 2-й, а у этих — 1-я. Ушли, бабуля — капли пить, штаны менять. Дед вскорости пришёл, сюда-туда, выяснилось, что орки его золотые часы украли. Ну, партизан найдут или нет, а день выдался удачный! Прямо с утра! «Для российского туриста всё, что не прибито к полу в номере отеля, — сувенир».

Дед бабулю в чувство привёл, сам корвалолу хлебнул и прибёг в милицию! А я там как раз получала очередную справку — вот почему я подробности знаю.

— Дверь, — говорит, — восстановлению не подлежит, как теперь дом закрывать! Да и часы... Кто им разрешил по дому ходить... Кто позволил лазить по ящикам... А если бы у жены инфаркт случился? ...

Менты ему честно сказали: мы ничем пособить не сможем, если хотите — в комендатуру, это их епархия. Только вряд ли вам там помогут, — сказали ему.

— Гады, — кричит дед, — Я ЖЕ У НИХ РАБОТАЮ, ОХРАННИКОМ! Я ЖЕ ЗА НИХ!

Потому что Б-г — не Ерошка, таки видит немножко. Закон Справедливости — в действии!

ПИСЬМО 5. И САМ СЕБЕ Я МЕРЗОК БЫЛ, НО НЕ ПРОСНУЛСЯ...

В Бердянске многие жители — «горожане в первом поколении», выехавшие из ближайших сёл, где их родители, а зачастую братья, сёстры, кумовья и другие родственники и по сей день живут. В сёлах традиционно разговаривают на суржике, дети там учатся в украинских школах и говорят, как и родители: кто-по-украински, кто-по-русски, некоторые старухи ещё помнят болгарские песни и готовят по бабушкиным рецептам чорбу и мусаку, делают виноградное вино и варят домашний сыр. Так что вопрос о языке здесь совершенно не актуален, чего не скажешь о пророссийских симпатиях. Их здесь, конечно, не афишируют, но и не верят в Европу. Здесь главное — «чтобы не было войны, чтоб не было, как в Мариуполе». Бердянск — город, в котором есть всего понемногу: агрессии и сострадания, хотя больше всего безразличия, за ленточки в цветах украинского флага здесь не будут бить физиономию или лобовое стекло, зато теперь стало возможным открыто демонстрировать георгиевские ленточки.

Впрочем, людей пророссийских взглядов стало ненамного больше, зато они теперь могут открыто поддерживать «своих мальчиков», обливать грязью всех, кого хотят, и открыто высказывать свою любовь-ненависть. Усилился только эмоциональный градус: страшно смотреть, как их трясёт, аж заходятся в иступлении, когда речь заходит о том, как плохо было раньше, и как хорошо уже началось сейчас! А то, что это «сейчас» сопровождается войной, разрухой и смертями — так это естественные издержки переходного периода, а потом — сами виноваты: отчего не хотите слиться в экстазе, вам же предлагали, а вы вначале выбрали себе и нам на голову, а теперь чего-то хотите. Российский телевизор во всей красе!

Проукраинские бердянцы тоже никуда не делись, просто они стали тише. Хотя отсюда попрежнему на автобусе можно поехать в Крым, а оттуда — в Россию, в Донецк, Луганск, а далее — везде. «Людам всё равно. Лишь бы не было войны, не росли цены, а жить можно при любой власти», — описывает настроения земляков наш хозяин. С началом войны закрылись практически все предприятия, остановились выплаты зарплат и пенсий, даже имеющиеся на карточках деньги получить было невозможно — не работали банки. На первый план вышли проблемы, напрямую связанные с выживанием — высокие тарифы на ЖКХ, высокая стоимость продуктов, одежды и транспорта. Самое распространённое мнение такое:

— Я, конечно, не хочу, чтобы Россия забрала наши территории, хотя: кто это придумал — делить на «наши» и «не наши», при Союзе всё это было — одна страна! — объясняет свою позицию некая дама. — Просто мы славяне и хотим жить со славянами. Я не разделяю Украину и Россию, это всё мой народ, а европейцы нам всё-таки чужие, у них там такое творится, такая вседозволенность... эти геи... у меня там крестница уже десять лет живёт. Кума к ней ездила, да, дети её в Испанию на море возили. Всей семьёй ездили — у них двое детей, оба в школу ходят. Геи? Не, кума их не видела! Ну, я просто говорю, что они там есть. Где? Та откуда ж я знаю — где они есть, где-то ходят. А чем плохо? Там пахать надо, знаете как?! А чего не возвращаются? Так что ж ей здесь опять на рынок идти торговать, она ж только восемь классов закончила, а там она уже старший менеджер в частной гостинице...

ПИСЬМО 6. МЫ ОСТАЁМСЯ

...Каждый день мы собираемся уехать. Каждый день я хожу к Спорткомплексу, так в Бердянске называют Дворец спорта. Здесь, на большой площадке, едва рассветёт, начинают собираться все желающие выехать из города. Здесь договариваются с водителями маршруток и междугородних автобусов, стоимость билета — 500, 600, 800 гривен. Иногда можно было уехать в легковой машине — с попутчиков брали в мае 1500–2000 гривен, а летом цена была 5–6 тысяч за 1 человека.

Каждый день в 5 утра у Спорткомплекса формируются группы легковушек, 5–8 машин, чтобы дальше влиться в общую колонну, идущую на Запорожье — одинокие машины могли не пропустить, а могли и расстрелять — в упор или вслед. Движение в колонне от расстрела на 100% не защищало, водитель машины или кто-то из пассажиров мог не понравиться кому-нибудь на блокпосту, и можно было получить вдогонку «привет» из гранатомёта или АКМа, а там — как повезёт: может прилететь по колёсам, а может — и в салон. Машины, едущие рядом, пострадавших людей, конечно, не бросали, перегружали вещи, забирали раненых... но то уже другая история.

Колонны автобусов, маршруток и больших автобусов выстраивались перед блокпостом на выезде из города и ждали: выпустят или нет. Ждали долго, сутки, двое. После такого стояния в очереди блокпост мог пропустить кого-нибудь на своё усмотрение, например, только большие автобусы, а всех остальных возвращали обратно.

Очередь рассасывалась, люди возвращались в город, а новая смена блокпоста вдруг начинала пропускать всех, кто подъезжал. Люди звонили знакомым, собиравшимся выехать, те, схватив сумки, прыгали в машины, подъезжали к блокпосту и всё начиналось сначала: или выезжали, или нет.

Выехав из Бердянска, можно было застрять на любом блокпосту, но, как правило, «основные» неприятности ждали беженцев на кордоне возле посёлка Васильевка. Там стояли — сидели, спали, жили с детьми всех возрастов, со стариками, с собачками — 4–5 суток! Отойти от машины нельзя — в любой момент очередь могла сдвинуться и «вас тут не стояло!» Не отходя от машины, люди ели, пили, справляли нужду, опустившись на 80 сантиметров в кювет — поле справа и слева, ни лесочка, ни посадки. Физиология очень быстро сдвигает все изящные манеры на 7-е место: как только вас ставят в нечеловеческие условия, соблюдать благородство, порядочность и достоинство очень непросто в запредельном положении.

Выехать из Бердянска весной-летом 2022 года хотели многие, в социальных сетях были созданы группы — люди делились опытом, много говорили и в очередях в Бердянске, пока проезд не закрыли совсем.

Первую неделю мы собирали сведения и наконец приняли решение: подождём, даже трое суток в машине наши бабушки не выдержат, а за неделю поляжем все, возраст... Мы останемся, передохнём, придём в себя, хорошие условия, море. А дальше — видно будет, будем действовать по обстановке.

ПИСЬМО 7. ПРОСИТЕ, И ДАНО БУДЕТ ВАМ

Приняв решение остаться, мы всё яснее понимали, что, не решив основной проблемы нашего бытия, мы пропадём, как «Титаник» в Атлантике: нужно было найти благотворительный пункт, раздающий еду нуждающимся.

В Мариуполе, как и в других городах Украины, такие пункты работали зимой в сильные морозы: в палатках можно было поесть и погреться, а летом, в жару бесплатно поили водой. Украинцы переняли это мило-сердное дело на Западе и вот уже несколько лет кормили нуждающихся не только зимой — в обычное время такие точки тоже работали и помогали находящимся в трудной жизненной ситуации (многодетным семьям, семьям с детьми с особенностями развития, родителям-одиночкам, взрослым людям с инвалидностью, пенсионерам, бездомным).

С 2014 года для беженцев количество таких добровольных фондов возросло, и для украинцев стало обычным делом подежурить на раз-даче, отнести в такую палатку пару банок домашнего варенья или варежки, носки, шапку.

...Церквей в Бердянске много, включая религиозные миссии — 31. Они — различных конфессий, архитектурного воплощения и внутреннего убранства. Но все — в отличном состоянии, что говорит о многочисленности и щедрости паствы. Входы в храмы теперь делают с хромированными перилами, ограждающими широкие мраморные лестницы, с трёх сторон ведущие внутрь. Сразу за забором — ухоженный дворик, замощённый новенькой тротуарной плиткой, выкрашенными скамеечками, клумбы, окаймлённые иргой и жимолостью, засаженные флоксами и мятой, и садик с молодыми фруктовыми деревьями. Основное строение окружают небольшие домики вспомогательного назначения: трапезная, крестильная, лавка церковной атрибутики, кухня и др.

Церкви тут повсюду, сверкают на солнце золотыми куполами и все-ляют надежду. Первый наш поход — в Храм Святого Николая.

Чтоб попасть в эту церковь, нужно подняться на гору. С непривычки да с голодухи пеший переход нам дался не очень легко, но потихоньку дошли.

Люди на подворье сидят с раннего утра, с 5-ти, это — в основном бомжи, одинокие пенсионеры из близлежащих домов, страдающие от бессонницы, и шелупонь — потерявшие человеческий облик погорельцы-беженцы. К 6-ти появляются первые служки, привычно осенив себя крёстным знаменем, ныряют в свои подсобки. Публика почище подтягивается часам к 8–9, в это время начинается утренняя служба, она здесь поздняя. Храм постепенно заполняется, со двора слышны благородный баритон иерея и надтреснутые голоса певчих.

По окончании службы — проповедь. Нея зашла в храм, чтоб лучше услышать, о чём говорится с амвона. Вышла вдохновлённая: слова батюшки ей понравились, речь священника была скорее пацифистской направленности, но и то хорошо, учитывая, что Храм Святого Николая принадлежит РПЦ.

Ежедневно тут отмечают различные мелкие праздники, проводятся службы, посвящённые определённым моментам, но больше всего бердянцы чтут литургию: по окончании литургии происходит таинство Причащения, во время которого все присутствующие по-

очередно подходят к амвону, где стоит святой отец с большой чашей вина и просфорами. Помня о недавнем коронавирусе, церковные служки наливают вино половничком в маленькие одноразовые пластмассовые стаканчики. Народ чинно становится в длинную очередь, благожелательно пропуская вперёд детей и древних старух. Но чудеса на этом не кончаются. Когда основная масса верующих рассосётся, батюшка выходит из храма через главный вход с подарками для малышни: конфетками, печенюшками, треугольными коробочками сока. Батюшку благодарят и боготворят. Обменявшись лобызаниями с детворой — его в руку, а он — в макушку — святой отец находитесь в приподнятом настроении. Тут надо торопиться — теперь наша очередь.

Я подхожу к священнику. Он привычно протягивает руку для лобызания, но, видя, что я не реагирую, после некоторого замешательства убирает её за спину.

— Батюшка, — говорю я, — вера без дел мертва есть, а дела без веры — ещё хуже, одна только трата времени, и больше ничего.

Святой отец удивлённо вскинул брови: обычно так не наглели.

— Батюшка, — улыбаюсь я и чувствую, что сейчас заплачу, — мы — мариупольцы, беженцы, люди сказали — у вас тут кашу дают бесплатно. Нельзя ли нам подхарчеваться у вас? Распорядитесь, сделайте благое дело! Нас пятеро, все пенсионеры, две совсем старенькие бабушки — 85 и 90 лет.

Святой отец разрешил, сказал, что каша — каждый день и приходите лучше часам к 11 утра. Сказал — и ушёл. Мы с Нелей вернулись на скамейку — перевести дух от напряжения.

— Только вы же какую-нибудь тару возьмите, — советует благообразная бабуля, сидящая рядом. — Под кашу и под компот!

Тару. Спасибо. Да, конечно, надо взять, но что?! У нас ничего нет: ни банки, ни плошки, ни бидончика... Бабуля, видя нашу растерянность, обещает принести что-нибудь подходящее. Завтра. А на сегодня у нас опять рынок, надо купить хлеба. На часах — 10 утра, нужно торопиться, но мы всё ещё сидим в церковном дворике и тихонько обсуждаем события сегодняшнего утра. Возьмём кастрюли — решаем мы, авось как-нибудь донесём, не расплещем!

— Вы приходите завтра пораньше, — советует пожилая дама, одетая по моде 80-х годов: на ней ярко синяя плиссированная юбка из искусственного шёлка, белая блузка с фестонами на воротнике, бусы из ювелирного пластика, на ногах белые носочки и босоножки. Дама

подвигается ближе и доверительно сообщает, что кашу, а может быть суп, варят трое молодых людей вон за тем забором. Там стоит «полевая кухня» и стол, туда подвозят лук и морковку, а воду доставляют пару раз в неделю, её можно тоже здесь набирать.

Попрощавшись, мы бежим на рынок за хлебом. Хлеб раскупают быстро, становимся в две очереди сразу. Взяли, хватило. Теперь можно пройти по рынку — поглазеть. Рынок полупустой, цены — заоблачные. Мы устали, а домой ещё идти целый километр!

Неля очень плохо ориентируется на новом месте, все улицы ей кажутся одинаковыми, поэтому мы идём, никуда не сворачивая и запоминая названия закрытых магазинчиков, мимо которых движемся. Ноги не несут, но мы идём и вскоре приходим.

Короткий отдых и к печке: бабушки уже оголодали и смотрят на нас с явным осуждением — где можно шляться, семья не кормлена! Ну вот, каша сварена, хлеб нарезан. По дороге мы нарвали горсть ромашки, уже появились первые цветочки — заварили чай. На столе в майонезной баночке стоит сахар, чужой. Бабушки берут его и через день баночка пустеет. Надо покупать. Надо кормить семью. Надо жить дальше

ПИСЬМО 8. «ЦЕЛОДНЕВНАЯ РАБОТА ИЗ-ЗА КУСКА ХЛЕБА»

На следующее утро мы выдвинулись в церковь с рассветом. В начале шестого вошли на церковный дворик и — сразу к Наташке. Мол, мы за кашей, мол батюшка распорядился, мол, запишите в очередь. Бомжиха окинула нас изучающим взглядом и записала на абсолютно чистый лист тетради под номером 20!

— Люди заняли и ушли за посудой, — опережая наш вопрос, ответила она.

Мы сели и стали покорно ждать. Двор постепенно стал заполняться людьми.

Часов в 9 возле заветного забора обозначилось движение: трое молодых мужиков крупного телосложения стали топить передвижную установку, известную всем под названием «полевая кухня».

Принесённые поленья дров были разрублены на чурки, полевая кухня откликнулась на это и задымила. Вскоре подошла моложавая стройная женщина, Оля, начавшая без проволочек чистить, резать и крошить овощи. Через полчаса растопка прогорела и баки стали заполнять обжаренными на сковороде морковкой и луком. Следом высыпали крупу и добавили воды. Дальше процесс пошёл сам собой.

Прочувствовав наступившую паузу, я подошла к поварихе с монологом, который два часа назад адресовала бомжихе. Повариха участливо выслушала и велела — как ворота откроются — стремглав бежать к ней и становиться впереди всех.

— Так мы же без очереди, — попыталась я добавить решимости в голос.

— Да-да, — ответила Оля без особой уверенности и энтузиазма.

Лишь только я отошла — ворота закрылись. Ещё минут через сорок над ними показался один работник поварской команды: встав на раму, он метровой нестроганой доской-дюймовкой принялся мешать содержимое котла. Аромат мгновенно разнёсся ветром по двору, народ зашевелился. Церковное подворье сразу заполнилось людьми всех возрастов и социальных групп — вот уже три месяца, как в Бердянске не платили пенсий, не было возможности снять с карточек и накопленные, недополученные зарплаты — пенсионеры бедствовали, дети не могли им помочь. Основные волны беженцев из Мариуполя уже схлынули, те, кто остался — питались организованно. Пришли «освободители», навели порядок...

Последовав вчерашнему совету, мы за кашей пришли с двумя кастрюлями. К моменту открытия ворот я была уже рядом и не мешкая поставила нашу тару на раздаточный стол.

— Мы — мариупольцы, — интеллигентно оправдывалась я, — нам разрешили без очереди. Очередь глухо зароптала.

— Нас 5 человек, — объясняла я раздатчице Оле, — дайте нам на всех, пожалуйста.

— Не положено, — возбудилась очередь, — пусть приходят!

Раздатчица, тем временем, налила в наши кастрюли по 2 черпака густого варева и дала 5 кусочков белого батона. Пока я толкалась в очереди, Нелечка, отыскав в толпе вчерашнюю бабушку Нелю Алексеевну, получила от неё 2 литровые банки тёмного варенья, дав слово вернуть банки через неделю.

Взяв кашу, мы с Нелей пошли обратно — вниз идти было гораздо удобнее, но нести жидкую кашу на руках перед собой всё же было проблематично. Хозяйские трёхлитровые кастрюли были заполнены чуть больше, чем наполовину, но в сумку не помещались, да и крышек на кастрюлях не было — дымящаяся же, только что снятая с огня каша то и дело норовила расплескаться. Мы так и пришли домой, с кастрюлями на вытянутых руках, уставшие до изнеможения, но довольные и радостные: еда — это жизнь, мы принесли жизнь!

На вкус каша оказалась вполне съедобной, а белый батон с цветочным чаем был просто изумительным! Каша из одной кастрюли составила наш завтрак, вторая была «реставрирована»: сердобольная хозяйка выделила нам миску проросшей картошки, которую мы, соединив с кашей и добавив воды, обратили в суп, чем заметно увеличили объём дневного рациона.

На следующее утро мы повторили свой поход. Ранним утром, оснащённые кастрюлями, мы появились на церковном подворье. Записавшись в очередь и получив какой-то — без разницы ведь — номер, мы принялись ждать. Ждали мы, как и вчера, долго, но сегодня кухонная территория была закрыта всё время приготовления. Часов у нас не было, мобильные телефоны без зарядных устройств остановились, время мы определяли по косвенным признакам: служба началась — 9 утра, служба закончилась — 10 утра, значит, скоро будет выдача. Чуть только заветные ворота дрогнули — я прильнула к металлическому листу, отделяющему нас от вожделенной гущи: Неля была ещё слишком слаба, чтобы участвовать в борьбе за еду, она сидела на скамейке и ждала, пока наполнят нашу тару.

Поставив кастрюлю на раздаточный стол, я тихонько напомнила поварихе Оле кто мы есть.

— Завтра без очереди не подходите, не дам, — так же тихо сказала Оля. — Вчера был скандал, сказали, что я без очереди своих пропускаю, оно мне не надо!

— Так нам же батюшка разрешил, — обомлела я, — мы же не сами...

— Сами утрясайте, — сказала повариха, пряча глаза, — я против них не пойду.

Взяв кастрюли, мы потрусили домой. Сегодня каша была больше похожа на суп, но картошка добавила густоты и к семи часам вечера тара была пуста, чисто вымыта и приготовлена на завтра.

Придя в очередной раз на церковное подворье, я получила номер 103! Не выдержав такой беспредельной наглости, я пошла жаловаться настоятелю храма. С возмущением рассказала и о том, что не отпускают без очереди, и о самой очереди, и о бизнесе на номерах.

Святой отец выслушал меня с плохо скрываемым раздражением.

— А что я могу сделать? — процедил он, сделав «замороженное» лицо. — Я к очереди не имею никакого отношения. Люди сами там всё организуют, сами. Волонтеры привозят продукты, волонтеры готовят,

волонтеры народ кормят — я тут ни при чём, — изрёк пресвитер и, развернувшись, ушёл вглубь притвора.

Значит — знает, поняла я. Не может не знать, он здесь всё знает — служки то и дело бегают к нему с докладами, получают различные задания, выслушивают распоряжения — мы это видели не однажды. Значит — «в доле», видать, заносят ему «малую толику», стал бы он сквозь пальцы смотреть на неприкрытое бесчинство, если бы ему это не было выгодно.

Ни отстаивать свои права — какие могут быть права у бездомных нищих, которых кормят Христа ради? — воспитывать уверенного в своей непогрешимости иерея в его же доме у меня желания и сил не было, и я вернулась в очередь.

ПИСЬМО 9. ЛЮДИ ГИБНУТ ЗА МЕТАЛЛ

Уж если хорошим людям везёт, то везёт по-настоящему: сидя на церковном подворье, я познакомилась с беженцами из Волновахи. Они рассказали мне, что, зарегистрировавшись в пенсионном фонде, можно получить деньги, материальную помощь. Дают всем, они уже получили по 10 тысяч рублей на каждого. У меня дыхание перехватило: так что ж я тут сижу!.. А где этот фонд? Объяснили. Я почти поняла, ладно «язык до Киева доведёт»!

Назавтра я была там в половине шестого. Людей уже море — Бердянск встаёт рано. Пенсионный фонд расположился в одном из корпусов больницы, так что здесь все «друг у друга на голове»: ни пройти, ни проехать, «скорые», легковые частные, санитарки с тележками... Но никто не орёт и не психует — посигналили, все расступились, кому надо — проехали и все снова стали на свои места.

Пенсионный фонд открывается в 9 утра. С раннего утра уже толчея, сутолока и неразбериха. Вход штурмует очередь человек в 600. Проблемы у людей разные, ответы все в одном месте — в Мелитополе. Именно там формируется социальная политика для оккупированной территории, там сочиняются циркуляры, которые потом «спускаются» в Бердянск. Чиновницы все русские — местных уволили. Специалисты вносят личные данные в компьютер и отправляют их в Мелитополь, там что-то с чем-то сличают — часами стоя в бесконечных очередях, народ выучил новое слово: ве-ри-фи-кация! У 70-ти летних дедов верифицируют военный билет — все 17 листов, 35 страниц!

Людям требуется начислить пенсию, пересчитать, внести изменения, переадресовать — да мало ли что... На каждый казус — специалисты разные. Очереди тоже разные. Понять, куда — кому, с ходу не удаётся. И не только мне.

Получение денег в Бердянске во время войны — история детективная и многосерийная. Начислением денег здесь занимается, кроме Пенсионного фонда, ещё и соцобес, госструктура по дополнительному или специальному обеспечению определённого круга лиц: многодетных семей, инвалидов и др. А вот получение самих денег — это нечто малопонятное, ибо процедура их распределения по местам получения по сути своей загадочная и почти мистическая.

Бердянцы, измученные беготнёй по городу и трёхдневным стоянием в очереди, нет-нет, да и вспомнят, как при Украине деньги получали в банке по карточке и лишь столетним одиноким старикам приносила почтальонша домой. Теперь Приват-банк закрыт, нет и Ощад-банка, отделения почты получают какие-то невнятные списки, жене — есть, мужу — нет.

— Как же так, ведь вместе документы сдавали?

— А я откуда знаю: мне что прислали — то и есть. Идите в Пенсионный!

А чтоб попасть туда — запись, очередь больше 3 тысяч человек, в этом месяце уже в списки не включают, зарегистрированных в начале мая включили в списки лишь за июль. В начале августа получили. Это — Россия, детка!

После очередной смены руководства Пенсионного фонда чиновники сообразили, что через банк-то оно ловчее будет и велели всем открыть лицевые счета в ПСБ, Промсвязьбанке. Только в нём. Отделений на город два. И весь Бердянск ринулся открывать счета. Да, правильно, снова очереди, опять номера, и некому пожаловаться. Запуганная безденежьем и уставшая от бессмысленно-безрезультатного стояния на почте, я иду открывать счёт в банк.

В половине второго ночи выхожу из дому.

— Ты куда? — шепчет муж.

— Ну ты же знаешь — куда я! Иду к любовнику! — ехидничаю я.

— Вернись сейчас же, ты сошла с ума! Комендантский час, тебя арестуют и посадят, а я даже не узнаю куда! И что я буду делать?! — паникует он.

— В 8 часов позавтракаешь и в половине девятого привезёшь Нелю и бабушек в банк. В полдевятого, не позже! — перевожу я разговор в практическую плоскость.

— Я не про то, — волнуется Серёжа.

— А я про то, смотри: опоздаешь — нас в очередь назад не пустят! — приказываю я.

— Ты хоть знаешь, где это? Боже мой, она сошла с ума, комендантский час, возьми хоть бутерброд...

Я знаю, куда идти, я всё взяла. Очки, паспорт, носовой платок. Да, документы из Пенсионного фонда. Комендантский час, конечно, есть, но идти надо. Я в брюках и куртке, волосы собраны в пучок и спрятаны в кепку, осенние туфли — вдруг бежать, да и стоять долго. «Кто там улицы крадёт, кто в такую ночь не спит?»

Улицы в Бердянске ночью освещены как днём, хоть бы какой фонарь погас, какая-нибудь лампочка перегорела... Дворами я идти боюсь, да и здесь дворы не сквозные, не проходные — старая купеческая планировка. Надо идти по неосвещённой стороне улицы, хотя видно всё равно. «На ветру листовка бьётся, биржа чёрная горит». Эх, надо было бы хоть мелом где-нибудь написать: «Слава Украине!», такая возможность пропадает! Но мела нет, всё не по-людски. Тут всё лето на одном доме чёрной краской пишут: «Слава ВСУ!», неделю стоит, потом надпись сдирают или закрашивают. Но через пару дней она появляется синим. Горжусь нашим народом!

Так, ещё один квартал, и я на месте...

Ещё на подходе к отделению банка слышу автоматные очереди. Где-то близко. Рядом! Я влипаю в куст и сливаюсь с ним. Присмотревшись, замечаю в тени справа от входа группу людей. Пригнувшись, огибаю куст и в два прыжка достигаю тени у входа. Люди — это очередь в банк! Ура, я на месте.

— Чеченцы в бурят стреляли, разборки какие-то там у них, — низким красивым голосом говорит полная высокая молодая женщина в куртке с капюшоном.

И вот я возле заветного стола. Паспорт? Вот. Распишитесь. Мне дали 2 разноцветные бумажки по пять тысяч. Всё. 3 минуты. Следующий!

Всё? Всё! Я получила возделенные 10 тысяч рублей, что соответствует 6 тысячам гривен. На месяц хватит оплатить жильё. Остальные деньги, те, что получили бабушки, пойдут на еду. На сколько же их хватит... Вопрос далеко не праздный: получив деньги, бердянцы ломанулись на базар — цены тут же подскочили на 25%.

ПИСЬМО 10. «ТЫ ХОЧЕШЬ, ЧТОБ НА НАС ДОНОС НАПИСАЛИ?!»

В конце июля украинцы, проживающие в Луганской области, стали возвращаться домой: «освободители» массово заселяли уцелевшие дома, новопоселённые активно мародёрствовали чужое имущество и беженцы поехали обратно. Российский телевизор уверял, что жителям ничего не угрожает, люди измучились за полгода по чужим квартирам и хотели домой.

Чтоб выехать с одной оккупированной территории в другую оккупированную зону, нужно было получить пропуск, а то и два: дающий право выезда из Запорожской области в Донецкую, а из Донецкой — в Луганскую. Люди относились к нововведениям с пониманием: они же хотели в Россию, хотели жить по российским законам — пожалуйста!

— Зато я могу свободно говорить по-русски, — гордо заявила одна переселенка.

— А до войны — не могли? — уточнила я.

— Могла... — неожиданно сказала тётя и вдруг зашла в истерику. — Я не хочу, чтоб меня заставляли Бандеру любить, они памятников этому фашистскому прихвостню понаставили!

— Заюшка, — нежно-настойчиво взял меня под локоть муж, — там чайник закипел...

Я возвращаюсь в дом.

— Ты же мне обещала, — шипел мне в самое ухо Серёжа, — ты же клялась, что не будешь митинговать... Ты хочешь, чтоб на нас донос написали?!

ЧАСТЬ III**ДОЛГОЕ ЛЕТО 23-ГО****ПИСЬМО 1. МИША**

Ожидание, Тревога и Надежда, — вот чувства, с которыми мы теперь живём постоянно. Тревога — как там дети. Ожидание и Надежда — когда же нас освободят.

Как в дурном и страшном сне, начавшемся в конце зимы 2022 года, мы жили и ждали, что морок наконец отступит и явь, ясная, чёткая и верная, вернётся в нашу жизнь и наше сознание, отринувшее жуть

и муть тяжёлого забвения, очнётся и заработает в нормальном режиме, вернув нас в прежнюю жизнь.

Мы, сидя на оккупированной территории, трепетно следим за действиями и ВСУ, и МО РФ, а также за комментариями военкоров и политологов каждый день, отмеряя прожитые дни вдаль от детей и внуков. Ни обнять, ни поговорить, ни блинчиков нажарить. Полтора года жизни у нас и у них отняли «освободители», освободив нас от внуков, а их от дедушки и бабушки, от их заботы, от их сказок и совместных дел.

Миша пошёл без нас в 1 класс. Мы не бегали по школьным базарам в поисках канцелярских принадлежностей, не стояли на коленках, примеряя ему сменную обувь на выросшую за лето ножку, не выбирали ранец и нарядный костюмчик. Мы не стояли во дворе отремонтированной школы и не видели, как он, вручив своей первой учительнице букет георгин, оглядываясь на нас, переступил порог школы. Мы лишены были возможности сфотографироваться с ним в этот день. У нашей семьи эти твари украли один из самых важных дней в жизни всей семьи. Мы, конечно же, ещё отведём его в школу, но это уже будет не то: есть вещи, которые бывают в жизни только один раз и негодяи лишили нас всех этого счастья.

Когда внуку нужно было готовиться к школе, дети, спасаясь от войны, переехали в Умань. Какое счастье, что у них уже была машина! Старенькая, но вполне ещё рабочая машина. Из Мариуполя он ехали «куда глаза глядят» — бензина хватило доехать именно до этого городка.

Цены на жильё в Умани заоблачные, такие на тот момент были только во Львове. Однокомнатная квартира — от 500 до 1500 гривен в сутки. В сутки!

...С конца 1980-х возродилась традиция посещения могилы цадика Нахмана Бреславского. И горожане постепенно переориентировались на этот экзотический для Украины бизнес — приём довольно специфических гостей-хасидов, приезжающих навестить свои сакральные места. Весь город кинулся строиться, работа на предприятиях постепенно утрачивала свою социальную и, главное, финансовую привлекательность.

Несмотря на войну, в Умань в 2022 году приехало более 20 тысяч хасидов. В следующем году хасидам приезжать сюда не рекомендовали, однако в сентябре на еврейский Новый год прибыли 30 тысяч человек.

Бесстрашные хасиды! Их охраняли украинские и специально прибывшие израильские полицейские.

Со временем дети устроились в Умани, поменяв несколько комнат и найдя подходящий для себя вариант. Теперь можно подумать и о том, чтобы вернуть и Мише привычный режим жизни — дома он посещал школу-развивашку.

И вот новая школа-садик. Пару дней все знакомились, дети — друг с другом, воспитатели — с вновь прибывшими малышами. Времени нашему Мише не дали. Его исправляли, поправляли, одёргивали, высмеивали и позорили. Ему говорили, что русский — язык наших врагов, а, следовательно... В этом месте педагог делала паузу, и всем детям становилось понятно, что 6-летний мальчик, плохо говорящий по-украински, в шаге от пособничества и предательства. Он говорит на языке оккупантов, где гарантия, что он не скрытый враг?!

В ночь на 28 апреля 2023 года российские войска нанесли ракетный удар по Умани. Российская ракета попала в жилой девятиэтажный дом, в результате чего погибли 23 человека, в том числе шестеро детей. Перед этим страшным горем меркнут все неприятности и недоразумения, имевшие место в жизни наших детей. Но меня всё же не оставляет мысль: как Провиденье ведёт нас по жизни! Дети не вписались в жизнь и быт Умани, все знаки им были — уезжайте.

Пробыв в Умани 3 месяца, дети уехали вглубь Украины, вспоминая своё пребывание в этом гостеприимном городе с горечью и разочарованием.

На новом месте Миша учился на украинском языке и хорошо закончил 1 класс. Кроме того, он теперь знает, что люди в этом мире есть разные и некоторые даже могут тебя не любить, и это — нормально, ибо такова жизнь. А ещё в этом мире есть нелюди, но это ненормально, хотя и это — тоже жизнь.

Он знает уже очень многое: он считает до 100 и знает 4 действия арифметики, читает на 3-х языках, включая английский, знает, как воспитывать соседскую овчарку, за год выросшую в большую собаку, и чем кормить котёнка. Он с удовольствием ходит в школу, и там у него есть друзья. А ещё Миша знает, как реагировать на звук воздушной тревоги, он привык к тому, что подвал — такая же комната, только под землёй, как метро. Там можно учить уроки, читать, спать и просто жить. Потому что так надо. Потому что война.

Мы видим его в мониторе компьютера, мы слышим его голос, но этого мало, хотелось бы его обнять, погладить мягкие каштановые волосы. Но для этого надо выжить. Надо всем нам постараться выжить.

ПИСЬМО 2. ДИАНА

Диане 4,5 года. Она тоже кое-что знает о войне, но родители — семья нашего младшего сына — сумели так рассказать ей о происходящем, чтоб не слишком пугать и не травмировать.

Дети переехали в Винницу 24 марта 2022. До этого времени они вместе с нами жили в блокадном Мариуполе: голодали, пили воду из ручья, спали в полглаза и при малейшей опасности ныряли в подвал.

Подвал в своём доме наш сын кое-как оборудовал уже во время бомбёжек, и главной задачей детей было сделать всё, чтоб малышку не испугать. Сидеть в подвале просто так — это и не все взрослые могут. Ребёнка же нужно отвлечь, развлечь, и при этом крепко держать себя в руках — нужно улыбаться и пребывать в полнейшей уверенности, что всё будет в порядке. Иначе нельзя, ребёнка обмануть очень трудно.

Поэтому в подвал ныряли — хоть днём, хоть ночью — и обставляли это как приключение, Дианка игру приняла. Карине, моей героической младшей невестке, было некогда вздыхать, ныть и рыдать...

Родителям нашей внучки некогда было рефлексировать, надо было рассказать Дианке сказку про крота (доброе и хорошего, ну, такого, почти кота, как наш Мурзик), к которому мы бежим в гости. Весело, хоть и страшно!

В Виннице они вначале жили вместе с приятелями в трёхкомнатной «хрущёвке». Тесно, но бесплатно. Через 2 месяца получилось отсоединиться: удалось снять маленький, 56 кв.м., домик на окраине города. Дом не новый, но с удобствами и главное — в нём есть подвал! Вот что теперь ценится в нашей жизни!

Дети стали потихоньку осваиваться на новом месте, но когда по центру Винницы российскими войсками был нанесён ракетный удар, мир в нашей семье снова закачался, земля ушла из-под ног. На город было запущено 7 ракет, 4 из них были сбиты силами украинской ПВО. Винницу атаковали крылатыми ракетами типа «Калибр», выпущенными с подводной лодки в акватории Чёрного моря. В городе разорвались три ракеты, одна из них попала в здание с офисными помещениями, пострадали также Дом офицеров и расположенные неподалёку жилые дома. 27 человек погибло, около 183 человека ранены, из них 50 — в тяжёлом состоянии. Среди погибших — трое детей.

Наша невестка Карина, её младшая сестра Эвелина и наша внучка Дианка, спасаясь от русских бомбардировок, смогли уехать в Ирландию. Сын остался в Виннице. Семья раскололась, автобус, отвозивший девочек в аэропорт, проехал тяжёлыми колёсами по осколкам жизни.

Господи! Чем мы провинились перед тобой?

Всё это время наши девочки живут в гостеприимной Ирландии. Диана говорит уже на трёх языках: по-русски, по-украински и по-английски. У неё есть приятель Жорик, они с мамой приехали из Одессы. Дети до обеда находятся в детском саду: там чудные молодые воспитательницы, которые умеют говорить с детьми на языке дружбы и понимания. Рядом с нашими живут и другие беженцы из Украины.

Хозяин кафе, в котором питаются наши девочки — албанец, он славный парень и готовит неплохо. Он взял Эвелину на работу и теперь у неё есть возможность самостоятельно арендовать жильё.

ПИСЬМО 3. «БЫЛО СТРАШНОЕ ДАВЛЕНИЕ ЗАПАДА»

Мы очень признательны всему миру за помощь и поддержку. Хочу только напомнить: когда вам на Западе снова захочется поговорить о прекращении войны, вспомните украинцев, погибших от бомб и ракет, заваленных в подвалах домов, утонувших в водах Каховского водохранилища.

В советское время Украина поставляла оружие, к примеру, крылатые ракеты Х-55, которые сейчас летят к нам. Они делались и на Харьковском авиазаводе, и на Запорожском моторостроительном заводе «Мотор Сич». Там производились моторы к российским вертолётам Ми-24, Ми-26, К-50, К-52, теперь русским негде их взять и поломанные моторы отремонтировать негде. Но наши западные союзники в своё время заставили нас отдать России 585 крылатых ракет Х-55, которыми, повторю, сейчас они стреляют по нам. Нашими же ракетами. Заставили отдать 16 стратегических бомбардировщиков, в том числе, Ту-160, Ту-95, с которых сейчас запускают ракеты по нашим городам и посёлкам.

«Давление было колоссальное, — говорит украинский политический и государственный деятель А. Геращенко. — Я говорил с покойным президентом Леонидом Макаровичем Кравчуком, когда познакомился с ним в 2014 году. Я ему задавал вопрос, почему вы и Кучма отдали ядерное оружие, крылатые ракеты, которые могли лететь на 2,5 тысячи километров. Говорит: „Было страшное давление Запада, что если вы этого не сделаете, то мы вас оставим один на один с Россией, а так,

если вы отдадите это оружие России, то мы вас будем поддерживать“. Мы все помним, как страны Запада панически боялись распада Советского Союза в первую очередь из-за распределения ядерного оружия. Американский президент (Джордж Буш-старший) выступал в Верховной Раде УССР и призывал не отсоединяться, не доводить до распада Советского Союза. Буш сказал Горбачёву, что распад Советского Союза не в интересах Америки. А что теперь?»

ПИСЬМО 4. ПАЦАНЫ

Война действует на умы не только взрослых, но и детей. Они очень быстро хотят повзрослеть, но так и остаются детьми. Навсегда.

24 июня гауляйтер Запорожской области Владимир Рогов заявил об убийстве оккупантами двух украинцев-партизан, назвав их «террористами». Погибшими оказались два 16-летних подростка из Бердянска, Тигран Оганнисян и Никита Ханганов. В соцсетях появилось видео Тиграна. На нём он, с автоматом и в тактических перчатках, говорит: «Двух точно, это смерть, пацаны. Прощайте! Слава Украине!»

О сентябрьских событиях 2022 года правоохранные органы оккупированного Россией Бердянска сообщили только 16 декабря 2022 года. РИА Новости сообщило о том, что двух жителей Бердянска задержали за диверсию на железной дороге: злоумышленники вроде бы повредили электрооборудование системы координации движения и линии связи и положили на пути столб, чтобы составы сошли с рельсов.

Российские власти Бердянска возбудили уголовное производство по статье «Диверсия», предусматривающее наказание до 15 лет лишения свободы. Имена подозреваемых не назывались, но в публикации писали о «двух жителях Бердянска», и нигде не указывалось, что они — несовершеннолетние. Позже оккупационная власть сняла об этом происшествии видео, на нём видно, что подозреваемые — двое подростков: 16-летние друзья Тигран Оганнисян и Никита Ханганов.

Эта безумная выходка мальчишек на железной дороге совпала тогда по времени с украинским контрнаступлением на Херсонщине: все ждали, что ВСУ на плечах сбегающего противника освободят и всю Запорожскую область.

Оккупационные власти хоть и взяли парней в оборот, но, что удивительно, никакую меру пресечения тогда им не избрали, просто обязали каждый день отмечаться в прокуратуре города, хотя в других ситуациях местные военные и оккупационная полиция обычно помещали людей в камеры по мельчайшему подозрению.

Я писала тебе, Нюта, что в первые месяцы оккупации Бердянск пережил нехватку базовых продуктов, наличных денег и лекарств первой необходимости и, привыкшие к размеренной жизни в комфорте и достатке, жители города вначале даже протестовали против такого положения дел, выходя на стихийные митинги. Российские военные разгоняли демонстрации стрельбой в воздух, задерживали и избивали протестующих. На этом фоне и появились отдельные партизанские акции, в частности, покушения на видных коллаборантов: в сентябре прошлого года неизвестные расстреляли заместителя главы оккупационной администрации Олега Бойко с женой, 31 октября в результате взрыва был ранен заместитель назначенного россиянами «мэра» Павел Ищук, а в январе 2023 года подорвали местную пророссийскую активистку Валентину Мамай.

А 13 декабря — за три дня до того, как РИА Новости опубликовало видео с Тиграном и Никитой возле железной дороги, кто-то взорвал трансформаторную подстанцию, питавшую казармы российских военных, оставив их без света. Менты и в России, и у нас работать не могут, не любят и не хотят: вместо найти того, кто это сделал, — свалили на пацанов. И дело «в шляпе», разрешите получить благодарность!

Учитывая то, что подозреваемые в совершении теракта на ж/д — мальчишки, их, как я уже писала, поначалу не задерживали, пацанам лишь было велено просто приходиться в милицию и отмечаться. Но уже 30 сентября следователи изменили своё решение и задержали Тиграна. В процессе задержания силовики — милиция и военный патруль — особо не церемонились: они ударили пожилую бабушку Тиграна, подросток заступился за неё и тоже получил удар. После чего ему (мальчишке!) накинута мешок на голову и увезли в неизвестном направлении.

В тот же день российские военные пришли домой к Никите Ханганову, но никого там не застали и ушли.

Тиграна фактически похитили из дома и держали пять дней в милиции в общей камере. Бабушка говорила, что там были разные люди: шантрапа-уголовники, мужики-украинцы, которых российские военные захватили во время войны — без обвинений и судов, родственники-заложники, сидящие в камере до тех пор, пока менты не найдут нужных им людей.

В тюрьме Тиграна жестоко пытали — били, применили электрошокер и имитировали казнь, в общем, пугали не по-детски. Взрослые дядьки пытали хлопца, пытаясь добиться признания, что мальчишки состоят в террористической банде. У подростков дома регулярно

устраивались обыски, за молодыми людьми организовывалась слежка. Но официально ещё несколько месяцев никакого обвинения им не предъявляли, т.к. в России на месте ничего не решается: Следственный комитет РФ сам готовил передачу дела в суд, с обвинением юношей в «подготовке диверсии на железной дороге». А пока готовилось это шоу, мальчишек отпустили под домашний арест.

Тигран жил в Бердянске с бабушкой, а его мама со своим вторым мужем и маленькими дочками уехала в Германию: одной из девочек требовалось лечение. Мама Тиграна всё время созванивалась с сыном и, обеспокоившись положением дел, решила забрать парня с оккупированной территории. Но силовики парня отдавать отказались: его должны были показательно, под телекамеры, судить.

В январе вся семья — мама, отчим и двое маленьких детей — всё же приехала из Германии, чтобы попытаться забрать Тиграна. Они добрались в Бердянск через Россию на своей машине. Выпросив парня у местных ментов в Бердянске, они двинулись назад — снова через Россию: выехать на подконтрольную Киеву территорию Украины через линию фронта ни тогда, ни сейчас практически невозможно — там линия фронта.

О том, как мы тут передвигаемся по оккупированной территории — это отдельный рассказ, я его тебе отдельно расскажу: это важно, чтобы понять нашу жизнь. Ну, садись поудобнее.

ПИСЬМО 5. РЕАЛИИ ЖИЗНИ

Теперь — о регистрации и фильтрации. Её проходят в обязательном порядке все жители оккупированных территорий, чтобы «предотвратить попадание на территорию ДНР, ЛНР и в другие районы лиц, причастных к силовым структурам Украины, участников националистических батальонов, членов диверсионно-разведывательных групп, а также их пособников»: без справки о регистрации не берут на работу и не дают гуманитарную помощь.

Фильтрация — это процедура проверки оккупантами украинских граждан с целью определения их на лояльность российскому режиму и задержания тех украинцев, которые угрожают российскому контролю над Украиной, включая всех, кто придерживается проукраинских взглядов.

Как проверяют? А как это делали фашисты в гитлеровской Германии? Есть много свидетельств. Новые русские фашисты действуют так же.

Фильтрационный лагерь состоит из примерно 15–18 шатровых палаток, размером семь на четыре метра, стоящих в поле и огороженных колючей проволокой. Охраняли его военные с оружием и полным боекомплектом. На входе были установлены две большие белые палатки. Людей здесь разделяют — женщин направляли в палатку с левой стороны, мужчин — в правую палатку.

В палатке проводятся допросы. Людей спрашивают про связи с ВСУ и СБУ, отношение к России, задают вопросы о личном прошлом, семейных связях, политических взглядах. Во время допроса на вас кричат, вам хамят, вас запугивают, угрожают, требуют честно признаться о связи с ВСУ, Правым Сектором, партизанами, сообщить о знакомых, назвать их фамилии, адреса.

Во время допроса происходит обыск личных вещей и досмотр техники, в том числе переписка на мобильных телефонах. Телефон могут забрать, компьютеры забирают сразу и навсегда.

Во время допроса вас заставляют раздеться догола, неважно, мужчина вы или женщина, ребёнок или бабушка. И неважно, что на улице в это время +8 с ветром. Ты стоишь голая и синяя от холода и ужаса, а толстая сучка в бёрцах, камуфляжных брюках и толстой зимней куртке вяло и безразлично задаёт свои вопросы.

— Фамилия!

— Перед вами же документы, посмотрите!

— Будешь умничать — сейчас другого возьму, а ты трое суток тут просидишь! Фамилия! Место проживания! Проживали по прописке или нет? Нет? А почему? Ещё одна квартира? Миллионеры? Мы это исправим, га-га-га... Так, деньги, украшения, ценности — на стол! Сапоги снимай! И шо — шо земля... да, не паркет. Тебе тут шо — ковры расстелить?! Снимай! Как зачем — кольца буду снимать с пальцев ног! У тебя нету, а я проверить должна! Жаль, шо не могу заглянуть тебе в ... Не положено... а зря!

У мужчин ищут татуировки, следы от ранений, характерные потёртости от ношения оружия. Это всё изымается и претензии не принимаются: какие могут быть претензии у жертв к палачу?

Меня спрашивают об отношении к Бандере, украинской повстанческой армии. В телефоне смотрели видео, аудио, фото, переписки, социальные сети, в общем, анализировали весь контент.

После допроса можно одеться, и ты идёшь в следующую палатку. Тут идёт более серьёзная проверка личности: стоят компьютеры, ап-

паратура для снятия отпечатков пальцев. Женщины-военнослужащие снова вносят в базу все данные, фотографируют в профиль и анфас, «откатывают» пальцы и ладонь — дактилоскопия.

Так, теперь телефон. Приказ — ввести в телефон специальную команду: «звёздочка», «решётка», «06», «решётка» и — вызов, что позволяет узнать IMEI и серийный номер телефона. Снова — паспорт, внесли полученные данные: взяли на учёт номер телефона.

Если эта процедура прошла нормально — идёшь к следующему столу, где сидят несколько военных с ноутбуками. И снова проверка документов. И проверка по программе «Идентификация лиц».

— Вон, глянь: у неё (у него) ухо такое, нос. Так, это он! Всё! — и у тебя душа в пятки, потому что доказать ты ничего никому не можешь.

Фильтрационный лагерь — это тюрьма, гетто, концлагерь. Здесь — всё всерьёз, игры кончились, тут проигравший расплачивается жизнью. Это — действительно война. Война мировоззрений, война цивилизаций, и нелюди, пришедшие на нашу землю, хотят одного: не только захватить, но и покорить! А, значит, сломить. Сломать!

Программа «Идентификация лиц» нас не опознала, и нас, хоть и перепутали с кем-то, но отстали. А вот мужчину, который сидел рядом, двое военных с оружием забрали и вывели его, даже не разглядывая. Мы молча попрощались с ним: если его повезут на фильтрацию в ОБОП (отдел по борьбе с организованной преступностью) Донецка — он может оттуда не вернуться совсем. Это самый большой страх туда попасть: там и почки людям отбивали, и зубы могут все повывивать, пальцы поломать, и совсем убить — отфильтруют.

Горе, если у русских военных возникает какое-то подозрение, что человек связан либо с украинским правительством (чиновник, депутат горсовета) — люди просто исчезают: некоторых якобы переводят на территорию ДНР или ЛНР, где их держат в тюрьмах или даже убивают.

Если допрос и обыск пройден — вам предлагается — добровольно! — подписать документ, в котором вы заявляете, что осуждаете действия украинского правительства и военных Украины. Такое заявление, в частности, может означать, что по-вашему мнению — это ВСУ разбомбило Мариуполь! И после этого вас обязывают принять российское гражданство и только после этого фильтрация считается пройденной. Теперь вам позволят въехать в Россию и свободно передвигаться по территории ДНР и ЛНР.

Многие были разлучены со своими семьями. Если вы едете семьёй — допрашивают вас отдельно друг от друга, потом протоколы допроса

сличают. Родственников спрашивают друг о друге, о детях: служил ли, где работает. Если тень подозрения падает на одного из членов семьи, то задерживают всех на том основании, что они знали о его деятельности и не донесли.

И не факт, что вас всех отпустят: к одному из вас могут быть вопросы и тогда он (или она!) уже никуда не едет, а отправляется в фильтрационный бокс для дальнейшей проверки. А вы можете ехать! И никого не интересует, что вы не можете водить машину, что он был за рулём. Проходите, не задерживайте других — он никуда не едет.

Да, и скажите спасибо, что у вас машину не конфисковали! Были случаи: поехал на машине, вернулся пешком.

Попав в фильтрационный лагерь, вы можете не доехать туда, куда собрались: вас могут насильно депортировать на территорию России.

Очень многие, кто с радостью ждал прихода русских, были поражены увиденным и происходящим. Украинцы же просто молчали, но на их лицах всё было написано, потому муж сказал мне опустить глаза и смотреть в пол: по нашим лицам тоже легко всё можно было прочесть.

История с Тиграном и Никитой повергла всех в шок. Но никто это происшествие не обсуждает: последнее время в Бердянске появились «приятные вежливые люди», шныряющие по городу, трущиеся в очередях, ожидающие маршрутку на автобусных остановках. Они прислушиваются к разговорам людей и затевают разговоры сами. Горожане, конечно, легко «вычисляют» их: по суетливой непринуждённости, внимательному взгляду и правильной газетной речи — на курортников они совсем не похожи, да и нет сейчас в Бердянске никаких курортников, откуда б им взяться! Бердянцы здесь привыкли обсуждать только цены на рыбу и, собственно, саму рыбу, которой нет. Все молчат и тревожатся: надо позвонить детям...

ПИСЬМО 6. «ЭТО СМЕРТЬ, ПАЦАНЫ»

Пройдя все круги фильтрации на оккупированной территории, семья Тиграна Оганнисяна пересекла границу в Ростове. Оксана, мама Тиграна, говорила, что выпускать их явно не собирались: в Таганроге их остановила российская ГАИ — объяснили, что по требованию ростовской таможни (?). Они вывели Тиграна из машины и забрали его в полицейский участок, где снова допрашивали полдня, парня продержали в полиции пять часов.

– А потом меня и Тиграна отвезли в отдел МВД России в селе Покровское. Через некоторое время приехали военные из Краснодарского края. Увидев нас, они удивились. Сказали, что им поступило сообщение об опасных преступниках, пытающихся скрыться. Нас с Тиграном посадили в военную машину.

Оксану такое поведение ментов должно было насторожить ещё тогда: зачем устраивать эти экскурсии, почему нельзя было всё выяснить прямо в Таганроге? Потому, что представители МВД так ведут себя, когда хотят «спрятать концы в воду», это их обычная методика. Оксану с сыном привезли на погранпункт в Ростовской области и передали в руки силовиков ДНР. Те отвезли семью в Мариуполь, ещё раз обыскали, после чего вернули в Бердянск.

Младших детей отдали бабушке, а Оксану с мужем и Тиграном посадили в камеры предварительного задержания. Продержав сутки, с них взяли подписку о невыезде и только тогда отпустили домой.

Всё вернулось на круги своя: Оксана снова каждый день ходила к местным следователям, прося отменить подписку. В конце концов уехать из города разрешили всем, кроме Тиграна. И даже с этим разрешением на выезд машину Оксаны на блокпостах тщательно обыскивали, объясняя, что ищут некоего 16-летнего парня.

Оксана связалась с украинскими правозащитниками. В июне 2023-го Европейский парламент принял резолюцию, требуя отпустить подростков с оккупированной территории. О судьбе подростков стало известно в Европе и Соединённых Штатах. Твит в защиту Тиграна и Никиты выпустил Госдеп США. Украинский омбудсмен Дмитрий Лубинец заявил, что призвал Международный комитет Красного Креста срочно посетить Бердянск, встретиться с молодыми людьми и сделать всё для их выезда с оккупированной территории. Никто, конечно, не приехал.

Европейский парламент даже принял специальную резолюцию с требованием прекратить уголовное дело против Ханганова и Оганисяна и позволить им выехать на контролируемую Киевом территорию. Международный резонанс очень обрадовал семью Тиграна. Оксана радовалась и думала, что выезд с оккупированной территории — просто вопрос времени.

Но честные полицейские бывают только в книжках и в фильмах. За пацанов следователи взялись вновь: нужно же было доводить дело до суда. Наделали столько шума, большие и маленькие начальники держали «дело украинских террористов» на контроле, были сформированы отчёты, выведены показатели, маячили благодарности и поощрения!

И теперь всё это похерить только потому, что кто-то там поторопился и прихвастнул? Неет! Дела так не делаются! Если кто-то кое-где у нас порой... что же — отдел премии лишится?

Но дело разваливалось на глазах, и обвинения решили разделить: Никиту хотели обвинить в «краже» (чего? да хоть чего-нибудь, «дело» спасти надо!), а за Тиграном оставить «диверсию». Несколько дней назад за ними приезжал «следователь» с вооружённым конвоем, но мальчикам удалось сбежать: они не ночевали дома, прятались и от встреч с «добрыми дяденьками» успешно уклонялись.

Но оперативники оказались ловчее и профессиональнее: мальчишек выследили, когда они прятались в заброшенном доме. Горожане говорят — была слышна какая-то перестрелка, вроде бы кого-то убили или ранили. Но в результате полицейской операции оба парня были убиты. Застрелены. Говорят, работали снайперы.

Все полицейские версии, о якобы нападении мальчишек на полицейских, разлетаются как тополиный пух. В день перед убийством они отметились в оккупационной полиции, а за полчаса до звонка родителям о том, что они убиты, мама Тиграна с ним разговаривала. Тогда юноша говорил, что они гуляют вместе с Никитой и думают, как праздновать день рождения последнего. 25 июня ему должно было исполниться 17 лет.

Мы видим много несовпадений: и в фактах, и во времени, и даже в одежде. Полицейские вначале рассказывали, что мальчишки напали на одинокого полицейского, который зачем-то пошёл в заброшенный дом. Вроде бы подростки отобрали у него автомат и пистолет... Два пацана у взрослого мужика оружие отобрали — дичь какая!

Родных снова мучают бесконечными допросами и обысками, что даёт основания ставить под сомнение основную версию Следкома о нападении на полицейских. Родители Тиграна и Никиты считают, что вся эта перестрелка, предсмертное видео — это постановка для того, чтобы убить ребят. Выпускать из оккупированной территории их было нельзя, а в суд дело тоже нести было нельзя: сострять его не удавалось. Да ещё этот общественный резонанс...

Несчастной Оксане и родителям Никиты никто ничего не объясняет: каковы обстоятельства этого якобы боя, во время которого был выстрелом в спину застрелен молодой мужчина и погибли ребята, кто и как записал последнее видео? Подробности до сих пор неясны. Полицейские традиционно предложили родителям версию о самоубийстве — от страха, но в это никто не верит.

Но полиции нужно, чтобы ей верили лишь её начальники. В общем, у них всё получилось, главное — дело закрыто: нет человека — нет проблемы.

Тела мальчишек родителям до сих пор не выдали, говорят — их вывезли в Мелитополь на дополнительную экспертизу. Однако, охрану с бердянского морга до сих пор не сняли.

Бердянск попрятал своих детей с улиц. Завидев полицейских, люди стараются перейти на другую сторону улицы.

* * *

Семья старшего сына — в Киеве. Они живут в частном доме на окраине города всей семьёй, втроём с внуком Мишей. Посёлок состоит из одно- и двухэтажных домиков с некоторым количеством земли рядом с коттеджем. Дети посадили в этом году овощи и уже собирают небольшой урожай: кабачки, огурцы, зелень. У внука теперь есть ещё и такие навыки и умения.

Он растёт вдали от нас, и это нас с мужем сильно угнетает и огорчает: эти мрази украли у нас 2 года общения, 2 года жизни.

Младший сын живёт в Виннице. Невестка с внучкой — в Ирландии. В Украине действует закон, согласно которому мужчины призывного возраста не имеют права покидать страну, поэтому после бомбёжки девочки уехали, а сын остался. Внучка стала совсем взрослая девочка и очень здраво рассуждает в свои пять лет. Благодаря возможностям Интернета, мы не только рассказываем ей сказки и поём вместе песенки, но и играем в прятки!

А Бердянск живёт своей жизнью, оккупантов в городе мало, они базируются в санаториях и домах отдыха. Мы с мужем живём в таком месте, что их не видим и с ними не соприкасаемся, т.е. физического контакта нет.

Но это совсем не значит, что город не ощущает их присутствие.

Бердянск и близлежащие посёлки постоянно и беспардонно грабят, вывозят всё, что только могут. Во-первых — зерно, кукурузу вывозят ж/д вагонами, которые сперва, без колёс — колёса везут отдельно — грузят на тягачи, а затем перегружают, собирают и вывозят. Во-вторых — с предприятий вывозят всё металлическое: станки, машины, балки, ворота, заборы. Орки разбирают, режут и откручивают все металлические детали, конструкции и агрегаты.

Вывозится любой автотранспорт: грузовые и легковые автомобили, спецтехника, краны, экскаваторы, погрузчики и др.

Особое внимание кабелям — там же цветной металл!

Из больниц и амбулаторий вывезено практически всё сложное оборудование: МРТ, КТ и проч. Теперь, чтоб обследоваться — нужно ехать в Симферополь. Для получения или подтверждения инвалидности, прохождение ВКК (врачебно-контрольной комиссии) — нужно ехать в Симферополь! Это — 12 часов в одну сторону, 12 — в другую, такую нагрузку инвалид-спинальник выдержать может с большим трудом: ведь дороги в районе Херсона разбиты в пыль.

Бердянск раньше славился своими бальнеологическими санаториями, в которых функционировали открытые грязелечебницы: грязевые озёра. Теперь в этих озёрах стоят российские танки, туда сливают солярку. Маршруток в городе существенно уменьшилось: нечем ремонтировать, раньше много было запчастей — теперь не возят, война.

Особенно интенсивно обворовывается порт, а чтоб скрыть этот разбой — всех бердянцев уволили, рыбаков шуганули, в порту теперь только русские — в основном ночью. Огромные фуры со страшным грохотом на бешеной скорости всю ночь курсируют в порт и обратно: поначалу улицы, соседствующие с маршрутом передвижения большегрузов, на ночь перекрывали угрожающего вида военные машины. Всю зиму и весну они стояли ночи напролёт под окнами домов с включёнными двигателями и автоматчиками в люках. В начале лета военные машины с улиц убрали, автотранспорт, вывозящий из порта технику и металл, теперь ездит без охраны.

Теперь у русских на территории Украины новый бизнес: в брошенные хозяевами или разрушенные дома заходят бригады мародёров и из помещения выносятся всё! Всё что есть. Вещи, мебель, бытовую технику, одежду, постельные принадлежности вывозят «на опт» — огромную свалку в районе Новоазовска, там специальные люди перебирают и продают. Опт контролируется — по слухам — ДНРовскими бандами, туда из России активно едут — прикупить всякого разного по хозяйству. Туда же пригоняют краденые машины, мотоциклы, сельскохозяйственную технику.

Коробейники с таким товаром стали появляться на «блошином рынке» и в Бердянске: смутного вида молодцы приторговывают настенными часами, коврами, кухонными комбайнами, швейными машинками, музыкальными, строительными инструментами. В микроавтобусах всё лежит навалом и в штукатурной пыли.

Эти люди зарабатывают на нас дважды: первый раз получают зарплату за то, что убивают нас, второй — когда распродают наши вещи. Мерзко, гадко, отвратительно! Вот — какие русские на самом деле! Их матери, жёны и дети, отправившие ублюдка на войну, с нетерпением ждут не только его выплат, поступающих на банковскую карточку. Они ждут — что же он привезёт в качестве трофеев: унитаза, микроволновку, ковёр или компьютер. Когда эти мерзавцы сбили малазийский Боинг, в города пошли посылки с косметикой, обувью и целыми чемоданами вещей, собранными среди разбросанных трупов. Ничего не изменилось, русские только укрепились в уверенности, что поступают правильно. Это у них называется — Родину защищать!

Бои, которые идут на бердянском направлении, идут в значительном отдалении от города и до нас долетают лишь отдельные эпизодические звуки взрывов. Обстрелы эти происходят с различной интенсивностью, чаще всего вечером и ночью, и, хотя мы понимаем, что это — ВСУ взрывает очередной склад б\к или военную технику, оптимизма грохот взрывов не добавляет: после пережитого в Мариуполе любой звук страшен и тревожен, не очень хочется ещё раз пережить то, что было с нами в Мариуполе.

Но выход есть: нужно просто переключить своё внимание с себя на кого-то, и тогда бояться уже некогда. У нас на площадке живёт одинокая пожилая соседка, у неё 2 месяца тому назад умер муж и она ещё не привыкла к своему одиночеству: в такие моменты она чувствует свою беспомощность и оставленность ещё сильнее. Я сразу бегу к ней — успокоить, приободрить — а бояться вдвоём уже не так страшно.

Оккупанты значительно сократили обеспечение гуманитарными наборами жителей Бердянска, увеличив промежутки выдачи вначале с 1 месяца до 2-х, а потом и совсем прекратили выдачу благотворительных пайков. Теперь по записи их выдают только инвалидам и детям из многодетных семей.

Граждане-пенсионеры снова выстраиваются в многолюдные очереди: теперь они переоформляют пенсию по новым российским инструкциям. Народ опять занимает очередь в Пенсионный фонд в 3 утра: комендантский час объявлен, но его никто не придерживается, патрулей на улицах нет — все на передовой.

Но зато на улицах много молодых людей с заинтересованными лицами и внимательным взглядом. Мы научились их отличать от аккуратно выбритых, с курчавыми коричневыми бородами, чеченцев:

это — солдаты, базирующиеся за городом. Они приезжают пополнить запасы продовольствия и получить деньги в банкоматах. Боевики с местными в разговоры не вступают, быстро покупают, быстро уходят, их машины останавливаются в переулках, военные стараются меньше привлекать к себе внимание. «Внимательные» — наоборот, крутятся в людных местах, провоцируют народ на разговоры, выясняют позиции и мнения горожан. Потом идут провожать домой — «мне тоже в ту сторону», и человек в результате такой беседы оказывается в неприметном здании и в компании незнакомых, серьёзных людей. Оттуда уже его выкупают родственники — так говорят бердянцы.

Но без «поговорить» всё равно не обходится. В прошлом году эмоции рвали душу на части, и люди могли завести разговор с совершенно незнакомым человеком просто на улице. В этом году народ в большинстве своём помалкивает, разговоры ведутся только среди своих: на кухнях, во дворах, на лавочках возле подъездов — исключительно среди своих. Боятся.

Но поговорить ужасно хочется потому, что люди очень внимательно следят за всем, что говорится как нашими военкорами, так и российскими журналистами и блогерами — всё же в свободном доступе. Информированности наших тёток мог бы позавидовать профессиональный политический обозреватель. Не далее как в четверг, в очереди за молоком, которое к нам во двор привозят раз в неделю, дворничиха Натаха чуть ли до драки сцепилась с интеллигентной маленькой пенсионеркой — кандидаткой философских наук и в прошлом институтской преподавательницей Тамарой Вадимовной. Тема дискуссии: «Развитие российской государственности в ближайшей временной перспективе». Одна утверждала, что Россию ждёт распад, другая была убеждена в обратном. Обе вошли в такой раж, что их отпаивали!

Это российские «ватники», округлив глаза, истово клянутся, что они политикой не интересуются. Наши — интересуются, и очень.

Беженцы в Бердянске есть, но их очень мало. Только намётанным глазом определяешь их по напряжённым лицам, нервной реакции на громкие звуки или объявления, типа: «вторая касса не работает, переходите в четвёртую» и полному отсутствию чувства юмора. Не до смеха, в большинстве своём — это украинцы из Энергодара, с территорий, затопленных водами Каховской ГЭС.

Военные сводки мы не только слушаем. Активные боевые действия в районе Мелитополя мы ощущаем физически: взрывная волна

доходит до нас и дом вибрирует. В нашей квартире вибрирует диван, а у соседки на втором этаже сегодня развалился балкон — сами собой вывалились из ставен стёкла. И счастье, что никто в это время не шёл под балконом.

Сентябрь 2023

ОБ АВТОРЕ

Ольга Гриценко родилась и выросла в Мариуполе. Закончила музыкальное училище, Харьковский институт искусств имени И. П. Котляревского. 10 лет отработала в музыкальной школе. После этого с мужем занялась бизнесом. Окончила бухгалтерские курсы. Стала риелтором.

Возвращение к музыке ознаменовалось, в конце концов, защитой кандидатской диссертации о творчестве современного украинского композитора Валерия Антонюка.

До 1 мая 2022 года с семьёй жила в Мариуполе, а вот уже больше года как в Бердянске — под оккупантами. Выехать отсюда нет никакой возможности — кругом идут бои.

Писать Ольга Гриценко стала, чтоб преодолеть ПТСР (посттравматическое стрессовое расстройство.) «Письма Нюте» — первое большое произведение автора.

Александр КАБАНОВ
ВРЕМЯ ВОЗМЕЗДИЯ

---

* * *

Перед самым началом утра, когда проступают швы,
едва подсохшие ранки, битое в кровь стекло,
возраст спящих людей, снега, листвы, травы:
не плачь, мой милый — непобедимо зло.

В час, когда трижды некому прокричать —
съеден петух на ужин, семейное серебро
было украдено, вышел майн кампф в печать,
не плачь, мой милый — непобедимо добро.

Мёртвые птицы, обняв свои гнёзда, падают вниз,
тонут в море дельфины, это последний шанс
дан во спасенье, но бог запретил ленд-лиз,
наше с тобой бессмертие — это баланс, баланс.

Голод, разруха, смерть, страх, первородный грех —
непобедимы все, нет на них топора,
и только любовь — сосёт, хакает грязь — за всех,
но только она — спасёт, и только она — твой смех,
а вот теперь, мой милый, плакать пора, пора.

* * *

Как человек большого срока годности —
я был уверен, что не пропаду
в эпоху тошнотворной безысходности,
с поправкой на словесную руду.

Но в результате — я обрёл потерянную,
двойной войны неумолимый лик,
и не спасла моя самоуверенность —
всех русских, покидающих язык.

Теперь неважно: крестные объятия,
бордель в брюсселе или чёрный схим,
вам не сбежать от нашего проклятия —
мы отомстим — хорошим и плохим.

В одном флаконе: гений и посредственность —
вы все с мечом пришли в мою страну,
и ваша коллективная ответственность
впадает в коллективную вину.

Живых костей и мяса наворочено
и ночью захоронено во рву,
россии — нет, она — давно просрочена,
она сгнила — во сне и наяву.

Под ней — совокупаются опарыши,
над ней — гудят архангелы дерьма,
и только белорусские таварышы —
испытывают радость без ума.

И этот ров, бескрайний до беспамятства —
по нём плывут столетия в мешках,
а между нами — только знак неравенства,
гадание на крови и кишках.

Уже видна в прицел — эпоха мщения,
народных приговоров без суда:
виновны — все, но только мне — прощения
за вас за всех — не будет никогда.

* * *

А это родина отца:
в обрывках утреннего света,
но кто запомнит сорванца
из александровского лета?

Посёлок, швейная игла,
вокруг — портновские лекала,
а здесь цветаева жила,
стихи к ахматовой писала.

А это — русская зима,
чей школьный снег белее мела,
вот — фабрика, за ней — тюрьма,
в которой бабушка сидела.

Всё это — дом-музей поры,
когда я приезжал в россию,
чтоб вспомнить папины дворы,
марину и анastasию.

И выпить доброго винца,
но я давно летаю мимо:
ведь это родина отца —
меня оставила без крыма.

А папа мой лежит в земле,
он — пепел в погребальной урне,
он — память о добре и зле,
и о стране пошитых в дурни.

Как много в воздухе свинца,
и с кем воюет украина:
а это родина отца,
а это родина отца —
пришла за родиною сына.

* * *

Мне снится замок, не замок, а замок
зимой, тому лет триста пятьдесят,
над башнями, где нет оконных рамок —
сосульки ударения висят.

Темнеет рано, люди бродят в коже
и в грязных шкурах дикого зверья,
и для чего так холодно, мой боже,
в который раз не спрашиваю я.

Наш пастырь пьян, его терзает рвота,
замёрзла освящённая вода,
и постоянно хочется кого-то
убить без приговора и суда.

Визг девок, словно радиопомехи,
похабное причмокивание, смех,
кто перед сном снимал с меня доспехи —
не помню, но люблю за это — всех.

Да, я сморкался и плевал на стены,
пил медовухи адскую смолу,
задрал штаны, бежал за гобелены —
к смердящему отверстию в полу.

Я видел, чем в конюшне занимались —
конь в удилах и лошадь без удил,
рубился на мечах, они сломались,
но я кого-то точно зарубил.

И потому так долго просыпался,
чтоб спрятать чувство собственной вины,
ведь ты, мой друг, один во сне остался,
зимой, на лютном холоде войны.

А помнишь, мы мечтали приодеться
в той юности, где воля за углом,
теперь мне будет в старости хотеться:
свой виноградник и в тоскане — дом.

Чтоб рюмку граппы твёрдою рукою
мне подавала перед сном родня,
чтоб ты меня простил, и чтоб в покое —
художники оставили меня.

* * *

Пускай сотрётся жизни треть,
оставшаяся треть:
чтоб на чудесное смотреть —
в хрустальное смотреть.

Сквозь виноградник за окном —
на украинский крым,
пусть привыкает каждый дом,
под старость, быть твоим.

И распадается тоска
на семь победных дней,
и средне-русская москва
становится твоей.

И в память о большой цене
ещё звучит хорал,
и проигравшие в войне
сбежали за урал.

Ржавеет сорванный стоп-кран
в экспresse лучших лет:
повержен враг, казнён тиран,
а счастья нет и нет.

И ты — строитель корабля
из деревянных книг,
поймёшь, что жизнь — не для тебя,
что счастье — для других.

Для тех, которые придут,
сгорая от любви,
чтоб новый выстроить редут,
как церковь на крови.

Возьмут за острые края —
свой дивный мир твоя:
и это будет кровь твоя,
и молодость моя.

* * *

Среда моей зимы, ты — средизимноморье:
без света и тепла, без мачты и ветрил,
когда взрывной волной разрушено подворье —
не верится тебе, а я же говорил.

О том, что быть войне, когда ни сном, ни духом,
не ведая стыда, в начале всех начал,
мы жили на земле, храня за правым ухом
из ангела перо, — как долго я молчал.

О том, что изучил любовь наполовину,
и верю в страшный суд, и ненавижу власть,
о том, что я молюсь, твою целую спину:
ты рукопись моя, моя вторая часть.

И мы с тобой одни — среди стихотворений
из снега и земли, из темноты и льда,
среди большой зимы, войны и точек зрений,
как музыка и смех для страшного суда.

* * *

Тридцать лет и три года
христос давал интервью дудю,
старожилы гадали:
это к засухе или к дождю,
оказалось — к войне, резне
и ракетным пускам,
далеко от распятия,
но ближе к эху, потом, к гвоздю,
оказалось — христос хорошо
говорит на русском.

И продолжил он, заводной,
как ядрёна вошь,
и никак его не забанишь
и не заткнёшь,
больше в нём гордыни,
чем святости и таланта,
он взошёл на холм,
вытирая с ладоней слизь,
и вокруг него
украинские беженцы собрались —
слушать сына божьего
на языке оккупанта.

И христос говорил:
что спасения больше нет,
время кончилось,
как состраданье и вера в свет,
что отныне он —
сын и дух, и отец в законе,
и омега и альфа
сменились на ви и зет
у него на спине,
на багровом, как снег хитоне.

Время кончилось,
хейт и сенсацию не раздуть,
и сквозь трещины в небе
на землю хлынула жуть,
чтоб хватать людей,
которые не пригнулись,
я смотрел, как в сторонке
молился и плакал дудь,
и к нему российские
беженцы подтянулись.

И смешалось всё,
превратилось в один вопрос,
и сплелись в объятиях дудь
и простой христос,
породнились беженцы,
жаба и бедный ужик,
всех убили и все воскресли,
и всех спасли,
и на всех хватило в европе
родной земли,
и с тех пор, в гааге суд
перешёл на суржик.

* * *

В овраге, на холме — я спал в огромном доме:
наполовину — пуст, наполовину — полн,
я книгами топил камин в кубинском роме —
и слышал шелест волн, и слушал шелест волн.

Его перебивал: то монотонный зуммер
сверчков в кустах, то эхо от вины:
как всё же — хорошо, что так внезапно умер,
что не дожил мой папа — до войны.

Иначе, он бы был, как старая собака —
от боли, под обстрелом, без лекарств,
в херсонской оккупации, страдающий от рака,
но взял его господь — в одно из лучших царств.

Иначе он бы знал, как могут эти суки —
со смехом убивать, насиловать и жечь,
но взял его господь, как мальчика, на руки,
как сына своего — от муки убережь.

И вспомнил я сейчас, в апреле, на изломе —
весны, когда мы все — обожжены войной,
про папу своего, когда я спал в роддоме:
он плакал надо мной, он плачет надо мной.

* * *

Это всё — сочетание звуков и пауз,
от которых срстаются кости быстрее,
и при помощи слов управляется хаос,
а при помощи музыки племя людей.

И когда мы не слышим свисток для собаки,
и когда мы прощальную песню поём:
это всё — бытия разрешённые знаки,
это бог — передатчик врубил на приём.
Кто на страшном суде позабыл партитуру
сотворения мира и прочих щедрот,
мы не помним и молча приходим к авгуру
и авгур открывает зазубренный рот.

Сколько всех инструментов играло и пело:
перед боем, на свадьбе и похоронах,
эта дивная физика химии тела —
состояла вначале из посланных нах.

Пустоты, оплетённой лозой из формул,
и беседки для тех, кто остался в пути:
до свиданья, адам, с днём рождения, ромул,
а в итоге — война, никого не спасти.

Я попробовал смерть, как десертные вина
и вернулся на голос из огненных кущ:
моя мама работает родиной сына,
моя мама считает, что я всемогущ.

* * *

Я — сон, который снится вам в стране, войною опалимой:
ясон — идущий по волнам июньской шерсти тополиной,
сквозь веки, сквозь года и дни, в кустах компьютерного кода —
мы наблюдаем две родни, две ненависти, два исхода.

Один исход — отец и мать, окно в саду, песок и сода,
и я могу его назвать — исходом моего народа,
под слёзы от днепровских вод, под вой сирен внутриутробных,
и это будет всё — исход моих людей, давно свободных.

Другой исход — побег, отъезд, брезгливость к собственному дому,
и страх, что фараон отъест ещё кусок рабу любому,
вы отправляетесь в запас — в израильское бологое,
и я не осуждаю вас, но ваш исход — совсем другое.

По саранче — сбегает вошь, июнь лежит ногами к маю:
убью тебя, тогда — поймёшь, убей меня — не понимаю,
я — сон сплошной, бессвязный крик, и явь —

перед грядущей битвой,
с горы спустившийся старик — худой, сутулый и небритый,
я — милосердия редут, и весь — шипованная бутса:
для тех, которые — уйдут, и тех, которые — вернуться.

ОБ АВТОРЕ

Александр Кабанов — украинский поэт, редактор, общественный деятель, пишущий на русском и украинском языках.

Родился в г. Херсоне (1968), живёт и работает в Киеве. Автор 17 книг стихотворений и многочисленных публикаций в журнальной и газетной периодике. Стихи переведены на многие языки.

Лауреат украинских и международных литературных премий: «Antologia», журнала «Interpoezia», премии Национального союза писателей Украины им. Максимилиана Кириенко-Волошина и др.

27 октября 2022 года Александр Кабанов был награждён Главной премией 18-го Международного Фестиваля гражданской поэзии города Верчелли/Италия (проходящего под эгидой Юнеско) за личные достижения в современной литературе и за книгу «La lingua del nemico / На языке врага» (изд-во «Interlinea», г. Наварро, Италия, 2022. Директор: Roberto Cicala, перевод на итальянский: Alessandro Achilli).

Александр Кабанов — со-учредитель и главный редактор журнала о современной культуре «ШО», который выходил в Украине с сентября 2005-го по февраль 2022 года (проект закрыт из-за путинской агрессии) на русском и украинском языках, а также основатель такого направления в современной литературе, как фьюжн-поэзия (fusion poetry).

КРАСОТА И БОЛЬ

Предисловие к первой американской книге стихов Александра Кабанова «Время возмездия. Военные строфы из Киева»

Сто лет назад Анна Ахматова назвала Александра Блока «трагический тенор эпохи». Никто сегодня не заслуживает этого высокого титула больше, чем Александр Кабанов. Его стихи, написанные в военном Киеве, становятся поэтической хроникой русско-украинской трагедии. Когда-нибудь их включают в школьные программы. Сперва в Украине. Потом в России.

Сдержанный трагизм стихов Кабанова, написанных в украинской столице, подвергающейся регулярным обстрелам, вызывает в памяти 7-ю симфонию Шостаковича. Эта музыка, исполненная в блокадном Ленинграде в 1942-м, стала символом Культуры, противостоящей Злу. Поэзия Кабанова — высокий пример того же противостояния.

Важная часть поэтической силы Кабанова в том, что эти стихи написаны на русском, «На языке врага», как он отважно назвал свой 11-й поэтический сборник, вышедший в 2017-м.

У России нет монополии на русский язык. Отдать наш украинский русский язык Путину было бы всё равно, что отдать немецкий язык Гитлеру, — это слова Кабанова из интервью в фильме «Военные строфы из Киева», посвящённом его творчеству.

Как много в воздухе свинца,
и с кем воюет Украина:
а это родина отца,
а это родина отца —
пришла за родиною сына.

Так заканчивается стихотворение о родном городе покойного отца поэта Александрове. В этом подмосковном городке Марина Цветаева провела счастливое и плодотворное лето 1916-го. Здесь она написала свои знаменитые стихи, посвящённые Анне Ахматовой. Земля Цветаевой и Ахматовой, место рождения отца и идиллический край детства самого Кабанова превращается в стихотворении в «страну пошитых в дурни»:

А папа мой лежит в земле,
он — пепел в погребальной урне,
он — память о добре и зле,
и о стране пошитых в дурни.

Скорбь о потере отца и его потерянной родине, обо всех жизнях, загубленных и исковерканных войной, отчаянный поиск и победное обретение надежды, душевной опоры, мужества пронизывает новую книгу Кабанова «Время возмездия», вышедшую в США. Все эти чувства собраны в последней строфе стихотворения, открывающего сборник:

Голод, разруха, смерть, страх, первородный грех —
непобедимы все, нет на них топора,
и только любовь — сосёт, хакает грязь — за всех,
но только она — спасёт, и только она — твой смех,
а вот теперь, мой милый, плакать пора, пора.

Искусство не может победить Зло. Но оно может помочь Добру уцелеть. Не исключено, что Достоевский имел в виду именно это, когда сказал, устами своего героя, «Красота спасёт мир». Ещё Искусство может Зло разоблачить, назвав его по имени. В этом отношении литература, особенно поэзия, как её наиболее насыщенная форма, оказывается мощным оружием:

...И я хожу среди людей,
не уставая, удивлённо,
и знаю, кто убил детей —
побуквенно и поимённо.

(Сын снеговика)

Теперь неважно: крестные объятия,
бордель в Брюсселе или чёрный схим,
вам не сбежать от нашего проклятия —
мы отомстим — хорошим и плохим.

В одном флаконе: гений и посредственность —
вы все с мечом пришли в мою страну,
и ваша коллективная ответственность
впадает в коллективную вину.

(Время возмездия)

Кто пойдёт против нас — пусть уроет его земля,
у Венеры Милосской отсохла рука Кремля,
от чего нас так типает, что же нас так трясёт:
потому, что вложили всё и просрали всё.

(...)

Я вас прощаю, слепые глупцы, творцы
новой истории, ряженные скопцы,
тех, кто травил и сегодня травить привык —
мой украинский русский родной язык.

*(Почему нельзя признаться
в конце концов...)*

Александр Кабанов — выдающийся украинский поэт и патриот, боюющийся за независимость своей страны своим самым сильным оружием — словами и рифмами — своим даром. В то же время, он — рус-

ский поэт, продолжающий долгую и славную традицию своих великих предшественников — Пушкина, Лермонтова, Цветаевой, Мандельштама, Пастернака, Ахматовой, Бродского — которые словами и рифмами противостояли жестоким тираниям и несправедливым войнам своей истерзанной родины. И наконец, он — европейский поэт, чьи стихи переведены на многие языки. Он — гражданин мира, поэтическая вселенная которого населена красотами и страданиями западной цивилизации — здесь и осаждённые башни Трои, и осаждённый Ленинград, Гёте и гетто, Сикстинская капелла, брюссельский бордель, Гомер, Шекспир, Бах, Венера Милосская, небо Барселоны, виноградники Тосканы...

А помнишь, мы мечтали приодеться
в той юности, где воля за углом,
теперь мне будет в старости хотеться:
свой виноградник и в Тоскане — дом.
(Замок)

Его любимая Италия стала первой страной, где перевели и опубликовали сборник «На языке врага» под названием *Nella Lingua Del Nemico*. Его последняя международная награда тоже получена в Италии — в 2022-м, на Международном Фестивале Гражданской Поэзии в Верчелли.

«Время возмездия» — первая книга стихов Александра Кабанова, вышедшая в США. Это произошло благодаря активной поддержке основательницы издательства KunLun Press Виктории Чжан (Victoria Zhang) и легендарного китайского поэта и активиста Хуан Сяна (Huang Xiang). Основная миссия KunLun Press — способствовать продвижению талантливых поэтов, писателей, художников, противостоящих репрессивным режимам. Кабанов, долгие годы ведущий поэтическую хронику преступлений путинского режима, соответствует этим требованиям.

Книга появилась благодаря долгим часам труда многих одарённых переводчиков. Перевод стихов — тяжёлая, неблагодарная работа, не только в силу очевидных лингвистических компромиссов, но главным образом потому, что уникальная связь читателя с поэтическим оригиналом не трансформируется в другую культуру.

«Переводчик морщится, жарит красное, пьёт сухое», — написал Кабанов в своём стихотворении, посвящённом одному из своих пере-

водчиков, Филиппу Николаеву, который и перевёл это стихотворение, в числе многих других. Несмотря на неизбежные компромиссы и ограничения, поэтический голос Кабанова в переводах узнаваем. И англоязычный читатель имеет возможность ощутить красоту и боль его стихов.

Женя Киперман
Нью-Йорк, 2023

Книгу Александра Кабанова
«Время возмездия» можно приобрести здесь:
<https://www.amazon.com/AGE-VENGEANCE-Wartime-Verses-Kyiv/dp/B0C7T3MTJL>

*Поддержать Александра Кабанова и его родных — беженцев
из Херсона — можно через PayPal: oleksandrkananov6@gmail.com*

Юрий ЯРЫМ-АГАЕВ ПРЕДЫСТОРИЯ JAVELIN

КАК СПАСЛИ КИЕВ

Недавно радио «Свобода» начало публиковать серию материалов о разных видах вооружения, которое Запад поставляет Украине. Первая статья была посвящена противотанковой ракете Javelin, и не случайно. Это было не только первое оружие, которое получила Украина, но и оружие, которое помогло ей остановить наступление российской армии на Киев и изменить весь ход войны.

Но есть ещё и предыстория о том, что повлияло на решение Америки предоставить эти ракеты Украине. В ней есть два главных героя: мой брат Александр Ярым-Агаев, ныне профессор экономики в Киеве, и Джим Мэттис, четырёхзвёздочный американский генерал и министр обороны в трамповской администрации.

О Мэттисе здесь рассказывать не буду. Он человек известный, и о нём много написано. А о моём брате расскажу. В Киев он перебрался не так давно. Родился, учился, защитил диссертацию и стал профессором экономики в политехническом университете в Донецке. Публично выступал за целостность Украины и принадлежность к ней Донбасса, когда это уже было опасно. На последнем таком митинге другой выступающий был убит, не отойдя далеко от трибуны.

Вскоре после этого митинга Донецк был окончательно захвачен Гиркиным и его войсками. Но Александр и его жена Татьяна, отправив детей, оставались в городе. Как и многие другие дончане, они надеялись на скорое освобождения города украинской армией и считали, что, находясь там, они ещё могут сделать много полезного. Что мой брат и сделал. Он стал наиболее точным источником информации о событиях в городе. Украинская разведка то ли плохо работала, то ли плохо делилась своей информацией с другими, но американские политики, эксперты и пресса знали о том, что происходит в Донбассе, мало.

А от моего брата, с которым я был ежедневно на связи, об этом узнавали и американские эксперты, и правительство, и пресса. В частности, Александр наблюдал на месте за так называемым референдумом и оценил, что в нём принимало участие не более 30% населения, при том, что многие из них не голосовали за отделение Донбасса.

Но со временем находиться дальше в Донецке стало совсем опасно, и Александр эвакуировался в Киев. Его там не встретили как героя, и в первое время им было довольно трудно. После тяжёлого изнурительного года в оккупации, потеряв жильё и работу, приходилось всё отстраивать с нуля. Я их тогда пригласил к себе в Америку, чтобы они немного пришли в себя. Я как раз ехал в Калифорнию, где они могли лучше всего передохнуть.

Здесь я перехожу на другую тему, которая объяснит, как сошлись вместе два героя этого повествования. В 2006 году я был приглашён в Гуверовский институт и оставался его сотрудником в течение более 10 лет. Мой статус не предполагал постоянного нахождения в институте, что я и не мог бы себе позволить, ибо моим главным местом работы в это время был находящийся в Нью-Йорке банк JPMorgan, в котором я возглавлял отдел по разработке аналитики измерений финансовых рисков.

Однако при этом дважды в год я на несколько недель приезжал в Стэнфорд и каждый раз там что-то организовывал. Сначала большую конференцию о рейгановской внешней политике, затем выставку о диссидентах и тех, кто их поддерживал на Западе, а после перешёл к организации семинаров на злободневные темы, которые собирали большинство сотрудников Гувера, среди коих было много влиятельных людей. Всё это я делал по собственной инициативе, что в институте было не очень принято и не очень поощрялось.

Но на первый же мой семинар пришёл Джордж Шульц, министр иностранных дел в рейгановской администрации и самый влиятельный человек в Гувере. Он выступил сам и сказал, что это хорошая инициатива, которую следует продолжать. После чего я получил поддержку администрации для организации дальнейших семинаров. Участников дискуссии я определял сам в соответствии с их экспертизой и выбранной мною темой.

Сразу же после аннексии Крыма постоянной темой стала Украина. И, конечно, во время моего очередного визита в Гувер, куда я и привёз своего брата, я сразу принялся за организацию очередного семинара на эту тему. Я решил, что на нём, естественно, необходимо выступить

и Александру. При всём внимании к событиям в Украине сотрудникам Гувера было важно услышать о том, что происходило на Донбассе, из первых уст — от человека, который был не просто их свидетелем, но и участником.

Кроме моего брата, важно было пригласить на семинар ещё кого-нибудь из военных, которых можно было найти среди моих гуверовских коллег. Ведь в это время на Донбассе уже шла настоящая война. Мой выбор пал на Джима Мэттиса, четырёхзвёздочного генерала в отставке. Я попросил его рассказать, какими конкретными видами вооружения Америка может помочь Украине. Это был актуальный вопрос, ибо обамовская администрация не желала давать Украине никакого оружия и ограничивала свою помощь поставкой украинской армии... оделял.

Мэттис сказал, что Украиной до этого времени не интересовался и за событиями там не следил, но так как до семинара оставалось ещё десять дней, а он в это время собирался в Вашингтон, то расспросит своих друзей в Пентагоне и выступит на семинаре. Так всё и произошло.

Семинар состоялся в большой аудитории, но народу собралось столько, что некоторым пришлось стоять. Джим Мэттис перечислил оружие, которое Америка может незамедлительно предоставить Украине. В этом перечне на самом видном месте были противотанковые ракеты Javelin. Когда выступали другие, особенно мой брат Александр, он внимательно конспектировал.

По окончании семинара Мэттис сказал мне, что ему было очень важно выслушать моего брата и меня. С этого момента он явно проникся украинской темой. Мы даже обсуждали с ним создание группы из отставных американских генералов, которая бы добивалась от американского правительства оказания военной помощи Украине. Я сообщил об этом в Киев, но ничего толкового в ответ не услышал, и идея повисла в воздухе.

Казалось, что всё надолго заглохло. Однако вскоре в Америке произошли важные изменения. Президентом был избран Дональд Трамп. Моё отношение по поводу изменения украинской политики было насторожённым. Главным были даже не похвалы в адрес Путина, а то, что на съезде республиканской партии, который выдвинул Трампа кандидатом в президенты, была также обновлена программа партии, из которой по требованию тогдашнего главы трамповской избирательной кампании Пола Манафорта был вычеркнут пункт о помощи Украине оружием.

Слева направо: Джим Мэттис (будущий министр обороны США), Майкл Макфол (бывший посол в России), Пол Грегори (профессор экономики), Александр Ярым-Агаев (только что из оккупированного Донецка) и Юрий Ярым-Агаев (организатор семинара)

Опять казалось, что эта помощь застопорилась. Но вскоре Трамп назначает министром обороны никого иного как Джима Мэттиса. Я послал ему свои поздравления с напоминанием об Украине. Сразу получил от него ответ с благодарностью и заверением, что он помнит.

И, действительно, вскоре Украина получила первую партию Javelin. Получила вопреки партийной платформе и риторике президента Трампа. Это была полностью инициатива Мэттиса, что подтвердили люди, работавшие в трамповской администрации. Конечно, без согласия Трампа это произойти не могло, и его заслуга в том, что он доверял своим министрам в принятии столь важных решений.

Но не будь со стороны Мэттиса готовности принять это решение, которое шло вразрез с заявленной политикой президента, Украина не получила бы столь важного для неё оружия. Готовности, инспирированной не в последнюю очередь выступлением Александра Ярым-Агаева на семинаре в институте Гувера.

Javelin не только помогли Украине отбить первую атаку, сорвать пунтинский блицкриг, изменить ход войны. Они изменили американскую политику поддержки Украины. Байден, шедший по стопам Обамы, не рвался давать ей оружие. Но прецедент был создан — прецедент, доказавший, что западное оружие может помочь остановить российскую агрессию.

Конечно, дальнейшая поддержка происходила в основном благодаря героизму и победам украинской армии. Но первый шаг был сделан тогда, на семинаре в гуверовском институте.

Я написал об этом не ради того, чтобы рассказать о важном деле, проделанном моим братом, но и для того, чтобы напомнить, что под-

держка Украины обеспечивается не только в кабинетах госдепартамента и западном крыле Белого дома, но и демонстрациями на улицах, статьями, которые мы публикуем в американской прессе, и обсуждениями на семинарах.

И украинское правительство поможет своей стране, если объединит свои усилия со всеми, кто поддерживает Украину во всём мире.

ОБ АВТОРЕ

Юрий Ярым-Агаев (род. 1949) — советский правозащитник, член Московской Хельсинкской группы в 1978—1980 годах

Окончил факультет молекулярной и химической физики МФТИ. С 1972 года учился в аспирантуре Института химической физики АН СССР, затем работал научным сотрудником.

С середины 1970-х годов участвовал в правозащитном движении. Автор открытого письма в защиту А. Щаранского. В январе 1979 года уволился из института. В 1980 году эмигрировал из СССР.

В США работал в Массачусетском технологическом институте, затем в Стэнфордском университете. С 1984 года входил в руководство организации «Центр в поддержку демократии», которая называла своей задачей «помощь демократическому движению в России». Проживает в Нью-Йорке. В 1990 году создал собственную компанию, специализирующуюся в области телекоммуникаций.

Олег НИКОФ
ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

БЫЛ БЫ Я ГЕОМЕТРОМ

Это моя стихия —
грустная роль в бурлеске:
ровное искривляя,
путать чужие мысли...
Я ведь не математик,
чтобы, как Лобачевский,
строить пространство, где бы
суть поменяли числа.

Был бы я геометром
(числа ведь мимо сплетен?) —
я бы построил график,
чувствами не калечась...
Ноль, например, возвёл бы
в некоторую степень
и получил при этом,
скажем, не ноль, а вечность.

Но... Это ты умеешь
ноль умножать на числа...
Правил, известных всюду,
станешь ли ты бояться?
Я же, считать, родная,
полностью разучился,
вот и остался верным
роли своей — паяца...

ТЫ ПОМНИШЬ, ДРУЖИЩЕ?

Ты помнишь, дружище, вьетнамские кеды?
Коленную выпуклость детских колгот?
Настольный хоккей у блатного соседа?..
А ну-ка, напомним, какой это год?

А помнишь те, вязаные рукавицы,
Да-да, на резинке из старых штанов?
Сестёр разлучённых серьёзные лица
В наивном, как сказка, индийском кино?

Как строили мы во дворах «халабуды»,
И не были метры хрущёвок тесны?
Ты помнишь, как пахли пожухлые груды
Листвы подождённой? А запах весны?

Ты помнишь — мы жвачку жевали неделю,
Обёртку её, словно ценность, храня?
Ты помнишь «Орлёнок»? Вот это был велик!!!
Его я на спиннинг потом поменял...

Ты помнишь, «копейка» считалась машиной
Престижного класса, — почти «Мерседес»!
«Битлов» мы писали тогда на бобины...
На деньги не спорили, — на интерес...

На школьном дворе помнишь лихость былую
И первый, с ночёвкой в палатках, поход?
И, помнишь, решались мы на поцелуи...
А ну-ка, напомним, какой это год?

Ну что, вспоминаешь? — и то уж немало!
Давай-ка нальём за ушедших ребят...
«Несчастное детство»? — Не прав ты, пожалуй!
Счастливей — не будет уже у тебя!

О НАСЕКОМЫХ

Наш разделяет мир
Хрупкий предел квартир.
Зимний узор стекла —
Символ границ тепла...

Между тревог и драм,
Между оконных рам
Мой замирает взгляд:
Мухи спокойно спят.

Вот и опять зима.
День бестолково мал...
Я посчитаю вслух
Тушки усопших мух.

Спят и друзья мои —
Пчёлки да муравьи...
Всякий, с кем я знаком,
Чуточку насеком...

СИМВОЛ БОЛИ

Нет пределов. Мы все на воле.
Значит, плакаться нам негоже.
Всё условно. И числа — тоже
Чей-то вымысел и не боле...

Всё единое — раздвоится,
Чтобы самость свою измерить:
Три, четыре, и семь, и девять —
Повторённые единицы...

Одного откровенья дети —
Мы частицы единой плоти:
Ноль — являющий бездну сотен,
Отражением тьмы во свете...

Всё условно. И числа — тоже
Чей-то вымысел и не боле...
Единица — лишь символ боли,
Той, что выразить ноль не может...

ЖАЛЬ ВОТ — СКОРАЯ НЫНЧЕ ОСЕНЬ...

Коли сказками заморочен
Я опасной бреду верстою,
Между окриков и пощёчин,
Значит, всё же чего-то стою.

Хорошо, если б для остратки,
Был и дом мой пути подобен,
Раз не чувствую в ритме тряски
Сотни выбоин и колдобин.

Коль рукой раздвигаю ветки,
Знать иду я не посередке.
Если я не склевал объедки,
Знать, найдётся закуска к водке.

Коль богатство моё — потери,
Значит казнь для меня — крестины.
Коль за мною захлопнут двери,
Знать, и целиться будут в спину.

Знать, и выстрел не будет грозен —
За спиной не пугает дуло...
Жаль вот — скорая нынче осень...
Слишком быстро весна минула...

ЕСЛИ Б ЧАСЫ ПОЛОМАЛИСЬ ОДНАЖДЫ

Жизнь не делима на эры и фазы,
 Не существуют века и эпохи...
 Если нажать на три клавиши сразу,
 Я не замечу вовсе подвоха...

Киев, Афины, Ерушалаим —
 Всё это только лишь смена иллюзий...
 Может, вселенную я разрушаю,
 Шар бильярдный отправивши в лузу?

Может, палач я, бесчувственный к плачу?
 Что ж пробирает похмелье до дрожи?..
 Может быть, звуки я слышу иначе,
 Коль поминутно мурашки по коже?

Всё неизменно. В движении каждом
 Что-то во мне замирает всё чаще...
 Если б часы поломались однажды,
 Я бы не знал, что живу в настоящем...

Просится выдох. Нет воли для вдоха:
 Пусть оборвётся во мне то, что тленно? —
 Раз уж не чувствую вовсе подвоха
 Клавиш, нажатых одновременно...

Вроде бы всё — просто выдох, и точка.
 Веки прикрыть, и исчезнут заботы...

Но перепуганно шепчет мне дочка:
 «Папа, чего ты? Папа! Чего ты?..»

ДИАЛОГИ В НЕМОМ КИНО

Диалог... как в немом кино, —
Только взгляды да жесты рук...
С ним не дружит она давно,
Он давно ей уже не друг...

Он — солиден и неуклюж,
Не на выданье и она...
У неё — на диване муж.
У него — у плиты жена...

Ей расслабиться нет причин,
И ему, вроде, тоже — нет:
У неё справил свадьбу сын,
У него — дочь ушла в декрет...

Закрывается ресторан,
Посетителей просят прочь...
Он — не спать будет до утра,
И она — не заснёт всю ночь.

У «недружбы» — особый счёт...
Не его, не её вина,
Что зачем-то, не первый год
Он не с ней, и не с ним она...

Так не дружат они давно,
Вот такая беда, старик...
Диалоги в немом кино —
Оглушительнее, чем крик...

ТАРАКАНЬИ БЕГА

Удивляется мир учёный:
От летков разлетясь в июле,
До сих пор не вернулись пчёлы
По домам своим, то есть, в ульи...

А ещё, что довольно странно,
Ибо — это ведь плюс, не минус? —
Разбежались и тараканы,
Не вернулись к себе под плинтус.

Кем, куда и зачем влекомых
Не хватает мне их, ребята —
Не вернувшихся насекомых,
Живших рядом со мной когда-то.

Может это наивно слишком,
Но я, глядя на братьев меньших,
И в своей телефонной книжке
Не вычёркиваю ушедших...

ОБ АВТОРЕ

Олег Никоф живёт в Киеве. Член Национального союза писателей Украины. Владелец издательства «Друкарский двор Олега Фёдорова».

Автор книг стихов «Герменевтика» и «Пора контрастов». Основатель международных литературных фестивалей «ИнтеРеальность» (2013–2021) и «НИКОФЕСТ». Лауреат многих литературных премий.

Юрий СОЛОДКИН
ИЗ ПОСЛЕДНИХ СТИХОВ

И ВНОВЬ ИДЁТ ВО ИМЯ БОЙ...

(ИЗ «ВСТУПЛЕНИЯ» К ПОЭМЕ «МОИСЕЙ»)

Наш мир земной неповторим,
Но повторялась через годы
Судьба еврейская — исходы.
И Вавилон, и древний Рим,

И от Испании до Польши,
И на земле вся Русь...
О, Боже! Ты не с нами больше?
Где ты «еси на небеси»?

Конца и края нет невздам.
Неужто Божья воля в том —
Сначала наградить Исходом
И безысходностью потом.

Понять наш мир не так-то просто,
Неведом смертным Божий план.
Израиль после Холокоста
Домой вернулся, в Канаан.

И выживать он должен снова,
И вновь идёт во Имя бой.
О, Господи, шепни хоть слово,
Что уготовано Тобой?

МЁРТВОЕ МОРЕ

Не давал мне вопрос покоя.
Не понять моему уму,
Как случиться могло такое.
Море Мёртвое? Почему?!

Но загадку твою, природа,
Отгадал я наверняка.
Море слёз моего народа,
Им наплаканных за века.

И тогда... разве это горе,
Что исчезнет оно всерьёз?
Высыхает Мёртвое море.
Хватит наших еврейских слёз.

Да, его мы лечимся солью.
Да, его целебная грязь,
И с еврейскою нашей болью
Вижу я вековую связь.

Море Мёртвое, море плача,
И Стена, что ему сродни.
Вижу так и никак иначе
Наше прошлое в наши дни.

РЕЧЬ ЦАРЯ СОЛОМОНА НА ОТКРЫТИИ ПЕРВОГО ХРАМА
(ИЗ ПОЭМЫ «СОЛОМОН»)

О, Господи, вот и сбылись
Твои слова, как всегда.
Твой раб и Давидов сын,
построил я этот храм.
Во имя Твоё, Господь,
было не жаль труда,
И если что-то не так,
будь милосерден к нам.

Тебе ли надо, Господь,
иметь на земле свой дом.
Тебя не могут вместить
даже небес небеса.
Прости нас, блуждающих
между добром и злом,
И в храме этом
Ты наши услышь голоса.

Наш дух воспарит
и станет землёю прах,
Но быть безгрешной
не может живая плоть.
Да не исчезнет
наш пред Тобою страх.
Да не иссякнет
терпенье Твоё, Господь.

И если случится
с нами какая беда,
Болезни иль голод
нагрянут в недобрый час,
Тебе вознести молитву
придём мы сюда.
И Ты, Всемогущий,
услышь и помилуй нас.

Когда в этот храм,
услышав о силе Твоей,
Из дальней страны
придёт человек чужой,
Услышь и его
из обители Ты своей.
Пусть силу Твою
почувствует он душой.

А если мы согрешим
перед Тобою так,
Что Ты отлучишь нас
от этих священных стен,
Во гневе Народ свой накажешь,
и злейший враг
Одержит победу
и всех нас угонит в плен,

Ты дай нам надежду,
и смыть сумеем позор.
И кровь сочтём мы за честь
во имя Твоё пролить.
В сторону храма
свой обращая взор,
О возвращенье своём
будем Тебя молить.

Ты Авраама, Ицхака
и Якова Бог,
Не дай в народах других
раствориться нам.
Сколько бы ни пришлось
нам испытать дорог,
Не дай позабыть одну,
ведущую в этот храм.

КРАСНОЕ МОРЕ

Лишь в страшном сне могло присниться:
Вздымая пыльную тропу,
За колесницей колесница
Летят на пешую толпу.

В толпе и страхи и призывы
Признать за фараоном власть.
Пусть плен, зато мы будем живы,
Чем всем в неравной битве пасть.

Моше в толпе мелькает тенью,
Твердит, что не оставит Бог.
Но положить конец смятенью,
Как ни старался, он не смог.

Знал и Нахшон, сын Аминада,
Что неминуема беда,
Но ощутил, что это надо,
Что может их спасти вода.

И в изумление народу,
Который в страхе — рядом враг,
В чём был одет, вошёл он в воду
И в глубь пошёл за шагом шаг.

Вода по горло, и немного,
Всего лишь шаг, начнёт тонуть.
А дальше было дело Бога
Открыть, раздвинув море, путь.

И устремились все в дорогу.
Есть место в жизни чудесам!
Но сделай всё, что можешь, сам
Сначала. Так угодно Богу.

ИЗРАИЛЬ ПО СУДЬБЕ СВОЕЙ НЕПРОСТ...

На юге мёртвою водой,
На севере живой омытая,
Две тыщи лет назад убитая,
Страна воскресла молодой.

* * *

Если речь о территории,
Миль квадратных в нём немного,
Но огромен вглубь Истории
И простёрся ввысь до Бога.

* * *

Сады повсюду расцвели в пустыне
От Иерусалима до окраин.
Всё просто объясняется — отныне
Вернулся в этот край его Хозяин.

* * *

Мне в самую проникнуть суть бы
И пару слов сказать Тому,
Кто пишет в книгу наши судьбы,
Не постижимые уму.

ОБ АВТОРЕ

Юрий Солодкин родился за год до Второй мировой войны в Новосибирске, где со временем прошёл все ступени научного сотрудника — от аспиранта до доктора технических наук, профессора.

На 57-м году жизни эмигрировал в Америку, где проработал ещё 20 лет.

За это время им опубликованы книги стихов «Библейские поэмы», «Если вкратце...», «Стихи по случаю», а также книги для детей «Надо знать эту знать», «Собаки», «В гостях у радуги», «Сибирские месяцы», «Угадайки», «В шутку про Мишутку».

Юрий — постоянный автор журнала «Времена».

Валерий БОЧКОВ

ПЕТЛЯ

Москва,

Силикатный округ, ЦПК-7.

Чрезвычайный трибунал под председательством генерала Золотой Категории Спиридоновой Е. А. рассмотрел дело с/к Цаплина Е. Е. и установил, что действия, мысли и высказывания Цаплина Е. Е. носят открыто вражеский характер и направлены на подрыв государственного строя, православного уклада и морально-культурных устоев общества.

Цаплин Е. Е. реабилитации не подлежит.

Приговорить Цаплина Е. Е. к смертной казни Волей Народа.

Приговор привести в исполнение завтра 7-го августа, в пятницу сего года. Место исполнения — Таганская арена ЦО г. Москвы. Ответственный — экзекутор Второго ранга хорунжий Дудь Ф. К.

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

1

Речь Спиридоновой заняла минуты три. Цаплин выслушал приговор с рассеянной улыбкой, если честно, то он даже не слушал, он подбирал рифму к слову «чаще». Хотелось вот так, но так уже было написано до него:

*Впрочем, чаще
нагая преследует четвероногое
красное дерево в спальной чаще.**

---

* В рассказе использованы стихи И. Бродского, В. Набокова, С.Евелева

Рифма должна состоять из двух элементов: ожидаемого и внезапного. Цаплин искал неожиданную рифму, чтоб слово удивило, ошарашило, обожгло. Дело даже не в самом слове, а в комбинации фразы, в конфликте смыслов. В конфликте звуков. Ведь если вдуматься, то суть искусства именно в создании критического напряжения. Великая красота возникает лишь при нарушении пропорций.

Чуткой, жуткой, странной дрожью проникал меня всего.

Охранник громыхнул засовом, вывел Цаплина из клетки. У охранника была смешная фамилия — Дудь, и Цаплин придумал несколько потешных частушек — да и как тут удержаться, когда само рифмуется: и не забудь, и блуд, и мудь, и даже если исхитриться, то можно зарифмовать «и кто-нибудь». Тот факт, что Дудь был не простым охранником, а экзекутором второго ранга, поэта не занимал. Цаплин политикой не интересовался, радио не слушал, на марши не ходил. Цаплин сочинял стихи.

*Родился ты. И помни вечно, что мы песчинка, капля, жмых.
Что доброта не бесконечна, и если будешь жить беспечно,
Начинкой станешь чебуречной, горшком в приюте для дурных.*

Дудь пристегнул цепь к ошейнику, толкнул Цаплина в спину. В зал уже вводили, точнее, вносили, следующего обвиняемого. На военных носилках лежала женщина с лицом мумии. Пахло гнилью, как от забытой вазы с мёртвыми цветами.

Цаплину тут же пришла в голову первая фраза «Даже смерть не спасёт от возмездия...» Да, это хорошо — даже смерть не спасёт. Но причём тут возмездие?

— Руки! — гаркнул охранник.

Цаплин послушно скрестил руки за спиной. Дудь пнул Цаплина коленом в зад и вытолкнул из зала. Они прошли гулким коридором, низким и тёмным, поднялись по узкой лестнице и вышли на свет.

Каталка экзекутора была на дутиках, слава богу, не на литой резине, Цаплин впрягся, ухватился за оглобли. Охранник плюхнулся в кресло, оглянулся и дёрнул за цепь ошейника.

— Будешь трясти — зубы выбью! Гони, сука! — крикнул весело. — Через Кремлёвку жарь!

Балчуг был немногочислен. Цаплин бежал резво, ловко огибая каталки помедленнее. Охранник иногда дул в свисток, просто так, для забавы. Прохожие на тротуаре, услышав полицейский свисток, тут же останавливались и садились на корточки.

*Охранник Дудь в свисток он дуть
Был мастер, а не как-нибудь...*

Дорога пошла в гору, на мост. Цаплин сбавил скорость. Тут даже на дутиках не разгонишься.

*Щёчка, строчка, два листочка, ушки, ножки, пара глаз,
И волосики-росточки в сумме составляют нас,
По чуть-чуть от папы с мамой, деда с бабой — тоже чуть,
И от солнышка, пожалуй, каждый лучик...*

— Правей бери, лишенец! — гаркнул Дудь.

Левая часть моста была разбита. Из развороченного покрытия торчала арматура, гнутые железки, уже совсем рыжие от ржавчины. Из трещин в асфальте росла трава и карликовые берёзки. На той стороне реки голые мальчишки сигали в реку прямо с парапета. Они визжали, плескались и плавали наперегонки. Которые посмелее, пытались вскарабкаться на хвост сторевшего «мига», что высился над водой посередине реки. Цаплин сам когда-то запросто доплывал до самолёта, но на хвост вскарабкаться удавалось лишь Фоке, по-обезьяньи ловкому, чернявому пацану из параллельного «б». Тогда на отмели ещё водились раки, их запекали в костре, прямо тут, на берегу.

Дудь ткнул рукой в сторону берега.

— Раков ловили! Вон там, — крикнул экзекутор, повернув голову. — В углях их, подлецов, зажаришь, помню. Они краснеют — клешни, усища, хвосты! А панцирь высосать — вот где смак!

Дудь отвернулся и весело выматерился. Звонко хлопнул себя по ляжке. Бритая голова Дудя, розовая и гладкая, напоминала бабье колено. Цаплин неожиданно понял, что они с охранником одного возраста.

— Через Рыбин? — вежливо спросил Цаплин. — Или по Зарядью?

— Дуй через Рыбин! — ответил Дудь.

На Васильевской горке маршировали пионеры. Вожатая, худая и некрасивая тётка, злым голосом выкрикивала начало речёвки, пио-

неры писклявым хором ей отвечали. Ветер гонял пыль по пустоши, Цаплин помнил, когда тут росли лопухи, прямо тропические джунгли. Из-за радиации лопухи вымахивали под два метра. На лопуховом поле, тут, в Зарядье, происходили настоящие сражения, окрестные мальчишки сходились стенка на стенку, дрались люто, без правил и без жалости. У Цаплина до сих пор остался шрам на левой скуле от кастета.

Порыв ветра обдал песком. Цаплин зажмурился, Дудь закрыл лицо ладонями.

— Мне рассказывала... — охранник повернул голову. — Бабуся мне рассказывала, что тут раньше гостиница стояла — огромная, этажей сто. Там запаadlo жило...

Он замолчал, начал мелко отплёвываться.

— Ну и пылища... — вытер пальцами рот. — Ага — этажей сто. Столовки на каждом этаже. Ханька и хавчик, прикинь, всё западное — финское, польское! Бабуся говорит, минетки наши туда шастали, за харч и курево сосали у западла.

Цаплин тоже слышал и про гостиницу, и про минеток. Только ему рассказывали, что минетки все были офицерками из УПБ. Вроде там специальный полк был — из минеток. И звали их как-то особо — пу-танты, что ли.

— А как мы тут рубились! На Лопуховом поле! — Дудь зычно чихнул, харкнул в сторону.

Брызги попали Цаплину в лицо. Он, продолжая толкать каталку, утёрся локтем. Дорога петляла, убитая высохшая глина казалась от солнца белой. От кремлёвской пади несло тёплой тиной. Страшно хотелось пить, Цаплин облизнул губы, на зубах захрустел песок. Цаплин незаметно сплюнул под ноги. На обочине стояла старуха, увидев полицейского, она быстро села на корточки. Дудь лениво дунул в свисток.

— Помню, «солёные» с «хохловцами» объединились против «китайгородцев». Вот сеча была!

Цаплин помнил эту битву. Ух какое было побоище. «Китайгородцы» запросто разгромили бы «солёных», но те позвали «хохловцев». Стояла дикая жара. Середина июля, кажется. Именно тогда железным прутлом Бяше раскроили череп. Кляксы густой крови засыхали на зелёных листьях глянцевыми брызгами, будто кто-то разбил банку малинового варенья. Бяша лежал и умирал прямо тут, в лопухах. Фока сорвал рубаху, разодрал её и пытался забинтовать ему голову. Но кро-

вища хлестала точно из шланга, сам Бяша стал серым, цвета сырой глины. Он вдруг выгнул спину и страшно выпучил глаза, будто увидел какую-то зуть.

Фока, голый и грязный, повёл «китайгородцев» в атаку. Мы отомстим, сказал он, теперь у нас развязаны руки. Мы будем драться, будто нас уже убили! Он поднял с земли камень и крикнул: «Бить в висок!» Цаплин камня не нашёл, да он бы всё равно вряд ли смог бы ударить человека камнем в висок.

«Хохловцы» побежали. «Солёных» оттеснили к набережной, они прыгали с парашюта в реку. Тех, кто не успел, ловили и били ногами. Фока притащил пленного, из «солёных». Сказал, что мы должны его казнить. За Бяшу. Так будет справедливо.

Пленный, плотный коротышка, рыдал и уверял, что он вообще даже не дрался, что его заставил какой-то Гуня, что «хохловцы» принесли заточки и кастеты, там половина хачей с Птички, они и по-русски-то не понимают — горлохваты голимые. А пацаны с Солянки, мальцы чёткие, ежовые — без несчастья. И всегда бьются по правилам.

Фока раздобыл верёвку и сказал, что пленного нужно повесить. Повесить на мосту. Чтоб все в округе знали. «Повесим ночью, а утром все увидят», — сказал он.

Сохатый сомневался в прочности верёвки, он подёргал её, пытаясь порвать. После смастерил петлю. Накинул пленному на шею, тот завыл в голос, Сохатый апперкотом свалил мальчишку. Пленный катался по земле, просил пощады, вопил, что сирота, что у бабули никого кроме него нет. Фока зло и молча начал пинать его. Пленный скулил, после затих. Сохатый сунул конец верёвки Цаплину, тот намотал шнур на руку, крепко зажал в кулаке.

Когда поднялись на мост, солнце уже село. Наступали сумерки, тихие и серые. Над Кремлёвской Падью плыл сизый туман, говорили, там до сих пор страшная радиация и, что вода в кратере вовсе не вода, а серная кислота, от которой кожа вздувается волдырями. Цаплин видел такие ожоги на руках у Петрикова со второго этажа, потом этого Петрикова забрали и он больше не появлялся.

Дошли до середины моста. Фока остановился, сказал, будем вешать тут. Кто-то предложил сделать надпись, что мы мстим за Бяшу. Идея всем понравилась, Сохатый добавил: кровью! Мы напишем нашей кровью — прямо тут, на асфальте: «Мы, китайгородцы, мстим за нашего друга Бяшу». Карась сказал, что хорошо бы имя и фамилию указать. Слишком длинно, возразил Сохатый. Начали спорить и обсуждать текст.

— Хорош базланишь! — перебил гомон Фока, — давайте кончать суку! Цапа, тащи его сюда!

Все притихли и расступились. Прислонясь спиной к чугунной решётке парапета, стоял Цаплин. Он виновато развёл руками и показал пустые ладони. Пленный исчез.

Фока медленно подошёл, остановился, точно в раздумье. Сунул кулаки в карманы штанов. Цаплин не двигался. Со стороны Замоскворечья долетел вой сирены, глухой и низкий, словно кто-то дул в пустую бутылку. Начинался комендантский час. Фока нащупал в кармане свинчатку, крепко сжал. Свинец был тёплый, как живое тело.

Кулака Цаплин даже не увидел. Его голова взорвалась жгучей белой болью, ослепительной и мощной, асфальт выскочил из-под ног, мост подпрыгнул как качели и Цаплин, перелетев через парапет, рухнул в черноту.

2

По Манежу гоняли ментуру, новобранцев из окрестных сёл.

— Гопота, — Дудь зло сплюнул. — Органы засрали. Одна урла идёт!

Горнист трубил отрывистые сигналы — «бегом», «стоять», «кругом», трубил плохо, трель срывалась то на визг, то на писк; казалось, кто-то мучает крупное, но беззащитное животное.

— Строем! — рычал командир. — Строем, мать вашу ёб!

Деревенские строй не держали, делали всё невпопад — толкались, спотыкались и падали, сбивались в кучу. Новобранцы были ещё в цивильном, с белыми нарукавными повязками б/к. Дудь помнил, как его самого гоняли по Манежу, а после гонял он, когда стал сержантом и получил «синьку». Он прослужил в Ж/К пару лет — грязь, бараки, патрульные зачистки; после год отбарабанил в Нижнем, в «фильтрации», на самой границе — вот где адово место — трупы, вонючка, вши. Зато после ему подфартило сказочно: комендант Леонович отравился «люлей», а Дудь с ходу разоблачил отравителей из местных — одноногую вдову по фамилии Зак и её чокнутую сестру Варю. Сёстры Зак признались в преступлении и чистосердечно раскаялись. Их завербовала польская разведка пять лет назад, они получали яд и инструкции через связного, который работал бакенщиком в деревне Топь.

К сожалению, бакенщик погиб при задержании. Шпион пытался уйти по льду на польскую территорию, но тот декабрь выдался тёплым, и Ока на середине так и не замёрзла.

Трибунал проводил сам Дудь, приговор исполнял тоже он, репортаж о казни транслировали громкоговорители по всей округе. Дудь стал местной знаменитостью, его назначили комендантом лагеря, а из Москвы прислали медаль и указ о присвоении ему звания поручика с переводом в Стальную Категорию.

Сам Дудь считал себя фартовым малым.

Тот случай на Москворецком мосту ему казался чуть ли не чудом и прямым доказательством своей исключительности. Разумеется, он никому не рассказывал, что тот пацан его просто отпустил. В своей версии, Дудь порвал все путы, он бился как лев с двумя дюжинами «китайгородцев», уложил в нокаут самого Фоку, а после прыгнул с моста и спасся, проплыв до самой Яузы. В доказательство своих слов Дудь показывал разбитые в кровь кулаки и багровый шрам от петли на шее.

3

Цаплин остановил каталку у главного входа в Белые Казармы. Патрульные вытянулись и отдали честь. Из репродуктора звучала плавная музыка — то ли мандолины, то ли балалайки. Дудь вылез, потянулся, вытер ладонью розовый череп.

— Ну и пылища... — он отстегнул карабин ошейника Цаплина, коротко приказал. — Сидеть!

Цаплин опустил на корточки.

— Волосы убери, — Дудь раскрыл планшет, начал рыться. — Чтоб палю не воняло...

Цаплин послушно кивнул, обеими руками зачесал волосы назад.

Дудь вынул из планшета зажигалку, самоделку из гильзы, несколько раз чиркнул, потряс, зачем-то понюхал, снова чиркнул. Оглянулся, подозвал патрульного.

— Огонь нужен! — он сунул патрульному зажигалку. — Бегом!

Цаплин покорно сидел на корточках. Он старался ни о чём не думать. Он смотрел на плац, бесконечный и пустой, небо тоже было пусто и бесцветно. Серый бетон, серые небеса, простор, смертная тоска. Музыка оборвалась, в динамике зашуршало, точно там кто-то тайком ел ириски.

*Человек — существо фантастическое,
Глянь, ракета летит баллистическая,
Сочиняет романы кручёные
И готовит колбасы копчёные.
Человек — существо невозможное,
Трусоватенькое, осторожное,
Измерять поточнее пытается,
И отрезать никак — не решается.*

— Ты чё лыбишься? — беззлобно спросил Дудь и сам улыбнулся.

— Забавно, — ответил Цаплин. — Завтра в этот час меня больше не будет.

— Юморист! — Дудь зычно заржал. — Философ! Поэт, бля!

Цаплин изобразил неубедительную улыбку.

Завтрашнее не очень пугало его, правда, даже мысленно он не проносил слово на букву «К». Не так давно он мечтал о подобном исходе — на площади, прилюдно, на глазах всего мира. Примерно так: он, Цаплин, декламирует стихи, его голос летит над толпой, грубые палачи заламывают поэту руки и тащат его на эшафот, он продолжает читать, толпа умолкает, даже палачи растерянно замирают, Цаплин сам поднимается на плаху, как на сцену, как на трибуну — теперь его голос подобен грому. Не голос — глас! Он мощнее всех репродукторов на свете. Женщины в толпе начинают рыдать, начинают плакать дети. Мужчины мрачнеют, тайком утирают слёзы. Его стихи проносятся над площадью, летят над Москвой-рекой, петляют в руинах Арбата, несутся над чёрным пепелищем Рублёвки. Голос Цаплина слышат пограничники в дозоре, слышат его «фартовые» в дремучих чащах, голос проникает даже в Главный Бункер. Там над дубовым столом склонился тот, чьё...

— Уснул что ли? — Дудь больно ткнул Цаплина указательным пальцем в лоб.

— Извините, — пробормотал тот.

— Ну где этот, бля, козёл? — охранник сплюнул и поглядел по сторонам. — За смертью посылать...

Дудь засмеялся, шутка получилась смешная и очень в тему. Он вспомнил, что Веруня придёт вечером, им в «пожарке» выдали яйца — шесть штук. Можно будет капитальный омлетище сварганить. Со свежим лучком. Веруня обещала остаться на ночь. Хорошо бы только тревоги не было.

— Слышь, поэт, — Дудь посмотрел вниз, подмигнул. — А не страшно? Цаплин пожал плечом. Охранник хмыкнул.

— Чудно! Не пойму одного — какого, бля, хера?

— Извините, в каком смысле?

— Ну на хера ты эти стихи сочиняешь? Ты ж москвич, грамотный пацан, не урла деревенская! Мог бы карьеру сделать — вон, на «вестях» или в «голосе» фраера такую капусту рубят! Мог бы до Стальной категории подняться! Синяя повязка — почёт и уважение! Бабло, тёлки, харч! А ты — стихи!

Дудь говорил громче, постепенно распаяясь.

— Извините, — Цаплин кашлянул. — Извините, но дело в том, что сочинение стихов происходит произвольно. Без моего участия. В ранней юности я перенёс травму — сотрясение мозга, к тому же чуть не утонул. Вполне возможно, что это и послужило...

— Ну ты, бля, баклан! — заорал Дудь. — Ну что ты мне вагранку крутишь? Само у него сочиняется! Тебя же дважды арестовывали! Дважды! И ты знал, в третий раз — кирдык!

Цаплин вдруг засмеялся. Кирдык — третье «К». Казнь, конец, кирдык.

Вернулся патрульный, протянул Дудю зажигалку. Тот потряс её, зажёл. Резко пахнуло керосином, рыжее пламя полыхнуло, закоптило. Охранник прикрутил фитиль, вытащил из планшета железку с деревянной ручкой. К другому концу железки было припаяно кольцо с крестом посередине. Дудь поднёс пламя к кольцу, начал калить. Металл тут же покрылся копотью.

Цаплин не сводил глаз с оранжевого огня зажигалки. Ноги Цаплина затекли и онемели, он незаметно с корточек встал на колени. Дудь мелко плюнул на железку, слюна зашипела.

— Голову поднял! — приказал. — Да не егози ты, прям как целка! Я ж ласково...

4

Цаплин не мог вспомнить, как он оказался на Вдовьей Горке. Боль от ожога, сначала нестерпимо острая, через пару часов унялась и сейчас тупо пульсировала, упруго наливаясь тяжёлым жаром. На Радищевской Цаплин нарвался на патруль. Жандармы избили его, но не сильно, а увидев клеймо на лбу, пнули пару раз для порядка и отпустили. Он спустился по Гончарной к реке. Тут было тихо и пустынно,

пахло городским летом, тёплой пылью, жухлой травой, над чёрным скелетом Краснохолмского моста вставал чуткий месяц, на той стороне, где-то в районе Зацепы, малиново тлел пожар.

Цаплин побрёл в сторону Новоспасского монастыря. На отлогом берегу монастырского пруда горел костёр, рядом стояла большая армейская палатка — не палатка, целый шатёр — с красным крестом на линялом брезенте. Вокруг огня сидели женщины, дюжины полторы баб разного возраста. Цаплин подошёл и попросил разрешения посидеть рядом. Он сказал, что завтра его казнят, пальцем указал на лоб. Женщины потеснились, кто-то спросил, где казнь, Цаплин ответил — Таганка. Добавил — арена.

— Так это ж десять минут, — бабы оживились, — днём всё равно клиент не идёт. Придём-придём. Спасибо за приглашение.

— А как казнить будут, — поинтересовалась тощая старуха с бельмом на глазу. — Волей Народа?

Цаплин кивнул.

Одноглазая одобрительно кивнула в ответ, аристократично махнула жилистой рукой, отгоняя дым. От костра воняло палёной резиной, там тлела автомобильная крышка. Девушка помоложе, но с совершенно седой копной волос, предложила Цаплину минет, добавив, что, разумеется, бесплатно. Цаплин поблагодарил и вежливо отказался. Женщина в тугом платке с жёлтым ликом старой иконы спросила: казнят за что?

Цаплин задумался. За слова? За мысли? Но ведь он даже не знает, кто шепчет ему эти слова и кто вливает в его сознание эти мысли. Ведь нелепо даже предположить, что сам Цаплин, профан и недоучка, является автором стихов. Он всего лишь инструмент, вроде флейты.

Цаплин обвёл лица женщин медленным взглядом. Незнакомые лица чужих женщин показались ему невыносимо трагичными и в то же время непередаваемо прекрасными. Не красивыми и не прелестными, нет, — именно прекрасными.

То ли зыбкий янтарный свет, что пламенел на тёмных ликах, то ли чернильная бездна вокруг, а, может, сухой песок его последней ночи на земле, мельчайший чёрный песок, неумолимо бегущий сквозь пальцы, сколь крепко не сжимай кулак: пламя качалось, гигантские тени призрачно бродили по монастырской стене, теперь Цаплину казалось, что они в открытом море и плывут куда-то; и будут плыть бесконечно; и никогда не наступит утро, ведь «никогда» — это и есть «всегда» на самом деле, если вдуматься.

*Как получается жираф, из пятен, гордости и шеи,
Каприз божественной затеи, так получается жираф.
Как получается успех, из капель боли и тревоги,
Ногами месим кровь в дороге, так получается успех.
Как получается печаль? Из мелких капелек кручины,
С причиной, или без причины, так получается печаль.*

Он читал стихи до рассвета. Женщины внимательно слушали — они грустили, они смеялись, они плакали, причём плач их был открытый, без стеснения, такой же чистосердечный, как и смех.

*В танце нарядном изогнутых линий,
в глади озёрной луну утопив,
плавала ночь, ослепительно синий
плащ натянув цвета бархатных слив...*

Ночь кончалась. Костёр догорал. Волшебство, как и любое стоящее чудо, таяло и подходило к концу. Небеса светлели в свинцово-серое, месяц исчез, из пролома в монастырской стене торчал ржавый танк без башни. Башня с оторванной пушкой увязла в прибрежном иле метрах в ста от стены.

У костра остался лишь Цаплин да женщина с тёмным ликом святой мученицы. Она порылась в котомке, достала оттуда глиняную трубку, достала матерчатый мешочек, грязный, на верёвочных завязках. Кисет — слово само всплыло в сознании Цаплина, хотя раньше он его и не слышал. Последний раз Цаплин курил в пятом классе, тогда шмалили контрабандную махру — бухарскую, после курение запретили вообще. Сперва ввели штраф, потом — срок. Последние лет десять за курение полагается смертная казнь.

Женщина набила трубку, вынула из костра горящую ветку, прикурила. Трубка зашипела, пахнуло осенним листом, горечью и ещё чем-то пряным, вроде корицы. Женщина выдохнула дым, протянула трубку Цаплину. Тот осторожно затянулся.

— Смерти не бойся, — женщина сказала тихо. — Ты не умрёшь.

Цаплин обрадовался по-детски невинно, хоть и понимал ничтожность шанса остаться в живых. Он затянулся ещё раз и вернул трубку. Она взяла.

— Душа твоя в словах, — тихо сказала. — В стихах. А душа бессмертна.

— Это как?

— Сегодня душа в твоём теле, а завтра...

О том, что его ждёт завтра, Цаплину думать не хотелось совсем.

5

Казнь закончилась до обидного быстро. От начала до конца процедура заняла минут тридцать, тридцать пять от силы. Дудь помнил казни, которые длились часами. Народу тоже пришло немного, хотя и погода выдалась чудесная, да и рекламу крутили вчера целый день по всем радиоточкам Центрального округа.

Прикатил Изюмов из Главупра, на рукаве новенькая повязка синяя, рожа сияет; сам, сука, только кивнул издалека, даже из каталки не вылез, гад. И уехал, конца не дожидаясь. Наверняка теперь денунциацию настроит в Комиссию. Настроение у Дудя испортилось окончательно. По возрасту, да и по заслугам, чего уж скромничать, ему давно пора носить «синьку». Если не дадут СК, то вполне логичен будет перевод на периферию, снова в какой-нибудь чёртов лагерь. Вон как Жабинский загремел: ходил по Упру таким козырем, его даже в замы Надрову прочили. И где он теперь, этот Жабинский?

Народ расходился, арена пустела. Дудь сплюнул под ноги. Он помнил, когда тут был сквер с жухлыми кустами и ржавыми скамейками. Травы не было, была сухая глина. Было пыльно и душно, но бабуся водила его сюда, чтобы он мог поиграть с окрестной мелюзгой в «дуньку» или «салочки».

Подкатила труповозка, пара коренастых бурятов с одинаково медными лицами проворно отвязали тело от столба и запихнули мёртвого Цаплина в картонную коробку. Под столбом осталась тёмная лужа, буряты засыпали её песком. Дудь дунул в свисток, один из бурятов подбежал и сел на корточки. Дудь выудил из планшета пару минет-жетонов, кинул сначала один, потом другой. Бурят сноровисто поймал обе жестянки на лету, после, не вставая с карачек, по-крабьи, ретировался.

Цирики собирали камни в корзины, комендант арены Вырин что-то спросил у них, те выпрямились, лениво пожали плечами. Вырин направился к Дудю, одной рукой на ходу одёргивая китель. Экзекутор уже знал, о чём пойдёт речь.

— Фальшак? — спросил он.

— Так точно, три фальсификата выявлено, — комендант протянул ему камень.

— Думаешь, орудует та же группа?

— Так точно! Зунгеры с Котельников.

Камень был гораздо тяжелее норматива.

— Вот суки... — Дудь вернул камень коменданту.

— Так точно. И ведь что характерно, на всех трёх фальсификатах наша метка стоит. Таганская.

Экзекутор отряхнул ладони, направился к выходу.

Характерно — почему характерно? Какой идиот всё-таки этот Вырин. Рапорт нужно написать, быстро, прямо сейчас. Упредить Изюмова. Превентивный манёвр профилактического свойства. Нет — упреждающий удар превентивного свойства.

Дудь вышел за ограду. Порыв ветра хлестнул по лицу тёплой пылью и песком. Он закашлялся, что-то щекотное застряло в горле. Комар чёртов, или мошка какая? Дудь крикнул, прочистил горло, сплюнул под ноги. Растёр плевок подошвой.

Арена была обнесена железной сеткой. По периметру висели линялые агитки, плакаты с портретом Верховного. А ведь он похож на удода, — подумал экзекутор и сам испугался своей мысли. Он огляделся и начал громко и фальшиво свистеть нечто бравурное. Срочно писать рапорт, срочно в управу. Промедление смерти подобно!

Но вместо этого Дудь отпустил каталку. Он расстегнул мундир, верхнюю пуговицу, и, продолжая свистеть, направился в сторону Китай-города. Редкие прохожие, завидя его, отходили к краю тротуара и садились на корточки. Экзекутор не обращал на них внимания, он шагал, свистел, иногда ладонью вытирал бритую голову. Ну и жарыща, вот ведь пекло, ну и зной. Вот бы кваску холодного сейчас. Бабусяного — на берёзовых почках настоящего. Дудь вздохнул: нет ни квасу, ни бабуся.

На месте станции метро чернела дыра — не воронка — кратер. Яма там, говорят, глубиной в километр. Западло в ту ночь били гипогенными, накрыли весь генштаб, там бункер был Верховного. Самого в бункере не оказалось — бог уберёт отца нации. Жажнуло тогда капитально. У Дудя люстру с крюка сорвало, ещё бабусяна люстра, богемская. Весь пол как в бриллиантах был. Взрывной волной тогда всю округу в щебёнку разметало — аж до Курского вокзала. Весь их элитный новострой на бульварах — в прах. А наша коммуналка устояла, да и сейчас стоит. Вот как строить надо! И Яузская больница цела-невредима стоит. Три-

ста лет больнице — как новенькая. Жаль, вот парк на дрова пустили, эх, какие тут дубы и липы росли!

Экзекутор махнул ладонью, послав салют каменным львам у входа. Хищники не ответили на привет, они крепко спали, как и положено кошкам в знойный августовский полдень. Дорога нырнула и пошла под горку. Впереди блеснул изгиб Язуы. Дудь не поспевал за своими ногами, он рассмеялся в голос и вдруг громко, на всю улицу, произнёс:

*Как это мило, ноги есть, и мы идём,
Туда, где ждут, а иногда не ждёт никто,
И как же вкусно целоваться под дождём,
Не замечая мокрое пальто.*

На той стороне Радищевской две бабы деревенского вида, в тугих вдовьих платках, шарахнулись и юркнули в переулочек. Экзекутор зычно захохотал им вслед.

— Я сыр доел, откройте мышеловку! — гаркнул он и неожиданно даже для самого себя вдруг громко прокукарекал.

Дудь вспотел. Ему было душно, жарко, тесно. Он рывком распахнул китель, медные пуговицы весело зацокали по асфальту, разлетелись, как карманная мелочь. Армейское сукно воняло мокрой псиной. Вывернув китель наизнанку, Дудь пытался выпутаться из рукавов. Но китель не сдавался. Кисти рук намертво застряли в манжетах.

— Подлец! Каналья! — рычал экзекутор. — Порождение гиены!

На Астаховом мосту китель сдался. Дудь хищно скомкал его и швырнул в Язуу.

— Любовь твоя бесчувственна как мыло! — заорал экзекутор, пергнувшись через чугунный парапет.

Река смолчала. Неподвижная вода напоминала застывший вар.

— Мечтаешь о вдове, чтоб снова стать вдовою! — Дудь смачно плюнул вниз.

Его распирало буйное веселье, злой азарт безнаказанности. Он был в кураже! Да, я сорвался с цепи, да, я летящий болид. Скорость звука — чушь! Я несусь со скоростью света!

— Эй вы, крокодилы! Не подходи! Могу взорваться!

В горячечном задоре экзекутор чуть было не сиганул с моста, изнутри его разрывало жгучее желание выкинуть ещё какой-то фортель. Он стянул сапоги, один за другим швырнул их в Язуу. Следом полетели

галифе с подтяжками. Исподнюю рубаху стянул через голову, следом снял трусы, всё скомкал и швырнул вниз.

Дудь шагал по Солянке. Его большое тело было по-бабьи гладким и розовым. Он размахивал руками, иногда пританцовывал, звонко шлёпая босыми пятками по асфальту. Он пел, иногда что-выкрикивал и снова пел. Редкие прохожие, завидя голого человека, бежали прочь.

Он свернул в арку. В прохладном гулком полумраке Дудь остановился и рывкнул:

— Вы мне любовью уши оттоптали!

Дверь подъезда грохнула пушкой. По ледяным ступенькам экзекутор пронёсся на третий этаж. Запасной ключ притаился за щитком мёртвого электросчётчика. Из квартиры пахло старьём, шерстяным тленом, бережливой нищетой — ну не смог Дудь выкинуть бабусины вещи — не смог!

В гостиной он распахнул настежь окно, вскарабкался на подоконник. Голуби с карниза кубарем сорвались вниз, после взмыли в синь. В зыбкой дымке, где-то в Замоскворечье, блеснул искрой купол церкви. Женщина на той стороне улицы подняла голову и застыла. Дудь выпрямился, развёл руки в стороны и глубоко вдохнул.

*Как получается печаль? Из мелких капелек кручины,
С причиной, или без причины, так получается печаль.
Как получается полёт? Путём отрыва от чего-то,
И веры в крылья самолёта, так получается полёт.*

Внизу собиралась толпа. Появился участковый. Должно быть, он вызвал патруль.

*Как на душе растёт мозоль? Всему, что на душу ложится —
Ты запрещаешь шевелиться. Так получается мозоль.*

Начали ломиться в дверь. Колотили, пинали, ругались — эхо ухало, металось вверх и вниз по лестничным пролётам. Дверь, стальную, с сейфовым замком, ставили в прошлом веке; с гарантией, — говорила бабуся, — такую только танком можно взять.

Толпа росла. Зеваки запрудили тротуар и мостовую. Жандармский ротмистр, сложив руки рупором, требовал прекратить противоправную деятельность и немедленно сдать. Дудь хохотал в ответ.

*Как получается тюрьма? Когда себе не разрешаешь
Свободно жить, дышать мешаешь, так получается тюрьма.*

Прибежали пожарные. Они волокли лестницы, крючья, мотки каната. Горнист протрубил отрывистый сигнал, толпа колыхнулась и подавалась назад. Дудь ступил на карниз, босую ногу обожгла раскалённая жечь. Держась одной рукой за раму, он высунулся из окна и увидел, как пожарные сноровисто начали карабкаться по фасаду дома, по водосточным трубам. Как муравьи, — подумал Дудь и крикнул вниз:

— На абордаж, каналы!

Из толпы кто-то гаркнул:

— А прыгнуть слабо!

Другой голос поддержал:

— Давай, прыгай!

Несколько голосов, а после и вся толпа, хором орала:

— Пры-гай! Пры-гай! Пры-гай!

Дудь пытался говорить, но рёв толпы заглушал слова. Он жестами просил тишины, но люди орали только громче. Он устало махнул рукой, теперь он просто стоял, смотрел вниз и улыбался.

Азарт выдохся. Кураж сошёл на нет. Навалилась смертельная усталость, но не тёмная и тяжкая, а благодатная, как после ладно и на совесть сделанной работы. Толпа внизу, искалеченный, почти мёртвый, город, — какая, в сущности, нелепость эта жизнь, какая обуза. Всего лишь шаг и...

Он закрыл глаза и увидел своё сломанное тело на асфальте, нежно розовое на грубо сером, алая клякса вытекает из-под головы.

— Нет, не так... — он спрыгнул на пол. — Грубо! Грязно! Они же именно этого и ждут.

Дудь выскочил из комнаты, распахнул кладовку. Посыпались коробки, узлы с тряпьем, грохнулась лысая швабра. В фибровом чемодане, на крышке ещё сохранилась аккуратная надпись «Федя Дудь, третий отряд», среди старых игрушек, цветных стёклышек, забавных камушков, значков и прочего хлама, он нашёл то, что искал: толстую верёвку с петлёй.

Дудь вернулся в комнату. Он поднял голову, из лепного узора на потолке торчал крюк.

— Ах, какая люстра была... Богемский хрусталь.

Круглый обеденный стол был накрыт мягкой скатертью с золотыми кистями. Он стоял посередине гостиной. С улицы долетали крики

толпы, резкие команды пожарного сержанта. Дудь накинул петлю на шею, подтянул узел, совсем как на галстукке. После двумя руками взял стул и бережно, чтоб не поцарапать лак под скатертью, поставил стул в центр стола.

Вермонт 2023

ОБ АВТОРЕ

Валерий Бочков — известный русский и американский писатель и художник-график.

Автор более десяти романов и сборника рассказов, завоевавших большую читательскую аудиторию и принёсших автору заслуженную популярность. Лауреат «Русской премии» и «Премии имени Эрнеста Хемингуэя».

Его писательский стиль характеризует гармоничное сочетание философской глубины и психологизма с дерзкой остросюжетностью, динамикой и ярко-фактурными образами. Но главное свойство творчества Валерия Бочкова — абсолютная и вдохновляющая свобода, поднимающая читателя над условностями и страхами.

Валерий Бочков — постоянный автор нашего журнала.

Марина ТЮРИНА-ОБЕРЛАНДЕР
**В ПРОСТРАНСТВЕ
ПЕРЕХЛЁСТНУТЫХ СТИХИЙ**

---

* * *

Я тебя не отдам никому
мой язык
тот
который впитала
неслучайно среди шумного бала
и в тиши среди надобных книг
я любила на нём говорить
постигая словес откровенья
и ловила незримую нить
даровавшую стихо-творенье
и стихи вырастали из слов
убегающих и приходящих
из старинных и призрачных снов
и картин
откровенно неспящих
мой язык
я тебя не предам
пусть войной ты навек опозорен
я тебя никому не отдам
мы с тобою повязаны
горем

ПРЕДАННОЕ СЛОВО

Согласно Библии
в начале было Слово
способное любовью со-творить
но смысл его
переодев в обновы
скрыл Каин — не сокрывший свою прыть
и слово нынче
в клоунском обличье
паясничает
глядя в небеса
продав за грош вселенское величье
и позабыв
что божия роса
его когда-то мудростью питала
и вдохновение дарила неспроста
и свято верила
в его любви начало
и не снимала с творчества креста
паясничай
покуда сеет морок
дни покаянья правдой сочтены
тебя сожрёт расплаты тайный ворог
ещё до окончания войны
предвижу я
на мёртвом пепелище
взойдёт любви невидимый росток
и мы со Слова в полной мере взыщем
вернув ему низринутый веночек

* * *

Уходят друзья
одноклассники
дяди и тёти
уход неожидан
но рвётся истлевшая нить
связавшая жизнь
между духом и вызревшей плотью
в которую червь искупления
вчуже проник

уходят любимые
однокурсники
близкие
дальние
уходят безмолвно
давая отмашку рукой
и глядя в рассвет
нарисованный светлой печалью
им машем в ответ
с накатившей внезапно тоской

чем дальше в пути
тем нам чаще выходит прощаться
ведь годы летят
и от них не уйти никуда
и вас проводив
в житие мы должны возвращаться
на грешную землю
до встречи в раю
но когда?

ПЕРЕЧИТЫВАЯ ДАВИДА САМОЙЛОВА

В твоих словах есть привкус волшебства
отточены пером
они ласкают
и безвозмездно образ высекают
соединённый с формой естества

но что есть естество —
мой пылкий дух
иль плоть моя
томящаяся в клетки
что выбрать мне —
которое из двух —
и выпростать из паутиной сети

нет
я не перестану поднимать
заслонку времени
упёртую в предсердье
и не устану заново внимать
призыву о признании милосердия

ужель чрез кровь
ужели без неё
нельзя умерить ярость искушенья
забрать весь мир
а то — что не моё —
обречь на гибель и на разрушенья

зачем
мой *мир*
ты так погряз во лжи
и в жажде власти
злата
поклоненья

висишь на волоске
над пропастью во ржи
и кары в страхе ждёшь
за льготы преступленьям

* * *

Жалюзи
по линейке
пластмассовый окон распил
чтоб увидеть пейзаж
надо их собирать как гармошку
пусть он тот же —
сейчас он меня удивил
приоткрыв вернисаж
довоенных картин понарошку
там звенела зима
и гортань неподдельный восторг
спуск на санках с горы
наполнял необузданным смехом
где в глазах детворы
преломлялись благие миры
обещавшие жизнь
одарённую новым успехом
мир обрушился враз
и под шквалом ракет изнемог
освещая порой
потолок над пустой колыбелью
сколько сгнуло нас
перейдя через смерти порог
сколько встанет горой
под весенней победной капелью

* * *

Люди забыли о том
что такое солнцестояние
зимнее
летнее
как ходили к заутрене
или к обедне
люди забыли о том
что есть равноденствие
осеннее
и весеннее
а за ним грядёт воскресенье
люди усвоили
что нельзя ждать милостей
от природы
их отнять у неё
первейшая наша задача
с тех пор и берут
невзирая на козни погоды
и перепады температур
они для них ничего не значат
несть конца этой жажде наживы
только все оправдания лживы
и природа им мстит
наводнениями и торнадо
ураганами
встрясками
сушью
вы стремитесь её обуздать
и пытаетесь даже спасать
в ужасе
от того
что она распоясалась
ну а ей бы спрятаться
от спасанья обрыдлого
гнусного
гиблого

что на войнах издревле замешано
что слезами недоутешено
не приемлет она вашей лжи
во спасение
василёк вплетёт в поле ржи —
воскресение

* * *

Рассвет
преддверие восхода
заворожённая природа
внимает кромке золотой
забрезжившей над горизонтом
и голос утра перезвонный
плывёт
пленённый синевой
распахнутого настезь неба
в котором царственная Геба
смеётся
голову клоня
над амфорой с нектаром чистым
и кардинал весёлым писком
уже приветствует меня
влетевши лихо в подоконник
мой ежеутренний поклонник
лукаво вертит головой
мне наговаривая веру
в любви обманную химеру
и сердца пламенный покой

* * *

И.Ч.

Ни тебе
никому не мщу
и на жизнь свою не ропщу
только жить с тобой не хочу
прислонясь к твоему плечу

потому что плечо скользит
прикрывая подспудный стыд
за нанесённый сонм обид
и за слёзы из глаз навзрыд

потому что твоё плечо
как бы ни было горячо
не согреет меня во сне
не закроет собой в войне
не подставит себя в нужде
лишь ославит в своей вражде

НАД НИАГАРОЙ

Над Ниагарой радуга
бразды
вспенённых бруй взрывая водопада
лелеет рёв низвергнутой воды
в подкове ограниченной ограды

и ничего не слышно
только шум
мы в середине избранной подковы
и в душу лезет мой властитель дум
за строчкой только выплывшей —
обновой

и я под градом брызг и слов не впрок
ловлю обрывки чувств и грешных мыслей
и радуга
что надо мной зависла
влечёт к любви
исполненной не в срок

* * *

Как брызги новорождённого дня
как золотой
взлетевший в поднебесье
я вспоминаю Куприна Олесю
и ту — давно ушедшую — меня
я вспоминаю раннюю росу
скользящие по ней ступни босые
и ветра сполохи
внезапные косые
взметнувшие тяжёлую косу
прозрачный бледно-розовый рассвет
встающий над туманною рекою
почти угасший за завесой лет
которые и я уже не скрою
в печаль забвенья канувшие дни
была страна — и мы в ней были дети
в послевоенном выжившие свете
с пожаром не связавшие огни
как пережить ниспосланный позор
объявленный увечным самозванцем
и оправдать недобровольность странствий
своей невозвратимости в укор

* * *

В меня опять втемяшатся стихи
я запишу их нервной рукою
в пространстве перехлёстных стихий
на кромке пересохнувших обоев
которые содрали со стены
но выбросить зачем-то не успели
и мне хватает розовой каймы
и отзвука завьюжившей метели
чтоб зимний стих весной наваять
воспоминаниями душу растревожа
и ждать рассвета
и любви ждать
не поднимаясь из пустого ложа

ОБ АВТОРЕ

Марина Тюрина-Оберландер — поэт, прозаик и переводчик. Член Союза писателей XXI века, лауреат Международной премии им. Леонардо да Винчи (2018).

Родилась в Ленинграде в семье выдающегося учёного-почвовед, академика И. В. Тюрина. По образованию филолог-скандинавист. С 2000 года живёт в Вашингтоне.

Автор многочисленных публикаций в периодических изданиях США, России, Германии и др., альманахах «Поэзия» (Россия), «День русской зарубежной поэзии» (Германия), антологиях «Современная датская поэзия», «Современная норвежская поэзия», а также девяти книг — четырёх книг переводов с английского и датского и пяти оригинальных: «На остром рубеже пространства», «Музыка слов», «Высокая нота», «I Simply Have to Fall in Love» и «That Strange Feeling of Freedom» (на английском языке).

Стихи и рассказы Марины переведены на английский, словацкий и персидский языки. Альбом песен на стихи Марины «Когда врывается любовь».

Член редсовета журнала «Времена».

Ольга КУЧКИНА
«НА КРАЮ...»

ИСПОВЕДАЛЬНОЕ

Вот какое письмо я получил от старого доброго московского знакомого Валерия Николаева — писателя-переводчика, автора нашего журнала.

«Потихоньку прихожу в себя, разгребаю Олино наследие с прицелом издать книгу написанного в последнее время и ещё не опубликованного. Наткнулся на самое что ни на есть последнее, очень исповедальное, написанное на краю... Посмотри, может быть, достойно публикации?..»

«Оля» — жена Валерия Ольга Андреевна Кучкина, известная российская публицистка, писательница, скончавшаяся в конце июня прошлого года после тяжёлой болезни. Она тоже была автором журнала «Времена».

Познакомившись с текстом, я и мои коллеги единогласно решили — опубликовать без промедления. Это, действительно, написано «на краю...» Это не о смерти, не о «медном тазе», которым в итоге всё накрывается, это о жизни, о любви. Судите сами...

Давид Гай

СЛЁЗЫ

Я плачу. Я плачу, плачу и плачу. Всё лицо моё залито слезами. Я хочу и не могу остановиться. Я плачу навзрыд. Обильные слёзы текут по

моим щекам. Я не вытираю их. Это вполне бесполезное занятие. Тогда, в Никольском, где у нас находилась дача, на том месте, где до того находилась Обираловка и где погибли соседская шестнадцатилетняя девушка и её пятилетний брат — где-то подобрали яркую заграничную игрушку, как оказалось, напичканную динамитом, немцы оставляли такие игрушки для русских детей. Тогда мы не плакали. Тогда мы замерли, встав перед необходимостью осмысления чего-то огромного, но не плакали. Тот экзистенциальный человек, что ещё не проснулся в нас, тогда молчал. Почему я плачу? Оплакиваю ли уходящую жизнь? Или всё более близкую смерть? Я не знаю. Я всё чаще употребляю эту конструкцию, потому что и впрямь всё меньше знаю, а что знала, то позабыла. Я всхлипываю, думая, что это последние всхлипы, но набегают новая волна, и я захлёбываюсь от горестного плача, причины которого по-прежнему не знаю. Среди ночи я просыпаюсь с ясной головой и понимаю, что причина в страхе. Я боюсь, что ты разлюбишь меня. Или... что я разлюблю тебя.

СМЕХ

Я люблю слушать твой смех. Ты рассказываешь что-то, а я затаилась и жду, когда дело дойдёт до таких вот коротких бархатных смешков, которые сопровождают твои рассказы. Так смеются здоровые, крепкие, вальяжные мужчины, себе на уме, щедро предлагая разделить с ними удовольствие, получаемое от полноты жизни. Тебе бы очень подошла трубка. Да она и была у тебя, когда мы познакомились. Но пришло время гипертонии, чего-то ещё, и трубка получила отставку без скандалов и сожалений, как-то так, само собой, а смешок и рюмка курвуазье остались как знаки продолжающегося благополучия. К благополучному мужчине хочется прислониться. И только очень-очень-очень внимательный взгляд жены отмечает некое тайное неблагополучие, тень неблагополучия, до поры скрытого от окружающих и, уж конечно, от самого фигуранта, и жена загоняет своё беспокойство внутрь, вглубь, тем более, что подошло время пары бархатных смешков, делающих жизнь столь полной и насыщенной. Спасибо, мой милый, будь здоров! Ну, пожалуйста, будь здоров, прошу тебя. Я буду молиться за тебя.

БОЛЕЗНЬ

Моё занятие — болезнь. Болезнь изнуряет меня. Но больше изнуряет возраст. Я в 30 лет и я в 80 — два разных человека. Возраст ски-

рает меня изнутри. Не верьте, когда вам говорят, что старость может быть прекрасной. Не может. 30-летняя женщина проходила мимо зеркала, машинально бросая взгляд на себя, и тоже часто недовольная собой, в целом принимала себя. 80-летняя — не поднимает глаз, чтобы не видеть отражения в стекле той старухи, которая не она, не она, а другая. И Боже мой, ничего, ничего нельзя с этим поделать, и надо только принять то, что дальше будет хуже. Я люблю жизнь и ненавижу старость. Но я знала одну женщину, которая была прекрасна в свои 70 с лишним — я была младше неё, и я смотрела в её прекрасные глаза, и говорила, что если я буду выглядеть в свои 70 так, как выглядит она, я принимаю старость. Смешно. Как будто что-то зависит от человека, принимает он старость или не принимает. У неё были удивительные глаза голубого цвета, и они светились, и свет, который изливался из них, каким-то дивным образом освещал всё вокруг. Она была светской женщиной, принимавшей участие в литературной жизни, но она была, к тому же, глубоко верующим человеком, и может быть, одно с другим как-то, действительно, связано.

ГОРЯЧИЕ РУКИ

Так было ещё совсем недавно. Ты возвращался домой, я встречала тебя на пороге, ты брал мои руки в свои. Ух, какая ледышка! — говорил ты. Жар твоих рук согревал меня. Было так, словно я прикладывала свои руки к горячей печке, и мне делалось хорошо и спокойно. Не понимаю, как ты можешь жить с такими руками! — смеялся, удивлялся ты. Сама не понимаю! — отвечала я, тоже смеясь. Мы вообще, как ты помнишь, много смеялись, когда были молоды. Наверное, оттого, что были счастливы. Когда жар ушёл из твоих рук? Ты протянул их ко мне — я вскрикнула: Ой! — Ты что? — удивился ты. — У тебя руки ледяные! — отвечала я. — Правда? — Правда. — Придётся донашивать такие, какие есть. Я засмеялась твоей шутке, и мы отправились на кухню ужинать — уже готовые пельмени остывали. Я пила горячий чай, куталась в плед и кое-как приходила в себя, добирая тепло из внешних источников, догадываясь, что, как прежде, уже никогда не будет, и не остаётся ничего иного, как примириться с потерей, одной из предлагаемого списка потерь.

ЗАГАДКА

Я забираюсь с ногами на диван. Ты включаешь телевизор — там футбол, и мне предстоит полчаса смотреть, как ты смотришь фут-

больный матч. Я не в обиде. Моё кино интереснее твоего. Я пытаюсь разгадать, что за человек сидит передо мной. Мы вместе не один десяток лет, а я до сих пор не знаю, кто ты. Я воображаю, что вот сейчас зазвонит смартфон, ты возьмёшь трубку, переменишься в лице, с трубкой, прижатой к уху, выскочишь в коридор, я повлекусь за тобой, чтобы спросить, кто это, ты не ответишь, лихорадочно одеваюсь, или бросишь: потом расскажу, — откроешь входную дверь, может, ещё спросишь: у тебя нет пары сотенных, на всякий случай? Возьмёшь протянутые сотенные бумажки... Ещё скажешь: я вернусь через полчаса. Может, даже поцелуешь меня. И исчезнешь навсегда. Картина так пугает меня, что я погружаюсь в ступор. Ты что-то чувствуешь и спрашиваешь, не отрывая глаз от телевизора: что с тобой, у тебя что-то случилось? — Ничего, всё в порядке, — отвечаю я, стряхивая с себя морок. Я не могу ничего объяснить и только благодарю Бога, что это всего лишь мои фантазии и ничего больше. Но мои фантазии проникают в мои сны, во сне ты уходишь от меня и... И я просыпаюсь в слезах. Напророчишь, — говорит мне моя дочь Наташа, которой я пересказываю сон. Но что я могу поделать с собой! Ты явился в нашу семью из ниоткуда, с улицы, и от тебя можно было ждать чего угодно. Я не доверяю тебе? Если бы я могла расспросить о тебе кого-то! Но ты не принёс никаких рекомендаций — знаешь, как люди приходят на службу с рекомендациями, на которые можно положиться. Хотя гордость не позволила бы выпрашивать о тебе кого-то. Впрочем, случай свёл нас с бывшей твоей женой в твоём бывшем доме, где я, наплевав на гордыню, прямо спросила: Таня, почему вы развелись? — надеясь, что извлеку из её ответа что-то содержательное о тебе. Не тут-то было. Она говорит что-то типа не пропускал ни одной юбки, во-первых. Во-вторых я уже не слушаю. Я чувствую, как начинают пылать мочки моих ушей, мне стыдно слушать всё, что она говорит, и я незаметно затыкаю уши, и до меня доходит лишь бу-бу-бу-бу-бу. Я понимаю, что люблю не тебя, а своё представление о тебе. Ты, наверное, проще, нежели я думаю. Я приписываю тебе свойства, которыми ты не обладаешь. Иначе мне было бы неинтересно. Ну да, я опираюсь на какие-то реперные точки, но я вынуждена довольствоваться ими, потому что ты молчалив и не отвечаешь прямо на вопросы, какие я задаю. Ты всегда уходишь от ответов. Но может быть, и правильно делаешь, потому что нельзя же всё перевести в словесный ряд, многое остаётся за пределами слов. То есть, я опять ступаю на тропу догадок и умствова-

ний. И я резко обрываю сама себя и возвращаюсь к неинтересному для меня телевизору, чтобы ждать, когда ты вернёшься и поцелуешь меня, и мы пойдём спать, и я усну, согретая твоим теплом, охраняя тебя от себя... ш-ш-ш-ш... мы спим.

НАГОТА

У тебя отличная фигура, ты не изменился с годами, и ты ходишь по квартире, обнажённый, благо, что мы с тобой живём одни, и никто нам не мешает вести себя так, как мы того хотим. Мне приходит в голову, что художники (мужчины) всегда писали обнажённую натуру (женщин), исходя именно из мужского взгляда на вещи. Художницы (женщины), как правило, вели себя скромнее, не навязывая женского взгляда (на мужскую фигуру). Пожалуй, только Таня Назаренко тут отличилась, честно выписав все детали. Я позволяю себе то же самое, ваяя любимое тело (словами, всего лишь словами!).

СТРАДАТЕЛЬНО СТРАДАЯ

Страдательно страдая. Страдательно страдая. А что, разве эти два слова не могут быть названием книжки? Книжка про себя. И эти два слова. Я в концентрированном виде. Главный редактор *толстого* журнала Сергей Алексеевич Баруздин, прошедший войну и по-страшному пьющий, руководитель семинара молодых драматургов в Дубулты, кричит, что я не знала горя и пишу высосанное из пальца, и я знаю, что это правда, и рыдаю у себя в номере, а Отар Иоселиани меня утешает. У Баруздина посталкогольный синдром и не работают сдерживающие центры, он распускает себя и позволяет себе не притворяться. Но это неважно, а важно другое. Важно, что всё, выкрикнутое Баруздиным, — правда... Всё составляет... когда ВСЁ составляет моё старательное страдание... тогда и твой гений влетает в комнату, где ты сочиняешь своё сочинение в наилучшем виде и где твоя жена прикладывает пальчик к губам, так она молит о тишине, иначе ей придётся отнять все листочки и выставить *неудовлетворительно* всем ученикам, включая самых-самых, кто всегда лизоблюдствовал, выменивая свои низости на хорошие оценки. Это я отпустила себя и дала подсознанию проникнуть в сознание, а там уж... Ведь как пишется? Имеются в виду удачные минуты. Формуешь бесформенную массу и получаешь любёночка, а он живой, маленький, крохотный, но живой.

БЕДА

У нас беда. Тот, кого я называю Мейерхлюд, такой вселенский режиссёр-постановщик, а может, его надо называть Судьбой, поиздевался над нами всласть. У тебя — онкология. Тебе предстоит операция и следом — сеансы химии. За неделю ты потерял семь килограммов — по килограмму в день. Прекрасная твоя кожа, твои бицепсы, которые ты так наращивал в гимнастическом зале, обвисли, я не могу на них смотреть. Смотрю. Говорю спокойно: ничего страшного, всё вернётся на свои места, я помогу тебе. Ты тоже смотришь и говоришь спокойно: я знаю.

СТРАДАНИЕ

Страдательно страдая. Справедливости ради стоит упомянуть другого писателя, тоже участника войны и тоже заливающего сердечную боль алкоголем. Замечательный человек, Вячеслав Леонидович Кондратьев удостоил меня своей дружбы. А он не был щедр на дружеские отношения. Стало быть, было что-то, отчего он тратил на меня своё время и свои эмоции. Не пустоцвет, а что-то, что рано или поздно откупорится и откупорит меня, надо только потерпеть. Когда его сердечная боль стала непереносимой, он открыл ящик своего письменного стола, достал оттуда свой офицерский пистолет и выстрелил в себя.

ТЬМА

Что нам делать? Уезжать или оставаться? Погружаться в то, отчего невозможно дышать, где погибель на пороге и тьма наползает на страну с ужасающей скоростью, или найти в себе силы продолжать жить так, как жили, как будто их вовсе нет, этих безумцев, сеющих смерть? Кажется, где-то в середине февраля не выдержала и выложила кричащий текст в ФБ: в том смысле, что нельзя молчать, надо что-то делать, они должны услышать наш голос, наш протест против их страшной вседозволенности, иначе мы не простим себе нашего молчания. Маша Михайлова, трогательная умница, написала: я готова что-то делать, но что?!.. Одно время модно было задавать рецепиентам такой вполне абстрактный вопрос: если бы было объявлено, что Земле грозит ядерная катастрофа или другой катаклизм, что бы вы стали делать? Типичный ответ: продолжал бы делать то, что делал до этого. Сегодня требуется ответ вполне конкретный: 24 февраля Россия напала на Украину, и тогда те, кто против войны, наконец-то заговорили в полный голос.

ИСХОД ГОЛОСОВ

Актёр Анатолий Белый выложил потрясающей силы текст: *Да, я уезжаю...* Уехали Алла Пугачёва с Максимом Галкиным. Эмигрировал Кирилл Серебренников. Покинули страну сотни семей. Такой драматический исход. Как это было в 20-е. Читать Булгакова. Ожидать голода и холода, поджогов, разгула бандитизма, грабежей, нападений на прохожих, глубоких депрессий и суицидов. Расчеловечивание — политика режима.

ЖВАНЕЦКИЙ

Есть такой мем: *бомбить Воронеж*. В переносном смысле. То есть наносить вред самим себе, а не противнику, в ответ на вызов противника, надуманный или реальный. Как хорошо, что Жванецкого уже не было на этом свете, когда Путин решил бомбить его Одессу — в прямом смысле этого слова. Его удивительную, потрясающую, оригинальную, уникальную Одессу, с её прекрасными улицами и площадями, ни на кого не похожим Привозом и памятником Дюку Ришелье, Одессу, из которой вышли Катаев и Олеша, Ильф и Петров, Багрицкий и Бабель, Шкловский и Грин, составившие нашу славу и гордость, гордость и славу, чёрт побери! Что случилось бы с сердцем, с бедным сердцем Артиста, услышь он эту дикую новость, в которую невозможно было поверить! Ведь вот же, они сидели и пили чай у Артиста в гостях, как все нормальные люди, Артист читал гостю свои гениальные миниатюры, гость вытирал искренние слёзы, проступившие у него в глазах от смеха, и только в глубине их никогда не таяли казённые льдинки, грозя заморозить каждого приблизившегося к ним на ненадлежащее расстояние. Впрочем, натренированная искренность была вполне рабочим инструментом, служившим для оболъщения клиента, чему обучали в школе КГБ. Несмотря на всю искущённость, свойственную умным людям, Артист был наивен как дитя. Ему хотелось верить, и он верил, что его гость не перейдёт через черту, к какой подходил всё ближе и ближе, а то и переступал её, вынужденный переступить, отлично зная, что и в политике есть правила, по которым играет цивилизованный мир. Артисту и так-то было тяжело. Он тихонько раскачивался из стороны в сторону, сидя на диване и потирая левой рукой грудь, как раскачиваются евреи, охваченные горем. Он был еврей. Он так никогда и не узнает, что его гость, с которым он общался как с нормальным человеком, давно съехал с глузду.

НЕЖНОСТЬ

Когда я думаю, какое слово выразило бы сущность моих взаимоотношений с людьми и миром, я неизменно привожу слово *нежность*. Я и книжки свои надписывала чаще всего: *с нежностью*. Но иногда проходили месяцы, если не годы, когда я забывала про это слово. Я как сомнамбула бродила по квартире и вдруг останавливалась перед фотографией Даши, моей любимой, той, где девочка-сероглазка, с этой волной белокурых волос и абрикосовым румянцем щёк, и тотчас в мозгу всплывала метафора, родившаяся когда-то у зятя Серёжи: *Даша — это бездонный колодец, куда мы сливаем нашу любовь*. Мои горести тонули в этом бездонном колодце. Я задыхалась от нежности. Я переставала быть эгоцентристкой и сволочью, а делалась ангелом, пусть хоть на короткий срок. Они, зять Серёжа и внучка Даша, участвовали в моём спасении, а спасения не было. Дочь Наташа также участвовала, но она сама нуждалась в повышенном внимании, поскольку находилась в глубоком конфликте с мужем Серёжей и не могла отдаться целиком общему увлекательному занятию. Она была слабым звеном, четвёртым элементом, слабосильными звеньями которого служили дружки и подружки.

БРАТ ПУШКИН

И с отвращением читая жизнь мою, Я трепещу и проклиная, И горько жалуясь, и горько слёзы лью, Но строк печальных не смываю. Пушкин, брат, прости мне мою наглость, когда я распоряжаюсь твоими строчками как своими, как это делало и делает великое множество людей, и не только в России, а на всём земном шаре. Но что поделаешь, если ты, брат Пушкин, уже высказался за всех и про всех, проделав это с такой потрясающей точностью. И потом как приятно отпустить себе грехи, крупные и мелкие, под сенью Пушкина. Может быть, это и есть назначение культуры: соединять нас, людей, одинаковыми нравственными оценками. Одинаковыми хотя бы в рамках христианской культуры. Мой сволочизм заключался в том, что я требовала от своих любимых любви по гамбургскому счёту. Нет, словами я ничего от них не требовала, упаси Боже. Они сами должны были догадаться, чего я хочу. Единственное, что меня если не оправдывает, то может смягчить участь, так это полная искренность с моей стороны. Я честно отдавала им всю себя. Другое дело, были ли они готовы к такому невыносимому подарку. Я продолжала свою разрушительную деятельность, пока великое несчастье не догнало меня и не открыло

мне глаза на меня самоё. Мой максимализм сыграл со мной дурную шутку. Я потеряла своего любимого. Он был вторым моим мужем. Ты — третий и последний. С тобой я учусь смирению и умению прощать.

СОН

Кто-то звонит в дверной звонок. Я открываю дверь, там стоит человек, он называет себя кремлёвским курьером и говорит, что принёс приглашение на вручение наград в Кремле, форма одежды — чёрный низ, белый верх или всё чёрное, приветствуется брильянтовая брошь. Я говорю, что у меня нет брильянтов. Он говорит, что тогда годится нитка жемчуга. Я говорю, что у меня и жемчуга нет, и понимаю, что пытаюсь отделаться от приглашения, и понимаю, что и он это понимает. Потом эта картинка тает, и я в зале, где вручают награды. Более того, я на сцене в ряду семи или восьми женщин, которые построены в ожидании вручения наград. Когда доходит моя очередь, я подхожу к Нему, тому, кто вручает награды, я в своих красивых алых лабутенах, выше Него, так что мне приходится немного наклониться к Нему, и я наклоняюсь и сплёвываю длинным таким плевком на пол, после чего растираю плевком своим красивым лабутеном. Сразу несколько охранников бросаются ко мне и оттесняют меня от Него. Причём я вижу происходящее как бы с двух точек зрения: издали и вблизи, то есть как участник события и как наблюдатель.

Я вижу третий сон про Него за два года. Это перебор.

МОЛЬ

Моль завелась в доме. Бесцветные летательные аппараты пересекали комнатное пространство, и мы говорили: вон птица полетела. Они выпрыгивали из-под руки, и мы оценивали: смотри, какой кузнечик. Они осуществляли вертикальный взлёт, и мы смеялись: эдакие вертолётчики. Где в этом крошечном, с булавочную головку, тельце таился навигационный прибор, предупреждающий об опасности его носителя, крошечное существо неопределённого цвета, далёкую родню бабочки! Моль безвредна для человека. Но она чрезвычайно вредоносна для его, человека, вещей. Шерсть, синтетика, фетр, хлопок, вельвет — моль всё обожает. Дырки на вещах — следы её обожания. А вещи безнадёжно испорчены. Вот почему мы устраиваем охоту на моль. Р-р-раз... два...три...четыре... Мы уничтожаем их, красавчиков, прилепившихся к стенам, всех до последнего. Два дня стены дев-

ственно чисты. А мы — мы скучаем по этим тварям. На третий день они появляются снова, живучие твари. А мы и рады. Охота на них возобновляется...

В школе КГБ, где *наше* *фсё* обучалось своему ремеслу, у него было прозвище *Бледная Моль*.

ГНЕВЛИВОСТЬ

Однажды мне на глаза попался труд древнего философа, который обещал научить человечество бороться с гневливостью. Все способы не припомню, а один врезался в память и так и живёт со мной. Философ предлагал посмотреть на себя в кусок стекла, если я ничего не путаю. Отражение в стекле вашего искажённого облика, полагал философ, покажется вам настолько отвратительным, что вы не захотите, чтобы кто-то, кроме вас, его видел. По контрасту вы улыбнётесь самому себе, натянув на физиономию наиболее приятную для вас маску. Поскольку я всё время боролась с чем-нибудь в себе, я взяла на вооружение данный способ и принялась строить отвратительные гримасы, чередуя их с приятными. Очень скоро я утомилась и перепутала их местами. Ты вошёл в одну из таких минут и спросил: ты с ума сошла, что ты с собой делаешь? Дурак! — закричала я. — Дурак! Пошёл вон, дурак! И разрыдалась. Больше с собой на эту тему я не работала.

ЗАВИСТЬ

Удачливее оказалась моя работа с собой на тему зависти. В том, что чувство зависти во мне существовало, сомнений нет. Но как произошло его исчезновение, я не помню. Не знаю. Притом, что было это не поверхностно, а на самом глубинном уровне. Просто я проснулась однажды и ухватила хвост убегающего знания. Нет, это не произошло само собой, я над этим трудилась, но почему я победила самоё себя, я понятия о том не имею. Но я победила. Честно.

РЕВНОСТЬ

А вот где я потерпела полное фиаско, так это ревность. Этот зверь умел накинуться, терзая так, что обессиливал полностью, после чего делал всё что хотел с этой ничтожной, никчёмной, безвольной, ценою в три копейки, бабёнкой.

*То, что было с тобой до меня,
отзывается глупою мукой,*

*разливаясь бездарною скукой,
отравляя течение дня.*

Не знала, имеются ли основания для моей ревности, или я просто накручиваю себя. Страдание измучивало. Да ты всё это знаешь, поскольку был его источником. Гордыня не давала вести себя просто. Да даже хотя бы поговорить с тобой на эту тему. Я замыкалась в себе, отдаваясь полностью во власть зверя. Я не была так ревнива до моей болезни. И возможно, что именно она сыграла со мной злую шутку.

ССОРА

Однажды ты ушёл от меня. Утомившись от моих дурацких упрёков, схватил свою дорожную сумку, шагнул в морозную синюю мглу и пропал из поля зрения. Так морозная синяя мгла и осталась в моей больной памяти. Ничего не подозревая, стойко продолжала сидеть с мокрыми щеками в ожидании сладкого примирения, не зная, что с каждой минутой ты удаляешься всё дальше. Потеряв, наконец, терпение, встала — и была сбита с ног жестокой реальностью: тебя не было нигде. Сомнений не было. Ты оставил меня. Сердце заколотилось как бешеное. Надо было что-то делать, чтобы продолжать жить. Схватила початую бутылку водки, дрожащей рукой налила полстакана, опрокинула в себя эти полстакана и свалилась в сон.

СТРАХ

Мне говорят, что я бесстрашна. Но это не так. Я всего боюсь. Я боюсь завтрашнего дня. Самое интересное, что я боюсь дня вчерашнего. Я боюсь, что он постучит в мою дверь или в моё окно, либо явится без предупреждения и выбьет из меня признание, что всё было не совсем так или совсем не так, как я сочинила в видах благопристойности, а я стану выкручиваться, одновременно занимаясь самоедством, вот как сейчас. Страх — это что-то оборонительное, что заранее предупреждает об опасности, которая нам грозит. Но холодный пот, пробивающий вас, — пренеприятная штука, доложу я вам. Впрочем, вы сами всё знаете, поскольку страх — не прерогатива кого-то отдельного, он присущ всем. Я боюсь за своих близких, и это самый страшный страх. Я ненавижу тех, кто может причинить зло моим девочкам, которых я так люблю. Я много чего люблю. Люблю тебя, муж. Люблю родное небо над головой и нравственный закон внутри для всех нас.

Поэзию и поэтов. Смотреть кино и читать книжки. Голос Градского и голос Лены Камбуровой. Второй концерт Рахманинова. Тосканские холмы и русские реки. Гречневую кашу и кофе. Своего издателя Аллу... Я не могу отстоять всё это? Могу. Да и делаю это каждый день. Вместе с вами.

СИДЕЛКИ

Не знаю, как лучше сказать: *у нас теперь есть сиделки* или *теперь с нами по очереди живут пять сиделок*. Каждые две недели ты на три дня уезжаешь в клинику ставить капельницы, и мы вынуждены соблюдать сложный график их дежурств. На сей счёт нами подписан контракт с агентством. Это дорого, но пока мы можем оплачивать его из наших прежних заработков. Что будет дальше, Бог весть. Первую сиделку зовут Светлана, у неё плотная щёточка обалденных ресниц, ярко покрашенные губы, шикарные накладные ногти, объёмами она составляет три меня, и вообще ей надо бы участвовать в каком-нибудь шоу-бизнесе, а не делать влажную уборку и ставить уколы. У неё масса лицензий на ИП, включая лицензию продавца похоронных принадлежностей. ИП расшифровывается как Индивидуальный Предприниматель. А я расшифровала бы как Инициативный Предприниматель. Людям с инициативой сегодня можно жить. Светлана предлагает постричь меня — лицензия парикмахера у неё также имеется. Я колеблюсь какое-то время, но потом соглашаюсь — её собственная смелая стрижка под горшок располагает. Я не прогадала, у меня теперь такая же Светлана, как и остальные четверо — Лидия, Ирина, Олеся и ещё Ирина — очень симпатичные девушки. Лидия — реанимационная медсестра. Первая Ирина — хирургическая медсестра. Олеся — просто медсестра. Зато вторая Ирина — пекарь-кондитер, кажется, так.

Мы с тобой, если честно, оба два — одинокие, замкнутые личности. Мы привыкли к одиночеству. Сейчас ощущение такое, будто мы живём в коммуналке. И я приступаю к своему профессиональному занятию — расспрашиваю девушек об их жизни. Беру интервью. А спустя короткий срок до меня доходит, что интервью берут у меня. Давно не болтала я так взахлёб о своём, о девичьем!

ИГРА

Пятилетняя Даша рассказывает себе, играя цветными фишками и расставляя их по парам:

— У каждой невесты жених уходит на фронт. И на всех перекрёстках стоят постовые со своими жёнами. Все мужья хотят, чтобы жёны шли с ними на фронт. Все жёны хотят, чтобы мужья оставались с ними. Но пришли гонцы, сказали, что будет война, и все оставили своих жён и пошли. Но зато у них родились дети. Всех детей отправили в конц.

— Куда-куда?

— Ну туда, где их спасали.

— В тыл!

— Да, их отсылали в тыл и в тылту они сидели.

— Тыл, а не тылт.

— А что такое тылт?

— Это позади войны. Впереди — передовая, фронт, а сзади — тыл.

— Тебя тоже отсылали позади войны?

— Да.

И дальше (видимо, война окончилась):

— Все залезли друг другу на шею, стали обниматься, целоваться. Только одна девочка плачет, потому что у неё мама умерла, а папа не вернулся. Она приходит, а ей говорят: хочешь, ты будешь нашей слугой? Она говорит: нет, я хочу быть вашей дочкой.

Так Даша играла 37 лет назад. Можно поставить эпиграфом к любому сегодняшнему тексту.

ВРАГ

Мы были враги.

Точнее сказать — противники.

Но лучше всего сюда подходят слова поэта: *мы розно мыслили*.

Я уважала его.

А потом он умер.

Внезапно. Вдруг.

И теперь он является ко мне в мои сны, а я смотрю на него издали и не понимаю, что это значит.

БОЛЬ

Боль бывает слабая и сильная, острая и тупая, душевная и физическая, мучительная, специфическая, непереносимая, однако если мы квалифицировали её, значит, мы её перенесли, она может стучать в висках, она бывает кишечная, печёночная, почечная, такая, от которой катаются по полу, и такая, от которой воют и от которой кричат в голос, режущая, спазматическая, пульсирующая, постоянная, жгучая,

непреходящая, накатывающая, зудящая, ноющая, фантомная, сводящая с ума... Я знала — не поверите! — едва ли не все виды боли. Боль щедро наделила собой меня. Я купалась в океане боли. За что мне такая награда?.. Но эта же награда ожидала тебя. Ты не смог перенести *побочки* от лечения химией и проорав и исчерпав запас мата, бесславно сошёл с дистанции, так что врачи не смогли довести до конца последнее исследование, и мы будем молить Бога, чтобы Он не оставил тебя без своего присмотра от и до.

СОПЕРНИКИ

Двое сражаются друг с другом. Соперничают. Соревнуются. Кто из них круче. В спорте. В политике. На выборах. Пусть их не двое, а больше, — для удобства говорю о двоих. Вот они представляют на суд публики свои программы, свою идеологию, своё искусство, свою оснастку, свою подготовку и так далее. А публика в лице жюри называет победителя. Такова модель мироустройства. И так достигается прогресс. Но если один при власти, а другой только ещё мечтает о ней, то у того, который при власти, может возникнуть соблазн использовать своё властное положение, так, на всякий случай, чтобы уж точно обеспечить себе победу, и он начинает гнобить соперника, отправляя того в тюрьму и ссылку, выдворяя из страны и, в конце концов, отравляя его.

ТРАВЫ

Присоединить к официальной медицине народные средства: иван-чай, корень лопуха и чертополох. Тьфу-тьфу, не слезить! Ты большой молодец, мой муж. Я тобой горжусь.

И СНОВА ПУШКИН

Когда мы были молодые, а деревья были большие, журнал Юность опубликовал один рассказ — это был мой литературный дебют. Рассказ попался на глаза молодому человеку, которому он понравился, и молодому человеку захотелось поставить по нему спектакль в Студенческом театре МГУ, в котором он учился. Скорее всего, ему понравилась девушка, чьё лицо было на фотографии, сопровождавшей рассказ. Она также училась в МГУ, где было полно девушек, и об этой он позабыл. Спустя годы, он, то есть ты, встретил меня и женился на мне, даже и не подозревая, что автор запавшего ему в душу рассказа и новенькая жена суть одно и то же лицо, о чем он, то есть ты, узнал лишь

через полтора десятка лет — услышал в случайном разговоре. Выходил Пушкин какой-то! («так это были вы!» — «Метель»). И выходила предначертанность этого союза! Мы обрадовались.

МЕДНЫЙ ТАЗ

Я никогда ещё не умирала.

Всё было в первый и в последний раз.

Жизнь за собою и за мною убирала...

Всё накрывал гигантский медный таз.

ОБ АВТОРЕ

Ольга Андреевна Кучкина — российская журналистка, поэтесса, прозаик, драматург. Обозреватель газеты «Комсомольская правда».

Как публицист печаталась в журналах «Огонёк», «Новое время», «Журналист», в «Литературной газете», «Новой газете», «Независимой газете», газете «Московские новости» и других. Пьесы, стихи и проза публиковались в журналах «Театр», «Современная драматургия», «Новый мир», «Октябрь», «Знамя», «Дружба народов», «Нева», «Континент», «Арион».

Автор более 25 книг.

На российском телевидении вела программу «Время „Ч“» (1995–2000), где её собеседниками были известные люди страны.

Скончалась 28 июня 2023 года на 88-м году жизни после тяжёлой болезни. Похоронена на Новодевичьем кладбище рядом с родителями.

Геннадий КАЦОВ
«... ИЗ ПРОБИТОГО ЧЕРЕПА
ГОРЕ ТЕЧЁТ ОТ УМА»

---

* * *

так всё решилось, что, борясь за мир, вы начали войну —
и в прах и пух
её продули:
читаю заголовок в «нью-йорк пост» о *перемог*е раз десятый вслух,
верчу вам дулю

ваш враг коварен — в курсе каждый школьник, как зарится
на ваши он поля,
пусть даже минные;
теперь гореть вам всем в огне реклам: на таймс-сквер
всего круглей земля,
поскольку мирная

свинья не выдала, чёрт вас не съел, закон не писан,
коль в законе сами,
на всех нахаркать!
зато вы точно знаете, почём в руинах рынков продадут вам сало
херсон и харьков

был бог за вас, и позади москва, вокруг полно берёз,
своих — в окопах,
в стране порядок:
а я иду, шагаю по нью-йорку, где немец и еврей, сириец с коптом,
француз с поляком

пока вы из варяг ходили в греки, успели персы подрасти, армяне,
всех выше турки...

я вышел к пляжу подышать в отлив и незнакомку встретил
от «армани»
в неброской куртке

а жизнь для вас, похоже, вновь прошла, так ничему
вы и не научились

(чтоб быть как люди!):

сейчас кого скорей на помощь звать? и кто поможет:
судьи ли, врачи ли,
палач ли в худи

* * *

ногам просторно, мыслям тесно,
кто был никто — тот командир:
мы шли в движении протестном
и строили наш новый мир!
шли годы... мы не трали-вали —
нарыли планов громадьё
и как реальность представляли,
такой и сделали её

прекрасен мир — везде свобода,
содружество любви и вер:
здесь, по закону бутерброда,
всегда он ляжет маслом вверх,
жизнь протекает, как по вене
венец природы — героин,
и чудно каждое мгновенье,
о чём мечтал поэт пушкін

на всех хватает узких коек
и даже есть водопровод:
любой здесь может стать героем,
когда страна вдруг позовёт;
тут все равны: шурупу гайка,
клаксону скрипка, брат сестре,
и зайку никогда хозяйка —
ни на траве, ни на дворе

кто хочет — бдит, кто — спать приляжет,
играл в крови б адреналин,
а кто не с нами — на хҀй с пляжа,
как завещали нам сталін,
ленін, маб и член гевары
(у нас компартий, что цветов):
полно повсюду стеклотары,
на все рояли — есть кустов

неописуем метр погонный
в таком краю лесов-морей:
стальные кони от погони
у нас уходят всех быстрей,
и птица голубь долетает
до середины многих рек:
ни мы, никто такой не знает
страны, где б жил так человек!

* * *

матрёнин двор, вишнёвый сад,
любимый ёшкин кот,
и я там жил сто лет назад,
когда в сто первый год
ракетой сад снесло и двор,
и ёшкин кот погиб —
я там убит с тех давних пор,
где брату брат — враги

взята ли хива? лет на сто
разруха впереди —
столетняя война про то:
убей и навреди!
куда ни бросишь взгляд, вокруг
империя руин —
народ лишился ног и рук,
и в этом он един

не счесть гробов в победе той
и поражение — друг!
одной повязаны бедой,
но кровь не сходит с рук:
самим войти в кромешный ад
и там занять места —
где взорван двор, где выжжен сад,
и ждут сто лет ката

* * *

*с медно-купоросным плащом
выглядит сад вечным магом —
знать, в нём садовник прощён, —*

внёс хоккуист на бумагу

в сумме всё то, что внутри
с тем, что снаружи — темница,
улица, ночь, фонари
в смычке села и столицы

птица — быть может, щегол —
утром придя из разведки,
просо просыплет на пол
и запоёт в грудной клетке

хочется быть иль не быть,
не покидая квартиры,
в формулах быт изложить
в самом высоком квартиле

крошки сжимая в горсти,
не покормить кротких гуппи:
пустишь в аквариум стих —
пусть всё живое погубит

сядешь писать от руки
песню без слов про печали:
тянут фрегат бурлаки —
он всё не может отчалить

и эскадрилья над ним
дронов на юг пролетает,
как, клеясь к каждой из нимф,
в доску бухой пролетарий

пишет вновь похоккуист:

*улица ночью, аптека,
сбросил фонарь белый лист
в лужу — и ждёт человека*

* * *

ночным дождём пейзаж в окне измят,
как простыня в издёрганной постели:
черновики зелёные шумят —
в них к октябрю чернила пожелтели

в забытой песне музыка без слов,
в камнях провал разбитого камина;
не столь богат у рыбаков улов —
то свежий труп, то подвесная мина

все в доле сильные — и нет надежд
на доли слабые из ритм-энд-блюза:
так избавлялось, пенный вал надев
на афродиту, море от иллюзий

мне виден, с полем боя, школьный сон,
кошмарнее спряжения глаголов:
в толпе иду на штурм — не аполлон
от микеланджело, но срамно голый

и в этом сне — кто трезв, а кто поддат,
все тычут на меня и корчат рожи:
«какой же в свои годы он солдат!?
что, обнажённый, он в атаке может?!»

сон снится, он уже длинней моей
судьбы — беспомощной и безобидной:
«не трус!» — кричит откуда-то старлей, —
и мне неловко, что и это видно

«вперёд!» — прилюдно (с мыслью о себе —
гражданское лицо в эпоху брани)
я не стреляю в массовой стрельбе,
чтоб не убить кого-то и не ранить

но, всё же, этот ранен, тот убит
из тех, кто не узнал своих весталок:
подходит сон к концу, экран рябит
так, будто пуля и меня достала

* * *

всем осам оси залепили воском,
по шершням шерсть их, а по пчёлам мёд:
зачем в трудах меж богом мы и босхом —
никто из нас при жизни не поймёт

и на воде круги, и под глазами,
где водомерка меряет скачок —
сейчас величина его с гекзаметр,
который древний грек без нас прочёл

чел возвратился вновь в пчелу с работы,
из ужаса под вечер выполз уж —
коварный хакер и начальник ботов,
отец отечества и вечный муж

*<...> век начался, но скоро кончусь я
со всеми разом — братские могилы
всё также в тренде, и уже земля
как бы к небытию готовит силы <...>*

в штандарте складочки скрывает знамя:
раз все картофельный проводят спас —
цветы везде, как их задумал намин,
который, строго между нами, — стас

как хорошо в краю диминутивов —
вливать путинку в вечерний новичок,
хоть заменителем быть некрасиво,
когда никто не знает, что почём

не страшен волк, каким его писали
с картины репина «приплыли» — в том-
то всё и дело, что в живых остались
спартанцев триста... двести... сто...

* * *

в другие времена — другие судьбы,
другие моды и автомобили:
за что сегодня отпустили судьи —
за то вчера тебя приговорили

мир стал попроще, хоть его законы
ещё напоминают день вчерашний,
но вычислить китайского шпиона
уже легко с его ковидным кашлем

сегодня без последствий не пошutiшь,
пусть даже ты владелец марки «тесла»:
гораздо эффективнее — масс-шутинг,
иные формы мирного протеста

как написал провидец джексон поллок
внутри одной из дивных композиций:
чем чаще происходит смена пола,
тем больше в том от вековых традиций

чем дальше корабли — к венере, к марсу,
тем ближе сердцу комикс об икаре:
«вся жизнь — майн кайф!» — как говорили марксы,
легенды-кинобратья — энгельс с карлом

* * *

глоток полуживой воды,
зачерпнутой со дна колодца:
нас здесь оставил поводырь
и выжить нам не удаётся

варфоломеевская ночь
тиха барханами пустыни:
к нам не придёт никто помочь
во веки, присно и отныне

слепой, как случай, нас завёл,
пока не лопнула пружина:
глухой немому — лютый волк
плюс *lupus est* во дни хамсина

но кто мы, чтобы нас спасать,
делить с чужими чечевицу?
оазис блед, сух город-сад,
и в лабиринте нить не длится

* * *

все погибшие в городе — утром идут на работу,
по привычке кто в сад, а кто в школу отводят детей,
вызывая в развалинах школ недоверия вотум
и в руинах домов неприятие призрачных стен

смерть привычно течёт в этом городе по расписанию,
то впадая в каспийское море, то в крымский салгир:
наперёд здесь всё знают не хуже пророка исайи,
и уверены в том, что им люди теперь не враги

также контур трамвая уходит маршрутом знакомым,
подбирая своих пассажиров, входящих в туман:
против масла, разлитого аннушкой, нету приёма —
из пробитого черепа горе течёт от ума

на конечной корячатся в коме убитые птицы,
и в газете ньюсмейкером скользкая тема с утра,
что какого-то чёрта покойникам ночью не спится,
но при этом, подобно живым, днём их мучает страх

с той воскресной внезапной бомбёжки почти уже год нам
было не до пространства, и не до врагов и друзей:
и всё та же стоит во дворе, не меняясь, погода —
мы выходим с сестрой со двора в день воскресный в музей...

* * *

вот когда приведут, и когда уведут,
и когда позже к стенке поставят —
утешайся, что это несправедный суд
и всё мерзко в их лживом уставе:
верь — их ждёт не инфаркт, так инсульт

время гласных согласных — всё крепче броня,
всё сильнее под окном вой сирены...
нас на завтрак схарчат — и тебя, и меня,
с аппетитом, конечно, отменным,
ведь никто его не отменял

время кислой капусты, гнилых новостей,
прочесоченных ломтиков бреда,
низкой жирности фарша внутри митетей —
в самый раз каннибалам к обеду,
на десерт пьющим мозг из костей

словно ты за парадно накрытым столом
оказался в компании ушлой,
где в столовых приборах — и вилы, и лом,
а на первое — мясо для пушек,
да проклятье лежит на втором

не надейся, что чаша минует сия
и прожить доведётся украдкой:
ты и кто тебя съест — это, как бы, семья
в рамках нового правопорядка,
с первых чисел внутри *февраля*

* * *

снова ночь завывает вокально богатой сиреной,
завлекая локальных пожарных в токсичный пожар,
в скорость — «скорую помощь», а копам, которых не жаль,
сносит крыши прелюдией номер четыре шопена

днём подбитый, горит вертолёт в постороннем просторе,
жизнь прекрасна в июле: шуршит саранча за окном —
чьи-то казни (к египетским точно ни духом, ни сном),
вроде рыб, кверху брюхом впадающих в чёрное море

в наши дни что-то очень дурное творится с вещами —
и от них не спастись, забежав в антипутинский чат:
как давно сообщающиеся сосуды молчат?
ни друзьям, ни врагам ничего, гады, не сообщают

время бьёт по своим, по чужим, и прицелившись — мимо,
вдруг жалея, как нижние части стеблей на стерне:
всё ещё слышен плач на великой китайской стене,
столько римлян спустя от падения иерусалима

в марле жёлтого воздуха пепел и сажу руками
разводя, как бы некто в заветном былом тьму и свет,
ты идёшь, как счастливчик, которому лишний билет
вдруг достался у входа в любую из газовых камер

* * *

годы проходят, и до дня рожденья
двое осталось непрожитых суток!
жизнь — не подарок: котлеты отдельно,
жизнь — когда мухи не плавают в супе

жил без «феррари», ушёл от «роллс-ройса»,
дом не построил на острове пасхи:
жизнь, оказалось, не повод к расстройству,
жизнь, может, жалоба, только не пасквиль

всяко пивал, окромя керосина,
ни с нло не встречался, ни с йети:
жизынь по жёнам меня поносила,
жизынь меня поделила по детям

опыт немалый я нёс за плечами,
что было видно по беглому взгляду:
жизнь разлучала с людьми и вещами,
жизнь познакомила с тем, с кем не надо

геной бывал, а когда доводили —
был крокодиллом, но самую малость:
жизнь, где б я ни был, меня находила,
жизни, при том, от меня доставалось

был в метрополитен, не был в ла скала,
слушал рэй чарльза лично и стинга;
жизнь по квартирам меня растаскала,
жизнь разбросала меня по ботинкам

как хорошо быть с любимой влюблённым,
а повезёт — лет до ста (плюс лет двадцать):
жизнь — сто ответов от тополя с клёном,
жизнь — это праздник индукции, ватсон

что мне сказать? оказалась не сплином,
а по длине — мой размер, оказалось:
жизнь поводила меня по витринам,
жизнь — это то, что пригрел — и прижалось

* * *

протри глаза, бинокли, лупы
для улучшения обзора,
всмотришься: как всё снаружи глупо,
бесперспективно и позорно

— всё к худшему в худое время, —
как говорил мне анорексик, —
ты одинок, как гей в гареме,
как вырытый скелет ти-рекса...

ночь возвращалась из загула,
с утра воздушна, как тревога:
лоб запотел, сводило скулы,
не верил станиславский в бога

свет не сгущался, звук не длился,
миг не мигал, нож не вонзался!
не для того же я родился,
чтоб не понять, где оказался

ведь, кроме шуток, мрак кромешный —
где преступление-наказанье?
я занял призовое место
в битком набитом кинозале

здесь ранили соседа справа,
в проходе понесли потери —
блокбастерно шла переправа
с экрана в первый ряд в партере

штормило море в сто морпехов,
кассир не возвращал билеты
и на себя, умом поехав,
накладывал, бледнея, вето

короче, всё — кино и немцы,
и нет надежды на окопы:
возьми попкорн, вгрызись в свой претцел,
есть счастье в жизни кинескопа

мир будет, но не будет прежним,
чтоб (в том земного плана часть)
я б ямб, как вишню от черешни,
мог от хорea отличать

ОБ АВТОРЕ

Геннадий Кацов — поэт, прозаик, эссеист. Родился в Евпатории (Крым), среднюю школу закончил в Херсоне, высшее образование получил в Николаевском Кораблестроительном институте (НКИ). В середине 1980-х был одним из основателей легендарного Клуба «Поэзия» (Москва) и участником литературной андерграундной группы «Эпсилон-салон».

В мае 1989 г. переехал в США. Последние 34 года работает тележурналистом в Нью-Йорке. Вернулся в литературу после 18-летнего перерыва в 2011 году.

Автор 11 книг поэзии и прозы, изданных в США, Украине, РФ. Стихотворения опубликованы в энциклопедической антологии «Самиздат Века» (1997). Член редколлегии литжурналов «Времена» (США) и «Эмигрантская Лира» (Бельгия).

Публикации последних лет в интернет-изданиях Snob.ru, Colta.ru, «Дискурс», «Частный корреспондент» и многочисленных литжурналах/альманахах «Волга», «Дружба Народов», «Звезда», «Знамя», «Интерпоэзия», «Крещатик», «Литературная Америка», «Нева», «Новый Журнал», «Новый Свет», «Новое Литературное Обозрение» («НЛО»), «Октябрь», Prosodia, «Связь времён», Textura, Ното Legens, «Формаслов», «Этажи», ...; по-английски — в ряде американских изданий.

Нина ГЕЙДЭ ОТНЯТЫЙ ДАР

---

*Каину дай раскаянье
и не забудь про меня...*

Б. Окуджава

В седьмом классе к нам пришла новенькая, и всё изменилось, перевернулось в калейдоскопе моей жизни, сложилось в новый узор. Она появилась в дверях класса в первый день осени буднично неожиданно, с той простотой неизбежной данности, с какой и входит на цыпочках судьба. На ней была такая же, как у всех девочек, строгая коричневая школьная форма, обнятая чёрным фартуком, но портфель был солнечно-голубого цвета, как будто сделанный из небесного материала, а в пшеничном водопаде волос своевольно раскинула крылья белая чайка заколки, вот-вот готовая взлететь. Было что-то особенное, необъяснимо притягательное в чертах её лица, улыбке, манере говорить и держаться. И имя у неё было необычное — Дарина.

Она показалась мне посланницей из другого мира — незнакомого и уже таинственно близкого мне. Предчувствие встречи с родной душой вдруг озарило меня в то мгновение, навсегда оставшееся в памяти, когда Дарина стояла у доски в меловой солнечной белизне, а учительница просила любить её и жаловать. И я уже любила её.

Оказалось, что наша новая одноклассница приехала в Москву из Киева: её отец, военный авиаконструктор, получил важный государственный заказ в области космических технологий (на дворе было начало 80-х). Семье предоставили ведомственную квартиру на Кутузовском проспекте, а Дарину определили в нашу престижную английскую школу. На первой же перемене я подошла к ней, и мы забросали друг друга серпантинном вопросов и ответов, удивляясь совпадению вкусов и интересов, радуясь созвучию. Так начался наш диалог длиною в жизнь.

Есть люди, как будто окружённые особой воздушной средой с повышенным содержанием кислорода. Хочется постоянно быть рядом с ними — в потоке ярких событий, под током сильных эмоций. Именно такой была Дарина. С ней мир обретал новые краски и образы, будни превращались в праздник, неудачи отступали. А ещё она была красива, эта девочка с редким именем и необычным цветом глаз — сине-нефритовым — меняющим оттенок в зависимости от световых своеволий дня. Но внешняя привлекательность Дарины всегда казалась мне отражением её внутренней красоты.

Я стояла тогда на важном жизненном перекрёстке, точнее перепутье, не зная, в какую сторону пойти. Мне давно уже хотелось сбросить заношенное облачение детства, из которого я выросла, но я плохо представляла, что должно явиться на смену — какие одеяния и деяния. Дружба с Дариной явилась тем свежим, смелым ветром, который сорвал с моих плеч цветные лохмотья легкомыслия, заставив обрастать новой кожей самопознания. Сама Дарина давно миновала эту стадию, хотя и была на несколько месяцев младше меня. В неполные четырнадцать лет она казалась мне совершенно взрослым, самодостаточным человеком со своим особым мироощущением и непреложной системой ценностей, раз и навсегда определённой.

Меня обрадовало то, что Дарине было интересно со мной так же, как и мне с ней. Вероятно, она была по-дружески снисходительна к моему тогдашнему инфантилизму, восприняв его лишь как временную оболочку моей сути. Я томилась в границах материального мира и искала духовную первооснову жизни, не довольствуясь суетой преходящего. Но рядом со мной не было человека, который привёл бы к общему знаменателю мои метания и искания, открытия и откровения. Мне не хватало умного собеседника, способного отразить мои мысли и чувства в бесконечных зеркалах духовных созвучий. И вот такой человек явился — судьбоносно своевременно. Именно Дарина окончательно сформировала меня как личность. В то время я представляла собой «необработанный мрамор», который ждал прикосновения чутких рук мастера. Без Дарины я, возможно, так и осталась бы угловатой первоосновой самой себя, фрагментом неосуществившегося замысла. Как Пигмалион изваял Галатею, так и моя подруга, сама того не ведая, создала цельную скульптуру моей личности, которая в дальнейшем выдержала испытания на прочность. Мрамор не поддавался коррозии времени. Дарина подарила мне меня навсегда — дар главный, дар бесценный.

Помню наши первые долгие осенние прогулки после уроков в школьном сквере, где мы протаптывали тропинки в плотном ковре опавших листьев и, отвлекаясь от серьёзных разговоров, собирали в карманы курток яркие, отполированные холодным солнцем каштаны. Я тогда уже звала её Дар. Знаешь, Дар... Понимаешь, Дар... Она всё знала и всё понимала.

Как ни странно, имя Дар очень подходило ей, хотя в ней не было ничего мужского — напротив, она была женственна и даже обманчиво беззащитна в своей подростковой хрупкости — невысокая, тоненькая. Её сила была в другом — в острой проницательности и быстром уме. Она легко проникала в суть вещей, минуя в наших спорах громоздкую многоступенчатость логических обоснований, с помощью которых я пыталась добраться до ускользающей истины. Но это был ум не математический — скорее, бытийный. Дар рано постигла взаимосвязи жизненных явлений, событий, противоречий и делилась своими открытиями со мной, тоже склонной к философствованию. У меня осталось ощущение, что все четыре школьных года мы с Дар пребывали в непрекращающемся диалоге. Даже расставаясь ненадолго, мы продолжали мысленно разговаривать друг с другом. Мы облакали мир в словесные одежды, подыскивали для него подходящие стили и фасоны толкований. Мы создавали свой словарь понятий, символов, образов. Мы совершили открытие: созвучно воспринятое и названное бытие сближает больше, чем кровное родство. Никто никогда не подходил ко мне так близко, как Дар.

Мы обе много читали, увлекались поэзией и философией, по-пастернаковски докапывались до сути вещей. И, конечно, сами писали стихи. Нам обеим так грустно и нежно звенели серебряные колокольчики поэзии начала 20-го века, вдохновляя продолжать этот символический перезвон мятежных душ. Дар также приобщила меня к опере и балету — благодаря её отцу, добытчику дефицитных билетов, мы пересмотрели весь репертуар Большого театра. Любовь к живописи тоже расцвела во мне не без участия Дар, хорошо разбиравшейся в разных школах и течениях этого колдовского вида искусства. Часто после уроков мы ехали в Третьяковку или в Музей изобразительных искусств на Волхонке — на самом деле не пушкинский, конечно, а цветаевский, о чём я тоже узнала от Дар. Я «впитывала» картины, книги, музыкальные шедевры, имена гениев, как изголодавшаяся по живительной влаге земля, и чувствовала, что прикасаюсь к тончайшему покрову вечного, наброшенному на временное и тленное, растворяюсь в этом

вечно, преобразуюсь в нём. Всё, что я до этого наугад и наобум выбирала для себя из золотого культурного запаса, также и для меня — вот ведь чудо! — накопленного человечеством, теперь было «рассортировано» по стилям и эпохам, гармонично соотнесено друг с другом.

Я любила приходить в гости к Дар — в мир благодатного и благодарного воссоединения двух культур, русской и украинской, разнообразно обогативших друг друга. Большая библиотека семьи состояла из книг на обоих языках, на стенах висели репродукции картин русских и украинских художников. Дар считала своим родным языком украинский, хотя не хуже меня владела нашим великим и могучим «советским эсперанто» — лучше всех в классе писала сочинения, а её стихи на русском языке восхищали глубиной мысли и живой образностью. Всей душой любившая Дар, я полюбила и всё украинское. Я выучила много украинских слов — ведь летом после седьмого класса мы собирались в гости к бабушке Дар в город Гуляйполе на родину легендарного Нестора Махно. Когда бабушка звонила Дар, они разговаривали по-украински. Мне очень нравился этот живой, сочный, фонетически изобретательный язык, как будто поддразнивающий русский, ловко от него ускользнувший — своевольно ушедший на свои лексические просторы и смысловые глубины.

В восьмом классе мы с Дар решили, что посвятим жизнь литературе. Гоголь был нашим любимым писателем. Гений русского слова, родившийся в тогдашней Малороссии, он создавал новые, живые, мифологизированно яркие, необычные и в то же время узнаваемые литературные миры. Гоголь органично сшивал русское и украинское в одно целое, о чём и сам замечательно написал: *«Знаю только то, что никак бы не дал преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому пред малороссиянином. Обе природы слишком щедро одарены Богом, и как нарочно каждая из них порознь заключает в себе то, чего нет в другой, — явный знак, что они должны пополнить одна другую. Для этого самые истории их прошедшего быта даны им непохожие одна на другую, дабы порознь воспитались различные силы их характеров, чтобы потом, слившись воедино, составить собою нечто совершеннейшее в человечестве».*

«Мы с тобой — совершеннейшее в человечестве», — говорила я Дар, свято в это веря.

Тогда никому бы не пришло в голову с мясом отдирать две наши культуры друг от друга, «делить» Гоголя на части, доискиваться, кем он был на самом деле — русским или украинцем. Для нас Гоголь был чутким толкователем бытия — язык его произведений мог быть каким

угодно, суть заключалась не в этом. А в том, что Гоголь забрасывал литературный лот в такие глубины жизни и людской психологии, куда никто до него не добирался, и был в то же время прост и доходчив, по-доброму ироничен и понятен даже детям. Мне очень повезло, что Гоголь писал на русском языке, владея им так же хорошо, как украинским, благодаря чему я могла познакомиться с его произведениями в оригинале. Дар, разумеется, читала Гоголя также и на украинском, не расплескав ни капли живительного эликсира из его творений на пиру мировой литературы.

В старинном кинотеатре памяти до сих пор мелькают кадры наших с Дар школьных зим — безобманно снежных, вьюжно неистовых, сказочно шварцевских. Января тогда взвинчивали холода под сорок. Мы шли домой из школы в ранних сумерках, в медовом свете неярких фонарей, с белой тушью инея на ресницах, и наши лица обволакивал густой пар, потому что мы продолжали что-то говорить друг другу осипшими голосами. Мы ныряли в сугробы и пытались куда-то плыть, оставаясь на месте, хохотали, вымокали до нитки, а потом вваливались, как две снежные феи, к Дар, пили чай и медленно отогревались. И снова — говорили, говорили, говорили. Мама Дар разгоняла нас далеко за полночь, напоминая, что завтра рано вставать, и почти силком уводила меня в гостевую комнату. А наутро нас ждал вкусный завтрак — вареники, сырники со сметаной, хворост — и я говорила неизменное:

— Дякую, дуже смачно!

Однажды зимой мы нашли на улице бездомного щенка, которого накормили купленной в ближайшем магазине колбасой и притащили домой к Дар, увещевая родителей принять на постоянное место жительства нового члена семьи. Под нашим двойным умоляющим взором они капитулировали, и пёс остался у Дар. После долгих споров хвостатого называли Флинтотом. Мы в ту пору обе учились играть на гитаре и пели песенку о бригадине и пиратах-романтиках, сбросивших с себя бремя унылой повседневности.

*Пьём за яростных, за непохожих,
за презревших грошевой уют.
Вьётся по ветру весёлый Роджер,
люди Флинта песенку поют.**

---

* Строчка из стихотворения Павла Когана «Бригадина»

Флинт стал третьим неутомимым спутником в наших дальних прогулках, вымахав к лету в большого, патлатого «дворянина» с безалаберным и беззаботным характером. Дар очень любила животных. Переезд в Москву омрачился для неё расставанием с любимцем семьи, котом Проней, тоже спасённым с улицы. Хотели взять полосатого в Москву, но бабушка востребовала его к себе в Гуляйполе ловить мышей. Появление Флинта немного развеяло тоску по Проне, и Дар со всем пылом своей щедрой души взялась за воспитание нового четверолапого беспризорника. Флинт обожал её, всюду ходил за ней хвостиком, ко мне же относился со снисходительным уважением.

Однажды Дар ни с того ни с сего сказала:

— Если будет война, вдруг Флинта в бомбоубежище не пустят?

— Какая война, Дар?

— Не знаю, вдруг подумалось...

Летом мы часто сидели до рассвета на балконе, погружаясь в чёрный, тёплый океан чуткого ночного безмолвия, любуясь нежным мерцанием светлячков над головой, и вездесущий аромат липового цвета пророчил нам сумасшедшую любовь. И она, конечно же, явилась. В девятом классе мы внезапно поглупели. Причина крылась в двух мальчиках из параллельного класса, дерзко возмужавших за время школьных каникул. В наши утончённо интеллектуальные беседы проникла, как коварный лазутчик-простолоудин, земная тема: что делать, если сходишь с ума от любви, а объект сердечной страсти тебя не замечает? Мы обе заказали себе в ателье новые школьные формы, решительно сменив безликий ширпотреб на эксклюзивный индпошив. Любви наши, впрочем, скоро угасли, а в красивых школьных формах мы ещё долго щеголяли на зависть всей округе.

Вечерами мы любили зажигать свечи. Дрожание их лёгкого пламени в темноте, дрожание наших голосов, когда мы делились самым сокровенным, дрожание клавиш листвы под тонкими пальцами дождя — всё было единым и единственным, больше никогда не повторившимся, грустно-счастливым, настоящим.

Жизнь, надевшая маску «понарошку», началась намного позже — когда и я, и Дар навсегда уехали из России, сбросившей с себя тяжело-весный скафандр с надписью «СССР». А тогда ткалось неповторимыми цветными узорами лучшее время моей жизни. Нашей жизни. Четыре школьных года — четыре времени счастья — я поделила с Дар. Нас питали «кровеносные сосуды» той реальности, которую мы сами создавали для себя, и все элементы творения были под рукой. Так сложилось,

совпало, было нам даровано — взаимопонимание без оглядки, самопознание без сомнений, гармония без противоречий, солнце без туч.

Нас охватывал трепет предчувствия необычной судьбы, её звонкого многоцветия. Мы вместе писали вступление к взрослой жизни — самонадеянно, своевольно, вдохновенно многословно. Всё, что мы тогда сочинили, наколдовали, напрозорчили друг другу, даже не осуществившись, стало нашей силой, нашей охранной грамотой, печатью нашей избранности. Годы спустя я поняла, что подобное возможно лишь через слияние двух разрозненных местоимений «я» во всеильное «мы». Одному Атланту не удержать падающее небо. Только совместно сотворённое бытие наполнено живительными смыслами. Наш с тобой мир, Дар, с его мифами и загадками, его светом и всесилием любви, гениально сочинённый от начала и до бесконечности — бессмертен.

Что же было потом? Был последний школьный звонок. И ещё одно лето — уже за пределами школьного королевства, с чёткими вступительных экзаменов, которые мы тщательно перебрали в бессонной горячке и страхе, что попадётся, конечно же, единственный невыученный билет. Но миновало и это, и нас чудесным образом выбросило из абитуриентского шторма на желанный берег ещё не обжитого студенчества. Я поступила в МГУ на факультет журналистики, Дар — в Литературный институт на художественный перевод. Годы понеслись по кругу уже на новых каруселях. Наступила та самая взрослая жизнь, к которой невозможно заранее подготовиться и приближение которой не замечаешь, но однажды ощущаешь, как защитный кокон юности истончается и исчезает, и время больше не струится неторопливо, а нервно пульсирует, и его остаётся всё меньше на стихи и душевные разговоры. Надо всё время куда-то бежать — то на лекции, то на свидание с очередным летучим кавалером — нырять в гулкое, недовольно бурчащее чрево метро, читать кучу бесполезных книг, навязанных устаревшей программой обучения, запоминать ненужные имена.

А потом Советская империя, казавшаяся непоколебимой, в одиночье распалась. Реальность предстала в виде разрозненных фрагментов, уже не совместимых друг с другом. Мир погрузился в хаос. Закрылось конструкторское бюро, где работал отец Дар, а её маму сократили в каком-то «рогакопытном» НИИ. После недолгих сомнений семья решила вернуться в Украину, и Дар перевелась на заочное отделение Литинститута. За день до её отъезда мы полночи сидели на кухне в полупустой квартире на Кутузовском проспекте, ставшей вдруг близко казённой без книг и картин. Растерянный Флинт бегал по комнатам, натываясь

на сумки и чемоданы, и жалобно поскуливал, плохо понимая, что происходит. Мы тоже ещё толком не осознавали, куда несёт нас водоворот истории, сменившей ленивое течение на разрушительное буйство. Одно было очевидно: привычные декорации бытия поменялись, жанры трагедии и комедии уродливо смешались на сцене, наскоро сколоченной из фанеры, а старый театр, когда-то добротной строившийся на века, навсёгда исчез под обломками империи. И надо играть чужие роли.

Наше прошлое, ставшее вдруг горестно бесцельным и бесценным, уже не имело связи с настоящим. И всё-таки мы с Дар упрямо укрепляли последнюю пуговицу тайного смысла, на которой едва держался, сползая с грубых солдатских плеч новой реальности, «заячий тулупчик» нашей сентиментальной юности, окутанной туманом оруджавских песен. В нашу последнюю московскую ночь мы впервые облекли в слова то, о чём раньше из суеверия не говорили: мир, созданный нами, не канет в Лету вслед за внешним миром, рушащимся на глазах. И что бы ни случилось, мы всегда будем друг у друга.

Москва осиротела без Дар. Мне стало неудобно в городе, стремительно превращавшемся в стиле Кафки в уродливое существо. Из новых легко-смыслов и понятий трудно было что-то построить. Всё мне казалось чужим, искусственным, грубо ненастоящим. Наверное, нечто подобное происходило в России после революции 1917-го, хотя оскал молодого «века-волкодава» был ещё страшнее, чем стареющего. Так или иначе, эмиграция из юности во взрослость совпала для нас с Дар со сломом времён и сменой эпох. Мы выпали из новой действительности, как негодные винтики из системы. Я уже собиралась уехать к Дар в Украину, найти там работу — вместе мы бы легче переносили кафкианские трансформации действительности — но судьба распорядилась иначе. Она поймала меня, как зазевавшегося кузнечика, сачком любовного гипноза и отправила замуж в Данию, благо железный занавес к тому времени окончательно проржавел и пал. Всё, как это часто бывает на главных жизненных переправах, произошло с необратимой театральной быстротой.

Дар тоже вскоре вышла замуж. Наши сыновья родились с разницей в полгода, и мы обе оказались сумасшедше заботливыми родительницами, нисколько не озабоченными воспитательными стандартами. Мы и детей своих учили видеть мир во всём его противоречивом разнообразии, не гасили в них чувство творческой свободы. Мы писали друг другу живые письма — как и в старые добрые времена, когда Дар уезжала летом к бабушке в Украину. Теперь почтовые голуби вдохно-

венно летали между Киевом и Копенгагеном — кто бы раньше мог себе такое представить? Я сохранила все письма Дар. И те, где на старых советских конвертах с маркой-слоганом ностальгически кивают из прошлого наши полузабытые девичьи фамилии. И те, где штамп международной пересылки соседствует с нашими новыми фамилиями. Мы и развелись в один год, сохранив фамилии мужей — не хотелось переоформлять множество документов. Поэтому имена на конвертах не изменились и после того, как мы обе легко перешли в статус одиноких мам, сохранив философский взгляд на вещи, дополненный приобретёнными житейскими навыками.

Мы особо и не заметили исчезновение наших мужей, подтвердив личным опытом мудрое изречение женщин, порвавших с патриархатом: мужчины приходят и уходят, а дети и друзья остаются. Главное, мы были друг у друга — и значит, первооснова бытия оставалась неизменной. Я, как и Дар, была единственным ребёнком в семье. И мои, и её родители рано умерли, а дальние родственники, седьмая вода на киселе, нами не интересовались. С годами отношения с Дар стали ещё и сестринскими. В тонкую, многоцветную ткань наших ежедневных разговоров естественно вплетались суровые нити житейских тем. Технический прогресс играл нам на руку — появились компьютеры и мобильные телефоны. Интернет любовно качал нас в своих вездесущих сетях.

Цветным косяком суетливых рыб мимо проносились годы. Мы растили сыновей, месили глину повседневности — то жёсткую, то податливую. В сосуды дней, которые трескались и разбивались, но упрямо изготавливались вновь, текли и мёд, и дёготь. Реальность давно перечеркнула красным карандашом наши школьные сочинения на тему «моё звёздное будущее». Я так и не смогла стать журналистом в чужой стране, начав учить с нуля трудный датский язык, и довольствовалась скучной офисной работой, а вечерами преподавала русский язык датчанам. Дар пришлось после развода оставить зыбкую стезю литературного переводчика и устроиться секретарём в крупную международную фирму, где ей пригодился английский, как-то незаметно выученный нами в школе.

Бывали трудные времена, за взлётами следовали падения, но мы не сдавались, упрямо обжигая горшки не хуже богов-белоручек. Быт не мог заслонить нам творческое бытие. Мы писали стихи и выпускали в мир, как оперившихся птенцов, собственные книги. Мы приникали к святым источникам искусства, уходя от повседневности на просторы живописи, музыки, литературы.

Мы ездили друг к другу в гости — Копенгаген и Киев стали городами-побратимами. Наши сыновья подружились и вели активную переписку, обмениваясь прекрасной подростковой чепухой. Мы с Дар смеялись: родись у нас мальчик и девочка — обязательно бы поженились и скрепили наше «лицейское братство» общими внуками, правнуками и так далее — в бесконечность.

Мы полностью растворились в наших сыновьях, и нам было трудно отпускать их во взрослую жизнь. В наших разговорах всё чаще звучала тема мудрой Мавры, которая, исполнив своё предназначение, должна с улыбкой сделать шаг в сторону, пропуская вперёд своенравное чадо, не хватая его за подол и не указывая путь. Давалось нам это нелегко. Удивлённо наблюдая, как отплывает в открытое, беспокойное море хрупкий «бумажный кораблик» нами сотворённой жизни, мы прислушивались к грустной тишине пустых квартир и места себе не находили. Нам казалось, что мы как будто опять вернулись в молодость, в то состояние невесомой и «невыносимой лёгкости бытия», когда можно полностью распоряжаться собой, но что-то мешает этим насладиться. Наверное, потому, что в молодости это чувство было сродни свободе, а в зрелости — одиночеству. Но мы с Дар не были одиноки. Мудрое высказывание незамужних женщин было с печальным юмором подкорректировано:

— Дети тоже приходят и уходят в свою жизнь, но остаются друзья.

На двадцатипятилетие сына Дар мы последний раз полетели с подарками в Киев. Два красивых молодых человека и две вечно юные женщины сидели за праздничным столом, шутили, строили планы на будущее, договаривались летом встретиться в Копенгагене — проверить, не подросла ли Русалочка. Потом прошли по Крещатику до самой Бессарабской площади, любуясь самоцветами огней, вдыхая морозный февральский воздух. До войны оставалось две недели.

24-го февраля 2022 года на рассвете без объявления войны российская армия начала бомбить Киев.

*Война началась на рассвете —
чтобы больше народу убить.
Спали родители, спали их дети,
когда стали Киев бомбить.**

---

* Слова из песни на стихи Бориса Кованя, написанной 22 июня 1941 г.

Бомбы летели в Дар, в её сына, в наше прошлое и настоящее, в нашу юность, в Гоголя, в русский язык, в готовую вот-вот расцвести весну, во всё самое близкое и дорогое.

В то страшное утро, искалеченное необратимостью случившегося, Дар сказала мне:

— Ты ни в чём не виновата.

— Виновата, — ответила я ей.

Через несколько дней сын Дар вступил в ряды территориальной обороны. Через месяц он погиб. Но Дар об этом не узнала — её не стало днём раньше. Дар всегда было нужно кого-то спасать, вызволять из беды, утешать и возвращать к жизни. Так она была устроена. И поэтому меня не удивило её решение стать волонтером, помогающим бездомным животным. Число спасённых душ, начавшееся с Прони и продолжившееся Флинттом, росло и привносило в жизнь Дар важный смысл. Вырастив сына, она должна была продолжать о ком-то заботиться, к кому-то спешить. И вот в её киевской квартире стали появляться подобранные на улице животные — кошки и собаки — больные, истощённые, запуганные, потерявшие доверие к человеку. Дар их выхаживала, лечила, окружала любовью, находила им хороших хозяев. На выходные она ездила в приют под Киевом, привозила животным корм, чистила клетки, выгуливала собак.

Когда началась война, город окружила военная техника, перекрыв проезды к приюту. Животные были обречены на медленную смерть без еды и воды. Дар места себе не находила, плакала, вслух разговаривала с каждым из своих питомцев — ей казалось, что так она поможет им выжить. Страшно медленно тянулись дни. Через неделю Дар не выдержала. Я умоляла её не рисковать, подождать ещё немного, но она не могла больше ждать. Она села в свою старенькую машину и поехала спасать живые души. Дар верила, что с ней ничего не случится. Она сказала мне: «Обещаю, всё будет хорошо». Недалеко от приюта Дар попала под сильный обстрел и погибла на месте. К ней с облака спустился Флинт, посадил её на спину и вознёсся с ней в рай. Как потом вознеслись в рай и все животные приюта — никто не выжил: волонтеры добрались до них только через три недели. Война равнодушно снимала свою смертельную жатву, никого не щадя.

А я осталась на земле — обугленной и осиротевшей. 24-го февраля мир раскололся на две части: до и после. Эпоха до войны была разная, во многом чужая, часто непонятная, её уродовали шрамы противоре-

чий, и всё-таки у неё был человеческий облик. Эпоха войны 21-го века потеряла человеческое лицо. Моральная капсула, в которой мы жили почти восемь десятилетий, защищённые христианской заповедью «не убий», оказалась по дьявольской иронии разбита страной, больше всех пострадавшей от фашизма. И теперь в этой стране священники ратуют за убийство, а тюрьмы переполнены протестующими против войны. Мир разделился на людей, ужаснувшихся происходящему, и нелюдей, оправдывающих братоубийство. Кровавый маскарад, где зло изобретательно меняет маски, привёл человечество к новой русской рулетке. И теперь остаётся только гадать: взлетит вся планета на воздух или нет по воле нового царя-Ирода.

Как всё безрадостно и бездарно без тебя, Дар. Как пусто. Мы хотели с тобой встречаться с правнуками, но не встретились даже с внуками. У тебя не будет внуков, Дар. Так решил новый царь-Ирод. Решил не только за тебя — за тысячи украинских женщин. Он отменил выпускные балы в школах, белые свадебные платья, безоблачное первое сентября. Он сжёг альбомы с семейными фотографиями и птичьи гнёзда на деревьях, всплескивающих обугленными ветвями.

Незадолго до войны струны на моей гитаре, которую ты ещё в школе подарила мне на день рождения, оборвались. Я тогда не придавала этому значения, а сейчас понимаю, что Вселенная предупреждала меня о беде. Вот уже почти год я наблюдаю, как абсолютное зло пишет кровавыми чернилами свою новейшую историю. У мира теперь один фон — красно-чёрный. Это цвета войны, смерти и горя, новый стэндалевский мотив бытия.

И лишь одному я рада. Тому, что меня давно уже нет в городе нашей юности, из которого сейчас летят приказы убивать твою страну — её мужчин, женщин, стариков, детей, животных, дома и города. Но ты напрасно боялась, Дар — с первого дня войны животных пускают в метро и подвалы домов, превратившиеся в бомбоубежища. Беженцы покидают Украину и берут с собой Проню и Флинта, и других животных. Они несут их на руках, в хозяйственных сумках, везут на тележках мимо разбомблённых домов, пустых глазниц окон, слепо глядящих в прошлое и будущее, мимо могильных холмиков во дворах. Украинцы не оставляют своих. И поэтому твоя страна непобедима, Дар.

Но мне уже никогда не вернуться к жизни. К той жизни, которую мы с тобой вместе создавали, населяя высокими смыслами, которую мы любили. Мой внутренний мир окончательно разошёлся с миром внешним. Я не знаю, взлетит ли эта планета на воздух в самое ближайшее

время, отправившись в вечные тартарары, или мне ещё предстоит из-бывать здесь своё земное существование, но я знаю одно: война, отнявшая тебя у меня, отняла и дар любить жизнь, радоваться солнцу, искать в волнах сирени на счастье шестилепестковые соцветия. Война отняла у меня Родину и гордость за то, что Гоголь писал на русском языке. Война лишила меня права без стыда смотреть в глаза украинцам.

Вижу тебя на майском балконе нашей юности, Дар, в лунном свете нашего семнадцатилетия — в другом тысячелетии и летоисчислении, за день до последнего школьного звонка. Я кладу тебе голову на плечо, и мы слушаем ночь, тишину, прошлое и будущее. Кубок настоящего наполнен радостью до краёв. Цветной клубок жизни необъятен, и вязание только начато.

А помнишь, как мы катались на пароходике по Днепру летом после окончания школы — красивые, восторженно самоуверенные, одарённые поэтическим всевидением? Как счастливы мы были тогда — две мудрые дурочки, не подозревавшие, как страшен мир. Мы пребывали в защитном коконе юности, в розовых садах иллюзий. Теперь, гуляя в одиночестве вокруг старинного замка Кронборг, я всё явственнее слышу в безликом шелесте травы гамлетовскую дилемму — быть или не быть? Два последних слова кажутся мне сейчас полновзвучнее первого. Зачем приходиться в мир, где царь-Ирод отнимает у миллионов людей прошлое и будущее, где совсем рядом гробики-лодочки с погибшими детьми тихо всплывают в землю? Смертельная «лотерея» бесконечна: Герника, Дрезден, Мариуполь... Зачем пытаться намывать золотые крупицы малых радостей в бездонных кровавых реках? «На твой безумный мир один ответ — отказ».*

Мы не наговорились с тобой, Дар, не нажились, не надышались. Меня тоже убили на этой войне. Лучшую часть меня — убили. В тебе был мой свет, для тебя звенели колокольчики моей радости. Теперь на лугах нашего прошлого — танки. И наши страны — заклятые враги. Но наша сроднённость — я это знаю — сильнее ненависти, которую разжигает война.

Я никого не любила так, как тебя, Дар.

*Я тебе дуже люблю. Люблю тебе назавжди.
Я не можу зрозуміти, що тебе немає.*

---

* Строка из стихотворения М. Цветаевой «О слёзы на глазах...».

Мне не уговорить себя — подожди, потом когда-нибудь, за гранью бытия, в солнечных лучах бессмертия, в нежной прозрачной бестелесности мы опять будем вместе. Мне нужны твои глаза рядом, твой голос, пшеничная прядь волос, твой смех, Дар.

Война не заканчивается. Кубок радости пуст. Клубок жизни стремительно уменьшается.

Зло продолжает свивать чёрную паутину смерти, ловить грубыми сетями мир.

Всё обречённое шелестит трава у замка Кронборг...

ОБ АВТОРЕ

***Нина Гейдэ** родилась в Москве, окончила факультет журналистики МГУ им. Ломоносова, защищала диплом на кафедре литературной критики. В 1994 году переехала в Данию.*

Занималась радиожурналистикой, возглавляла Русское общество в Дании. Основатель первого в Скандинавии русскоязычного журнала «Берег» (ныне — «Новый Берег»). Председатель Европейского творческого союза «Огниво», созданного в Копенгагене с целью объединения творческих людей независимо от национальности.

Писатель, журналист, литературный критик, переводчик с датского. Автор пяти сборников стихотворений, лирической прозы и переводов датской поэзии: «Тень незабудки», «Билет на „Титаник“, „Чёрный махаон“, „Флорентийские полдни“, „Беглый луч“. Статьи, проза и стихи, включая переводы датской поэзии, публиковались в разных российских и зарубежных журналах и коллективных сборниках.

Лауреат международных литературных конкурсов «Под небом Балтики — 2013» (поэзия), «Русский стиль — 2014» (поэзия), Епархиального литературного конкурса «Преображение» (Тула, 2015, поэзия).

Член Международной ассоциации писателей и публицистов, Европейского конгресса литераторов и Объединения русскоязычных литераторов Финляндии. Живёт в Копенгагене.

Станислав СЕВЕЛЬСКИЙ

ВЕЛИКИЙ ПОХОД

ПРОБУЖДЕНИЕ

Иногда он вспоминал, что давным-давно у него был круглый именной будильник. Верный механизм, товарищ боевой, он ни разу не подвёл, но однажды что-то в шестерёнках жизни засбило, и будильник исчез. Долгие поиски — не единожды обшарил кровать, тумбочку, гардероб и ящики стола — не дали результата. Пришлось смириться, но чтобы утро было по-прежнему звонким, он стал оставлять радиоточку включённой на ночь.

Сегодня он проснулся за пять минут до того, как начали передавать Гимн Страны Советов. Он полежал в постели, наполненный радостным ожиданием, и поднялся под торжественные звуки. Ему нравилось считать главную песню страны той побуждающей силой, что поднимала его ото сна к бодрствованию — вместе со всеми трудящимися и всеми машинами, радиоточками и будильниками, обеспечивающими общее счастье.

Он знал: счастье везде. Сейчас оно сквозь портьеры заглядывало отблесками раннего утра, отражаясь в оконных стёклах, в росе на траве, в розовеющих облаках.

Каждое утро, проснувшись, ДЖ привычно бросал взгляд на стоявшее справа от кровати большое кожаное кресло. За ночь, благодаря отлаженной работе невидимых механизмов, с кресла исчезали оставленные им накануне вещи, взамен появлялись другие — новый махровый халат, свежая пижама, шёлковая рубашка, штаны, носки и нижнее бельё. ДЖ любил отгадывать, какого цвета одежда будет на этот раз — у него имелись предпочтения. Халат в бордово-золотистую полоску нравился ему больше, чем тёмно-синий или бежевый, а вот рубашки с шароварами он предпочитал в строгой чёрно-белой гамме. Порой ДЖ хотелось получить пароль к прямой связи с распределяющими механизмами, чтобы просить у них желаемые вещи. Он, однако,

понимал, что это было бы неправильно, и доверял механике распределения, как доверял ЦТ, будильнику, бархатному голосу радиоточки под потолком комнаты. Если по расчёту механизмов в определённые дни вместо бордового с золотом ему полагалось надевать серебристо-серый халат и голубую рубашку, значит, так и следовало поступать.

Сегодня утро задалось — вещи радовали глаз. ДЖ потянулся, сунул ноги в чёрные кожаные шлёпанцы и, опершись на любимую трость (чуткую, отзывчивую, с говорящим набалдашником — подарок дочери на юбилей), направился в ванную — умываться, бриться и чистить зубы.

Входить в ванную доставляло ДЖ отдельное удовольствие — всякий раз, когда он пересекал порог, в просторном, выложенном васильковой плиткой помещении включался мягкий свет, начинал шелестеть невидимый вентилятор и то и дело жужжал ещё какой-то прибор, при звуке которого воздух наполнялся запахом свежескошенной травы.

Не спеша, гудя себе под нос «Врагу не сдаётся наш гордый Варяг», ДЖ побрился бодро урчащей электробритвой, потёр щеки лосьоном из плоской бутылочки, побрызгал шею одеколоном. Одеколон был в конусообразном флаконе с нечитабельным названием, однако обладал довольно приятным запахом, напоминавшим его любимый «Шипр».

Вытерев руки васильковым, в тон плитке, полотенцем, и продолжая негромко напевать «Все вымпелы вьются и цепи гремят», ДЖ вышел из ванной, вполне довольный утренними водными процедурами.

Строгим взглядом окинул просторную спальню. Всё в этой комнате было чётко отлажено, отутюжено, откалибровано и расставлено по местам. От каждого по способностям, каждому по потребностям, с улыбкой подумал ДЖ. Всё как надо. Не зря, значит, деды воевали. Не зря комсомольцы строили! Так-то.

ЗАВТРАК В КРУГУ СЕМЬИ

Уверенной походкой, слегка — для солидности — опираясь на трость, вышел он завтракать: даже привычный радикулит сегодня пока что щадил.

ДЖ никогда не жаловался на отсутствие аппетита; пищеварение у него было отменное. «У кого хороший стол, у того хороший стул», как когда-то любил шутить старый сослуживец.

Стол был хороший. На круглом блюде, под высокой прозрачной крышкой дышал паром пухлый, нежно-жёлтый омлет. На другом таком же блюде распластались тонкие ломтики сыра и ветчины. Хлебница манила мягким белым хлебом, маслёнка — шелковистым маслом,

хрустальная тонконогая вазочка — янтарным вареньем. Кофейник с чайником дымились, а рядом звенели чашки, толкая друг друга на подносе.

Лена — свежая, умытая (с детства была аккуратисткой!) налила ему кофе, размешала серебряной ложечкой сахар и добавила сливок из фарфорового сливочника. Ванюша приветливо кивнул, отхлебнул из пластмассовой круглой бутылочки молочного напитка и принялся чистить банан.

— Вот молодец, внук! — одобрил ДЖ. — Ряженка с утра — первое дело. На зарядку-то ходил сегодня? Не забыл?

Ваня не забывал ходить на зарядку. Рос молодцом — занимался спортом, играл с дедом в шахматы, успевал в школе. Каждое утро ДЖ любовался Ваниной школьной формой — узкими синими брюками с красными полосами по бокам, прямым двубортным пиджаком с замысловатой бордово-золотой (прямо как его любимый халат) эмблемой.

— Какую же форму у нас делать стали! Хоть на парад выходи. Мы школьниками тоже в отменной форме ходили, но такой красоты всё-таки ещё не шили тогда...

ДЖ вдруг вспомнил, что будто бы говорил уже эти слова, тоже сидя за утренним кофе, на прошлой неделе. Или раньше? Приступы *déjàvu* у него случались, и часто вспоминались слова и действия других людей, которые они словно читали из головы ДЖ. По утверждению внука, такую форму делали не для всех — только для их лица. А шили, вроде бы, в Китае.

ДЖ допил кофе и погрузился в свои мысли. Работать китайцы всегда умели, дисциплина у них на уровне. Повыше чем у нас, может, даже. Вот и идут правильным путём. Тоже построили всё, что положено, оправдали доверие. Не опростоволосились.

Говорили, правда, что форму хоть и шьют в Китае, но по английским лекалам, и заказывают тоже в Англии. Вот это было непонятно. С чего бы нашим с ними сотрудничать? Или, может, образумились всё-таки, эти англичане. Может построили, наконец, и они?..

Да вряд ли, отмёл шальную мысль ДЖ. Куда им, мануфактурщикам, с буржуазным сознанием? Гиблое дело.

Он хотел предложить внуку поиграть после школы в шахматы, но выяснилось, что Лена Ваню днём привезти не сможет, потому что у неё какие-то занятия с непроизносимым названием, а потом Ваня идёт с ней в бассейн.

Хоть такая схема действий и представлялась ДЖ несколько путаной, он догадывался, что родня собирается заниматься спортом, и это не могло его не радовать — ведь в здоровом теле — здоровый дух!

С этой мыслью ДЖ поднялся из-за стола и отправился в залу.

МИР ВОВНЕ

Сводки по ЦТ, как всегда, приходили и радостные, и тревожные. ДЖ считал себя оптимистом и искренне вдохновлялся первыми, но в последнее время всё больше беспокоился насчёт вторых. ДЖ не покидало чувство, что растёт где-то невидимое напряжение и неминуемо должно оно как-то разрешиться.

Гражданская интуиция? Трудно сказать. Возможно. Интуиции своей ДЖ доверял. И она его не подводила.

«Президент России пояснил журналистам, что вопрос воссоединения с Россией территорий, имеющих для нас огромное цивилизационное и сакральное значение, является закрытым...»

Вот это правильно, думал ДЖ. Не за чем было вопрос этот даже и открывать: что наше, то наше, какие могут быть вопросы? Всегда была страна огромная, могучая, и всегда будет. И кому бы в голову взбрело с мощью спорить? Кому замахнуться вздумалось?

И ответ не заставлял себя ждать.

«...Территория соседней страны сейчас напоминает авиалайнер, который сорвался в штопор... Пассажиры при этом успокаивают, что Европа уже близко и осталось чуть-чуть...»

Ты смотри-ка, скрёб голову ДЖ. Это ж как! Мы же их кормим, поим! Промышленность им построили! В Европы им захотелось! Вот ведь скоты, предатели!

Был когда-то у ДЖ товарищ, служили вместе, Никита Хлопов — парень колкий, зубоскал, и склонный к проявлениям местнического мышления и национализма.

«Не люблю их», — говаривал, бывало, про соседей Никита. — «Душа у них мелкая. Как у мышей. Только схочмячить да припрятать норуют. Продадут за грош. Порода такая.»

В те времена ДЖ, помнится, всегда осуждал Хлопова за недостойный советского человека субъективизм. Но сейчас приходилось признать, что Хлопов прав. И в самом деле продажными оказались. Купили их, как зверьков домашних. И известно, кто купил.

«США готовили масштабную кибероперацию против России ещё при предыдущем президенте...» — так передавали.

Всегда завидовали, усмехался ДЖ. Всегда ненавидели. Теперь и пособников, на нашей же территории, себе отыскали... Но только операции у нас тут мы им делать не позволим! Не дадим нас резать на кусочки...

А «предыдущий президент» вызывал у ДЖ горький смех. Нет, ну Рейган бы понятно. Капиталист, империалист, акула зубастая. Враг как враг. А этот-то, лопухий, откуда взялся? Из Хижины дяди Тома?

Когда Лена готовилась в первый класс, помнится, учили с ней стихотворение Агнии Барто про маленького чёрного мальчика, которого белый американский учитель пообещал взять в класс, но потом вероломно отказал.

«Домой, домой, читатель мой — уедем, улетим — остаться в этом штате минуты не хотим! Но мы забыть не сможем — нам не забыть о том, как люди с белой кожей тебя прогнали, Том!» — декларировала первого сентября, эмоционально встряхивая белыми бантиками, Лена.

И вот — это ж уму непостижимо! Американцы, значит, их линчевали, мы их защищали, а они теперь тоже против нас прут? Из хижины в Белый дом попал, со своей банановой фамилией, и уподобился бывшим хозяевам...

Правда, долго у власти не удержался. Таким, кто не твёрд и к своим корням не чуток, веры нигде не будет.

«Президент США обвинил предыдущего президента США в том, что тот позволил новым территориям отойти к Российской Федерации...» — поясняло ЦТ.

Вот оно значит что! Прощтрафился, слабину дал, к нам потянулся — они его и погнали. Всё как всегда, всё как везде.

Зато нынешний главный враг был как из хрестоматии — нахрапистый, хищный. Мордатый, без расовых прикрытий. Такого упыря переговорами не возьмёшь. Тут нам вся наша ядерная сила понадобится...

«Россия самым серьёзным образом осуждает нападение на арабскую республику, где российские военнослужащие помогают законному правительству в борьбе с терроризмом», — продолжало ЦТ.

Добрые мы слишком, ударил себя по колену ДЖ. Всех жалеем, всех защищаем. Буржуи-то не церемонятся. А значит — и с ними миндальничать нечего.

И ЦТ соглашалось: «Нам надо чётко понять: у нас очень мало времени. И нам необходимо для обеспечения обороноспособности страны проснуться».

Именно! Проснуться, вот что нам надо. В возбуждении, ДЖ стиснул набалдашник трости и подался всем корпусом вперёд к экрану.

Больно уж хорошо у нас всё! Больно гладко! Распределяющие механизмы как часы работают. ЦТ сводки как яблочко по блюдецку передаёт. Яблочки наливные как в сказке висят. Сыты, одеты, устроены — то-то и дремлем. А враг не спит!

«Ничто так не объединяет, как общая угроза и общий враг», — подтверждало ЦТ.

Да! Объединяться надо! С китайцами! Всегда знал, что понимают они нас, что братья они нам навек. И враги у нас общие — западные империалисты.

Взволнованный общением с ЦТ, охваченный жадной действия, ДЖ больше сидеть не мог. Ему необходимо было всё обдумать. Принять важные решения. А думалось ДЖ всегда лучше на ходу. И он засобирался на прогулку.

ГОРОДУ И МИРУ

Объективность — не то, что я обязался соблюдать в этом повествовании, но объективности ради следует признать, окружавший ДЖ пейзаж не располагал к серьёзным размышлениям. Скорее к вальяжному променаду. Однако, что свойственно праздным натурам, то ни в коей мере не могло относиться к такому человеку, как мой герой.

Он без спешки и со вниманием проходил по изгибистым мраморным дорожкам, вдоль змеевидных каналов, омывавших миниатюрные островки; шёл мимо жёлто-оранжевых осенних цветников, золотогривых ив, разноцветных ярких клёнов, бархатных елей, кружевных беседок, изящных лавочек. Он восхищался ими — как восхищался в молодости проектами каналов и садов, которые ему так хотелось строить. Но настрой их красота навевала ему отнюдь не легкомысленный.

Вот он, вот он, наш Город-Сад, вот нашей земли красота и богатство, думал он с гордостью. Деды сажали, отцы растили, мы вырастили. Науку социалистического земледелия вперёд двигали. Для детей, для внуков. Чтобы берегли. Приумножали чтобы. Не растрачивали.

Нелёгким был путь. Долго шли к цели. И теснили нас, и бомбили, и стреляли, и на просторы наши разевали пасть.

Однако дошли мы, вопреки вражьи козням. Возвели, взлелеяли. Земли свои отнятые — и на Чёрном море, и на Кавказе — вернули. Космос осваиваем — скоро на Луну полетим, как после Гагарина могли бы, а там, глядишь, и на Марс.

Оттого-то — от благополучия, от научно-технических успехов наших — и нет врагам покоя. Тошно им от нашего процветания. Ду-

шит оно их, жить им спокойно не даёт. Не знают, что ещё против нас выдумать, извелись вконец. Военные базы на наших рубежах строят. Шпионов к нам засылают. Людей наших вербуют — целые республики союзные, из тех что порыхлее, их воле подчиняются, на подачки подаются.

Дорожки в парке были непрямые и неширокие, к тому же, то и дело приходилось огибать то клумбу, то фонтанчик, то скульптуру на красивом постаменте. Тем не менее, тревожные мысли побуждали ДЖ переходить на размашистый, почти маршевый шаг. Трость, перенимая настроение, отчётливее цокала по щебню. Отбивала ритм.

Чувствую, прямо нутром чую — затевают они что-то против нас...

От нервного напряжения ДЖ сжал кулаки, впился ногтями в ладони.

Зреет у них что-то изощрённое, подлое, доселе немыслимое... Только что? Знать бы... Если б план их разгадать, там бы уже и действовать можно...

Он не заметил, как, охваченный размышлениями, сошёл с дорожки и какое-то время шагал по траве. Додумать ценную мысль, однако, опять не удалось. Дорогу ему преградила резная деревянная лавочка. На лавочке сидели две тощенькие мармулетки, лет на десять помоложе Лены. Обе в плюшевых спортивных костюмчиках, в золотистых кроссовках и при этом — обе с дымящимися сигаретами в цыплячьих лапках. Мимо такого безобразия гражданская ответственность ДЖ пройти никогда не позволяла. Не позволила и теперь.

— И не стыдно вам! А ещё спортом занимаетесь! — начал он образумливать девиц. — Вы же будущие матери! Вам же детей наших растить!

Дурочки переглянулись, секунду помолчали, потом пискляво захихикали.

ДЖ сплюнул.

— Вот из-за таких как вы враги к нам щупальца свои и тянут! Из-за тех, у кого твёрдой жизненной позиции, внутреннего стержня нету.

Девицы захихикали громче.

ДЖ, распаяясь, замахнулся было на пигалиц тростью. Но умный набалдашник успокоительно завибрировал в ладони — не стоит, мол, связываться. Малы, глупы, невоспитаны. Не поймут. Не на них замахиваться надо, а на тех, кто таким вот соплячкам сигареты выдаёт. Кому выгодно, чтобы молодые себе здоровье гробили.

Всего пару дней назад он здесь же, в парке отходил тростью соседского восемнадцатилетнего лоботряса, которому вздумалось угощать

пивом младшего брата-школьника, ровесника Ванюши. Вот тут набалдашник не стал возражать — напротив, пружинисто расширился, наполнив кулак своей увесистой, металлической гладью (ДЖ иногда даже использовал эту его функцию для тренировки кисти).

Оболтус разревелся как девчонка, грозился пожаловаться на вздорного деда в милицию. Куда там! Удрал, поджав хвост, и больше ДЖ его в парке не видел. Понимает, небось: в милиции ему ещё покрепче на орехи влетит за то, что спаивает младших.

Окончательно заведённый этим воспоминанием, ДЖ развернулся и зашагал прочь, назад к дому.

Надо будет сказать Лене, чтобы не ходила сюда гулять с Ваней, думал он, кипя. Эти идиотки всё здесь прокурят... Ведь точно, именно такие капиталистам и на руку. Всю жизнь они нороят молодёжь нашу развратить.

Он поднёс руку ко лбу, взялся за переносицу.

Нет, хватит горячиться. Надо остыть. Собраться. Объяснить людям, что дела творятся серьёзные, страна в опасности. Что не до глупостей сейчас. Встать всем пора — на защиту своего, родного, кровного. Молодёжь оградить. Детей защитить. Грядущую гордость и славу. Главное, чтобы их — нашу надежду, наше будущее, преемников наших враг не покалечил, под себя не подмял.

Он зажмурился, сосредотачиваясь.

До людей надо донести... донести...

КЛУБ ПОД СТЕНОЙ

Он уже подходил к дому, когда его окликнули.

Старый знакомый, живший на соседней улице, Толя, махал ему рукой.

ДЖ вспомнил, что сегодня четверг — значит, сегодня Шахматный клуб. Толя, один из клубных завсегдатаев, часто и настойчиво звал ДЖ поиграть. Погода ещё стояла по-летнему тёплая, и Клуб собирался в открытых павильонах под Большой Стеной.

ДЖ, хоть и был заядлым шахматистом, в клубных встречах участвовал редко. В Клуб ходили, в основном, пенсионеры его возраста, не слишком умные и не в меру болтливые. Играли они неважно, больше использовали турниры как предлог почесать языки.

В обычное время в качестве партнёра ДЖ предпочитал Ваню — внук к любой партии относился серьёзно, играл вдумчиво и уже в своём юном возрасте легко «делал» ветеранов шахматного клуба.

Но сегодня ДЖ с готовностью принял Толино приглашение.

Ему надо было поговорить с людьми. Разведать обстановку. Узнать настроения. Разъяснить серьёзность положения. Призвать к сплочённым действиям.

Начать правильно было со старших — со сверстников — поживших, опытных, хлебнувших. Кто ещё поймёт, как не они?

Коротко поздоровавшись, он сел за белые, сделал ход пешкой с e2 на e4 и повёл разговор.

Начал с вопросов. В курсе ли товарищи, что происходит на рубежах? «В курсе, разумеется, в курсе», — посыпались ответы наперебой.

Толины сын с невесткой пять часов простояли на польской границе, возвращаясь из поездки в Германию. Бардак у этих поляков, рассказывал Толя, а в Мюнхене полно шахидов. Так им и надо, гостеприимным да либеральным немцам. Чего хотели, то получили. Пускай теперь кормят мусульманскую шоблу. Поделом.

На вопрос, что его родным понадобилось в Германии, Толя пожал плечами — просто, мол, мотались на выходные, чем поверг ДЖ в полное недоумение.

Петя рассказал, как они с супругой, тоже на выходные, ездили в Париж. Вернулись разочарованные — ожидали большего. Город ужасно грязный; к тому же — собственно французов сейчас в Париже, что во французской футбольной сборной — днём с огнём не сыскать. Одни чёрные, да толпы китайцев перед Лувром. Мону Лизу из-за них не разглядели. Она и так-то — маленький, застеклённый, бликующий квадратик на стене, а китаёзы ещё и прут со своими фотоаппаратами, загромождают. На интернете и то лучше видно!

А Мишины дочь с внучкой «мотались» в Эмираты... Вот у арабов всё налажено как следует! Они себе жизнь организовали на зависть. Там, говорят, даже самые неимущие имеют достаточно денег, чтобы обучать детей в дорогих западных университетах. Потому что ихние шейхи — добрые, щедрые и сказочно богатые — благодетельствовали не только себя любимых, а всё население. Это оттого, что у мусульман твёрдые моральные принципы...

ДЖ решительно замотал головой — вы не о том, товарищи! Известно ли вам, что Америка, во главе со своим новым президентом, замышляет против нашей страны?

Известно, как неизвестно! Америка она и есть Америка — чего нам от неё ждать — калачей?.. А новый президент тамошний, кстати, ничего так, мужик настоящий — крепкий, весёлый. И к России нормально

относится. Не то, что прошлый, черномазый — тот всё на нас бочку катил, насолить порывался.

— У нового-то и баба хоть на бабу похожа — ноги, зад, буфера на месте! — вставил свои пять копеек пошляк-Коля.

Тут же подал голос и смешливый Витёк, присовокупив, что его жена хочет брючный костюм как у супруги американского правителя.

— А моей больше нравится, как французенка одевается, — высказался Петя.

Да ну её, поморщились остальные, французенку эту — старуха ведь, морда как печёное яблоко!

— Он же голубой, француз-то, все знают, — фыркнул Коля. — Старушка у него только для прикрытия...

ДЖ казалось, что он видит дурной сон и никак не может проснуться.

Но легко сдаваться он не привык. Решил зайти с другого конца. Поймите, товарищи, сейчас не до жён с костюмами, втолковывал он членам клуба. От нас союзные республики отмежёвываются, на сторону врага переходят!

— Скатертью дорога, — небрежно махнул рукой Митя, самый молодой и наглый из игроков. — Я вот рад, например, что все эти грузины, хохлы и прочие белорусы больше на нашей шее не сидят, нашу нефть не сосут.

— Я тоже, — поддакнул Толя, после чего радостно сообщил ДЖ, что ему — шах и мат.

Но исход игры сейчас волновал ДЖ меньше всего. Он решился на последнюю, отчаянную попытку.

— Послушайте. Ситуация серьёзная. Угроза нешуточная. Нам не справиться в одиночку. Нужен союзник. Надо объединиться с Китаем. Необходимо...

— Сдались мы Китаю, как собаке пятая нога, — хмыкнул Витёк. — Китай нас с потрохами купит и продаст.

— У меня у друга в Чите бизнес, — подхватил Толя. — Так он говорит, китайцы у них там уже всё скупили — половина Сибири — китайская...

— Вижу, в стране остался один здравомыслящий человек, — от негодования и скорби голос ДЖ дрожал. — Президент. Только на нём всё держится. Но, неровен час, случись что с Президентом? Всё тогда? Погибла страна?

— Не может с ним ничего случиться, — уверенно заявил Митя. — Его клонировали давно.

— Откуда ты знаешь? — усомнился Петя.

— А ты сравни, как он десять лет назад выглядел, — не растерялся Митя. — А пять лет назад? А сейчас? Настоящий только в начале был. А остальные — клоны.

— Да ну брось, клоны, — поморщился Петя. — Ботокс он колет, вот что! Ленина в мавзолее знаешь чем бальзамируют?

— А я слышал, что его настоящего и не было никогда, — поделился мнением Миша. — Да и клонов не было. Президент наш — не человек, а робот. И с этого робота, когда он приходит в негодность, делают копию, которая продолжает работать дальше. Так дешевле выходит...

У ДЖ окончательно сдали нервы. Долее выдерживать этот абсурд он не мог.

С грохотом он обрушил кулак на доску — деревянные фигуры при этом подскочили и разлетелись в стороны.

Обозвав членов клуба тупицами и безмозглыми обывателями, он вскочил, отбросил стул и, мрачно налегая на трость, двинулся прочь.

ДЕДУШКА И ВНУЧЕК

Обедать Лена привезла Ваню поздно — ближе к четырём. Как нередко бывало, дед и внук остались за столом одни. Лена не задержалась — сказала, что перекусила в спортклубе. Чмокнула ДЖ в щёку и ускользнула по каким-то делам.

После бассейна Ваня был слегка взъерошенный, но бодрый и голодный — даже не сняв школьную форму, с аппетитом набросился на салат, на паштет, на суп с фрикадельками. Чтобы не нервировать внука, ДЖ тоже старался что-то съесть, хотя после разговора с шахматистами кусок не лез в горло.

Однако он был доволен, что они с Ваней оказались наедине, лицом к лицу. Им было необходимо обстоятельно пообщаться.

Коль скоро старики оскудели умом, ослабили волей и ни черта не понимают, стало быть, надо делать упор на молодых. К ним — подрастающим, полным сил — надо взывать, их надо агитировать. За ними будущее, им спасать Россию.

Иван всегда был не по годам умным мальчиком — ДЖ порой дивился недетской зрелости его суждений. Иван должен понять.

Повод для серьёзной беседы отыскался сам собой.

— А что это ты, внук, пионерский галстук снимаешь? — задал ДЖ уже некоторое время тревоживший его вопрос. — Специально? Чтобы в бассейне, в раздевалке не забыть?

Ваня объяснил, что, по правилам их лица, галстук требуется надевать только на определённые торжественные мероприятия. В обычные дни разрешается приходиться без галстука.

— Странное правило, — проворчал дед. — Это ведь не просто платок какой-нибудь, а символическая ценность... А политинформацию у вас проводят? О положении в стране и зарубежном говорят?

Да, им преподают основы социологии — в обычных школах этот предмет называется «обществознание». В рамках этой дисциплины говорят немного и об экономике, и о международной политике.

— Мудрёно у вас всё... — покачал головой ДЖ. — У нас попроще было... Ну а историю вы ведь изучаете?

Конечно, изучают. История — один из основных предметов.

— Про особое положение нашей страны вам учителя объясняют?

Что дедушка имеет в виду под особым положением? Обширную географическую территорию? Нахождение на стыке европейской и азиатской культур? Да, рассказывают, и про то, и про другое...

— Нет, я не про это, — нетерпеливо прервал ДЖ. — Не это главное. Главное — вам говорят о том, что на нашу страну испокон веков покушались и продолжают покушаться враги? Начиная с монголо-татар и кончая американцами?

Про монголо-татарское нашествие они, разумеется, читали. И про тевтонов, и про Александра Невского, хотя, согласно некоторым источникам, Александр был неоднозначной фигурой.

— В каком смысле? — вскинулся ДЖ.

В лице показывали исторический фильм, из которого следовало, что, отражая атаки шведов, князь при этом почему-то легко соглашался платить дань татарам...

— Чушь, — отрезал ДЖ. — Александр — наш освободитель. И, к счастью, освободитель — какой-то один — великий, святой — в России отыскивался во все времена. Иначе враги бы нас давно уже к ногтю прижали... с востока теснили нас немало, но самое зло всегда с запада шло... Знаешь, зачем Пётр Первый прорубил окно в Европу?

Да, в начале года к ним приходил специально приглашённый профессор-историк из МГУ, чтобы прочитать желающим курс лекций о личности и политике царя Петра. Ваня ходил на лекции. Там говорилось, что царём-реформатором руководило желание сделать Россию цивилизованной страной, не отстающей от передовых Европейских держав.

— Ерунда! — отверг ДЖ профессорскую версию. — Мы и так были цивилизованнее упаднического запада. Пётр отправился в Европу

изучать вражеские технологии. Чтобы потом тех же шведов их же басурманскими приёмами брать за жабры... И Наполеон, коротышка, на наши необъятные просторы слюнявился... знаешь, чем он кончил?

— На острове Святой Елены? После поражения при Ватерлоо? — осторожно попытался Ваня озвучить известные ему факты из недавно пересмотренного с мамой сериала «Наполеон и Жозефина».

— Это потом, — досадливо отмахнулся дед. — А в начале отведал нашей зимушки, горящей Москвы, да Бородина... А потом нашей зимушки отведал и Гитлер... Про Сталинград-то знаешь? Проходили уже Отечественную Войну?

Ваня кивнул. Разумеется, они это проходили. И он эту тему знал особенно хорошо, потому что в конце прошлого года писал и защищал по ней реферат.

— Кто победил фашистов?

— В войне с нацистской Германией победили страны-союзники...

— Какие к чёрту союзники?! — вскипел ДЖ. — Вас там что, одни ин-тервенты в школе учат?

Изумлённый дедовской вспышкой, Ваня притих.

— Мы, мы победили, советские люди во главе с вождём! — в запальчивости ДЖ снова треснул кулаком по столу, как давеча в шахматном клубе. Ваня поперхнулся и разлил морс, который тянул из кружки.

— Мы — кровью, героизмом своим! — захлёбываясь от негодования, дед весь трясся. — А эти твои так называемые «союзники» теперь пытаются к нашей великой победе примазаться! Украсть её, себе присвоить. И ты, ты — мой внук, эту ересь вслед за ними городишь!

Ваня ошеломлённо моргал — дед был известен крутоватым нравом, но его — внука — обожал и никогда прежде не повышал на него голос. Однако непонятная резкость старика не обидела Ваню — напротив, ему стало жалко дедушку, и даже боязно за него. Он хотел извиниться, пообещать деду, что внимательнее изучит историю Второй Мировой Войны.

Но ДЖ уже не слушал внука. Тяжесть легла ему на сердце. Горечь, послевкусие недавнего гнева, переполняла его. Опираясь на верную трость, он побрёл за дверь, в сад. Ему надо было глотнуть свежего воздуха.

ВРАГИ ВНУТРИ

Сидя на подвесных качелях между погружёнными в осеннюю дрему кустами, устроив подбородок на набалдашнике трости, он всё ещё пы-

тался успокоиться. Вернуться к привычной рассудительности, к мужественному хладнокровию. Составить план дальнейших действий.

Золотистый день плавно скатывался в багряный вечер. Становилось прохладнее, но ДЖ не собирался идти в дом. От напряжённых мыслей его голова пылала. Хотелось свежего воздуха. Он жадно глотал его...

Внука обрабатывают, это ясно. Отравляют сознание ребёнку, преступники...

Ваню необходимо перевести в другую школу. Он должен срочно сказать Лене. ДЖ всегда подозревал, что с этой школой что-то не так. Больно уж буржуйские замашки у них. Теперь понятно почему. Завербованы давно. Отсюда и форма у них непонятная, и галстук пионеры, как положено, не носят.

«До детей добрались, сволочи! До святого...» — от накатившего снова гнева ДЖ стискивал зубы, упирался нижней челюстью в набалдашник. Всё понимающая трость толкала его в скулу, молчаливо поддерживая.

Тишину осенних сумерек нарушил шелест раздвигающихся ворот. Во двор, похрустывая гравием, вплыл чёрный, длинный автомобиль зятя. Сергей, как обычно суетливый и чем-то озабоченный, хлопнул дверцей. Натянуто улыбаясь, пожелал ДЖ доброго вечера. ДЖ в ответ сдержанно кивнул.

Ему никогда особо не нравился муж дочери. Скрытный и в то же время вертлявый какой-то. Улыбается как робот. Двигается как автомат. Его Лена — эмоциональная, искренняя девочка, заслуживала лучшего. Однако, уважая семейные узы, ДЖ не вмешивался. Дочь взрослая, свой выбор сделала. Чего уж теперь...

Распределяющие механизмы включили над широким крыльцом дома яркий свет, засветили вдоль садовой дорожки разноцветные фонарики. На надменном рыльце чёрного автомобиля блеснула сложная, похожая на вздёрнутый нос, эмблема.

ДЖ пригляделся. Подошёл. Осмотрел внимательнее. Потрогал.

Разлапистая, двойная буква «М» в скруглённом треугольнике. Что же это за символ такой?..

Догадка ударила, словно плеть. Как он не замечал раньше?! Почему не приглядывался?!

Масонский знак нагло сверкал на радиаторе. Типично фашистская машина.

Так вот, с кем связала судьбу его дочь! Вот кто отец его внука!

«Небось, спецов отродье — вредителей рабочего снабжения. Тех, кого ещё в гражданскую не добились, в тридцатые не всех пересадили...».

ДЖ вновь благодарил судьбу за свою безошибочную интуицию — недаром зять с первого дня знакомства вызывал у него неприязнь.

Лучше поздно, чем никогда! Он всё скажет Лене. Он будет настаивать на разводе... Потребуется, если надо. Обратится к властям. Ваню они отсудят... Найдут свидетелей...

Всё становилось на свои места. В частности, вражеская суть Ваниной школы больше не вызывала у него сомнений. Именно зять устроил мальчика в это заведение, сомнительно именуемое себя — как? — лицеем, кажется?

Ну ничего! Теперь, когда он раскусил заговор, он спасёт дочь и внука. А потом всю страну...

Да, решено. Начать надо с семьи. С родных и близких...

Лена не заставила себя долго ждать. ДЖ ещё не успел обдумать детали предстоящего нелёгкого разговора, а она уже подъехала. Припарковала белую, длинную машину рядом с мужниной чёрной. Сидящего на качелях отца не заметила; возбуждённо разговаривая с кем-то по переносному телефону, вбежала в дом.

ДЖ выждал пару минут. Сжал набалдашник трости. Заготовил открывающую фразу «Дочь! Я должен с тобой серьёзно поговорить...». Глубоко вдохнул. Тихонько зашёл, поднялся на второй этаж.

Дверь в спальню дочери была приоткрыта. Лена продолжала разговаривать по телефону. ДЖ понял, что придётся подождать, но от двери решил не отдаляться, чтобы успеть перехватить Лену до зятя или внука.

Подслушивать разговоры ДЖ считал ниже своего достоинства и заниматься этим намеренно не собирался. Однако, непроизвольно увлеченные им из-за двери обрывки Лениных фраз заставили не только прислушаться. Заставили похолодеть.

«Думали про Мальту, но посмотрели и отказались...» — объясняла кому-то Лена.

«Английский, говорят, никакой — одни понты и цены заоблачные... а в Штатах, помимо курса, ещё поездку на Ниагару и две недели в Майами организуют... и в Вашингтон возят... да, входит в стоимость...»

«Визу дали уже, аж на три года... И Ваньке, и всей их группе, кто подавал... А сейчас легко, кстати — заполняешь анкету на сайте, а потом они на собеседование вызывают... нет, несовершеннолетним так дают...»

«Мы тоже думали про санкции — но вот, ни на что не повлияло, вроде... говорю же, легко дают...»

«Этой зимой едут... с завучем и с англичанкой... Конечно рад, он же у нас архитектурой Нью-Йорка бредит...»

На последних произнесённых дочерью словах ДЖ выронил трость. Схватился за сердце. Ему было нехорошо.

В ПОХОД

Он открыл глаза и резко сел, словно разбуженный выстрелом или зовом на помощь. Комната была пропитана тьмой; тревожная тьма текла из окна, сквозь проём в бархатных шторах. Электронные часы на пульте радиоточки высветили 4:01.

«Двадцать второго июня, ровно в четыре часа...» — полыхнуло у него в голове яркими, как цифры на часах, буквами.

Он слабо помнил, как накануне добрёл до спальни, как разделся и лёг. Запомнилось, что случайно подслушанный телефонный разговор оставил в душе ощущение полного краха. Его родные люди обработаны распространителями вражеской идеологии, охмурены. Зять — несомненный интервент. Разум дочери одурманен до такой степени, что она — мать! — своими руками организует похищение собственного ребёнка. Отправляет его, несмышлёныша, в самое логово врага как живой материал для опытов.

Никакого разговора с роднёй не будет. Бессмысленно. Всё зашло слишком далеко. Не уследил. Не уберёт. Упустил. Назад возврата нет.

Однако не в правилах моего героя было поднимать белый флаг. Он твёрдо знал, что пойдёт до конца, будет биться до последнего вздоха. Он не позволит украсть у себя внука. Не отдаст ребёнка на растерзание вражьи́м хищникам.

Теперь, наконец, стало очевидным, с кем — единственным — ему следует говорить. Как он мог не понимать этого раньше?

Он пойдёт к Президенту. К тому, кто действительно знает, понимает и контролирует.

Всякий раз, когда ЦТ передавало «Прямые линии» с главой государства, ДЖ видел, что тот смотрит ему прямо в глаза, понимает каждую его мысль, сопереживает каждому чувству.

Президент был последней надеждой огромной страны. Теперь он стал последней надеждой и одного, доведённого до отчаяния, но не привыкшего сворачивать на полпути, человека.

ДЖ доложит Президенту о том, что Запад разрабатывает обширные программы по похищению наших детей. Пусть закроет границы.

Но ДЖ также изложит и свои соображения насчёт союза с дружественным Китаем. Приведёт весомые доводы. Президент прислушается к голосу разума, в этом не может быть сомнений.

Не теряя более времени, он встал с кровати, включил боковой свет. Его одежда и трость валялись на полу — там, где он, будучи в полуобмороке, их вчера бросил. Кресло пустовало — распределяющие механизмы ещё не успели загрузить новый комплект.

Почувствовав внезапный прилив сил, он споро оделся во вчерашнее. Поднял трость, осмотрел — не поломал ли вчера чего, когда уронил? Нет, вроде цела и невредима. Он стиснул набалдашник. Трость ответила упругим рукопожатием.

На дорогу он присел в большое кожаное кресло.

Ступая как можно тише, чтобы не разбудить домашних, подошёл к двери. Осторожно повернул ручку.

«Кончилось мирное время, нам распрощаться пора...»

ЗА СТЕНОЙ

Большая Стена вставала во мгле неприступной твердыней, но он знал, что преодолеет её.

Освещая себе путь встроенным в набалдашник трости фонариком, он уверенно двигался вперёд, всё ближе подбираясь к Главным Воротам.

Согласно его расчётам, охраннику полагалось мирно дремать в своей постовой будке, и, следовательно, ничто не должно было помешать ему проскользнуть незамеченным.

Как я уже упоминал, интуиция ДЖ подводила редко. Не подвела и на сей раз.

Вскоре он уже стоял по другую сторону Большой Стены и смотрел на простиравшееся перед ним синеватое в предрассветных сумерках поле; на чернеющий вдали лес.

Его охватили новые ощущения, в которых он внезапно распознал что-то давным-давно прошедшее. Холодный воздух нёс терпкие запахи земли и сырости. Тишина раннего утра казалась ещё более глубокой от странных тихих звуков — далёкого звона, одиночных криков птиц. В сумерках тишина разбухала, давила — вынося на поверхность сознания странные картины. Он будто бы помнил себя таким же ранним утром, он был тогда молод, и другие были молоды — те, кого он сейчас уже не вспомнит по именам. Лошади, сенокос, треск стартёров у заглодевших за ночь тракторов... Отец... Да, его отец за рулём трактора — за большой чёрный руль он давал подержаться и порулить ему, тогда совсем мальчишке. ДЖ с внезапной ностальгией подумал, как давно он не видал таких тракторов — техника стала другой, жизнь ста-

ла другой, только он остался прежним. А ведь за свою жизнь сколько техники перевидал, перепробовал — казахстанская целина, степи Приаралья, где только ни пришлось возделывать землю, пахать поля, растить сады! И Лена... утро, первые лучи света, они вместе на утренней рыхалке, как называлась та речка? Где это было? Всё это тоже ушло.

Где-то вверху раздался резкий крик птицы. Он посмотрел вверх, потом оглянулся назад. Он вдруг понял, что не уверен, куда и как ему идти. Он что-то помнил, что-то знал, но сейчас ему было страшно сделать следующий шаг прочь от ворот, от знакомой Стены.

Куда же идти?

Облака далеко в вышине озарились нежным розовым светом. Подул ветерок, ДЖ встряхнулся и сбросил с себя неуверенность.

Откуда-то из-за леса доносилось приглушённое гудение. Шоссе или железная дорога?

Не раздумывая дольше, ДЖ зашагал через поле к лесной чаще.

ВСАДНИКИ

По лесу пришлось побродить, но недолго. Пару раз он споткнулся о торчащие из земли коряги; ободрал рукав рубашки об острый сук; расцарапал щёку о еловые ветви. Однако надёжная трость с фонариком выручала в темноте; гул проезжей дороги, с каждым шагом нарастая, звал вперёд.

Лес выпустил его из мохнатых лап так же внезапно, как заполучил. Темнота сменилась ослепляющим светом. Гул, до последнего казавшийся отдалённым, превратился в гром, сквозь который слышались завывания и крики.

Многоглазое чудовище, появившись из-за поворота дороги, двигалось прямо на него.

Инстинктивно ДЖ сделал шаг назад, к лесу; заслонился тростью. Но спящие глаза монстра уже поравнялись с ним, и стало ясно, что это были фары нескольких огромных мотоциклов. Выстроившись в шеренгу, они грохотали по шоссе искристо-металлической армадой, а позади виднелись огни ещё целого эскадрона мотоциклистов.

Больше, чем сами мотоциклы, ДЖ поразили всадники. Длинноволосяе и длиннородые, обвешанные цепями, облачённые в кожаные куртки, штаны и высокие ботинки с шипами, они походили одновременно на былинных богатырей и на чудовищ из детских мультфильмов.

По виду грозные воины — на чьей же они стороне? За нас, за Президента, за правое дело? Или врагом завербованные?

Было в чудо-мотоциклистах — в их бородатых, мужественных лицах — что-то обнадёживающее. В то же время, кожаные доспехи с жутковатыми нашивками в виде волчьих голов и чуждого вида флаги будили подозрения. Вспоминался зятев чёрный автомобиль с его вражеской эмблемой.

Вдруг он увидел, что на двух последних железных конях позади всадников сидели девицы. Каждая обхватила своего чёрного наездника поперёк живота голыми руками. Одеты они были легко, ткань развевалась от ветра — одна, яркая брюнетка, в чём-то алом, другая, длинноволосая кудрявая шатенка, в тёмном. Дед проводил их взглядом, всё более поражаясь увиденному — голые ноги обеих девиц сверкали аж до ничем не прикрытых задниц. Бесстыдство! ДЖ аж задохнулся и зажмурился до боли в глазах, но видение врезалось ему в сознание и не отпускало. Бесстыдство! Порча! Нет, не могут эти тёмные наездники да бесстыжие мармулетки быть за нас. Значит, это враги? Завелись в советских честных механизмах и живут, как тараканы, в темноте, поедая то, что не им предназначено, заражая своей порчей и разнося повсюду споры беды. И дети от них становятся порченными, всё от них... Ах, гады! Раньше надо было идти, но он успеет, он всё расскажет...

Мотоциклисты промчались мимо. ДЖ развернулся и торопливо пошёл вдоль шоссе в сторону, противоположную той, где под раскаты своей бесстыдной музыки скрылся за поворотом последний чёрный мото-витель.

ХИЩНИК

Всегда и во всём ДЖ предпочитал действовать по чётко выстроенному плану. Но на этот раз конкретного плана у него не было. Он просто, следуя внутреннему голосу, шёл вперёд.

ДЖ знал, что в итоге должен будет оказаться в Кремле. Предстать перед Президентом. Однако, каким образом это осуществит, он не задумывался, будучи уверенным, что ноги сами приведут его куда надо. Гораздо больше его волновали детали самого важного в его жизни разговора. Было понятно, что от того, как он этот разговор поведёт, зависит дальнейшая судьба России. Поэтому надо не ошибиться, ничего не упустить, не смазать.

Он сосредоточился на предстоящем деле. Попытался мысленно составить конспект доклада. Заранее выбрать верный тон. Поскольку вокруг не было никого, кроме леса, глухих заборов, да пустующего шоссе между ними, решил начать прямо по дороге вслух готовиться.

«Товарищ Президент, спасибо, что нашли время меня выслушать...»...

Не слишком церемонно? Может, лучше по имени-отчеству?..

Или бог с ним, с именем и отчеством? А сразу к делу?

«Страна в опасности...»

... да как будто он и сам не знает!

«Хочу предложить план спасения Отчизны от внешней угрозы...»

Но скоро его репетиция была прервана. Влажная тишь осеннего утра вдруг нарушилась гулким музыкальным ритмом и гнусавым пением:

*Я, выходя из дома, выбрал чёрный цвет
Все мои сучки любят чёрный цвет
Все мои машины строго чёрный цвет
Вся моя банда любит чёрный цвет...*

ДЖ насторожился, прислушался. Машины... Чёрная банда... Воспоминание о бесстыжих чёрных всадниках снова обожгло его.

Непотребщина неслась из открытых дверей припаркованного у обочины транспортного средства. Приземистая, косоглазая, кричаще-оранжевая тварь больше всего походила не на машину, а на ядовитую рыбину. Впечатление о токсичности штуковины усиливалось ещё и тем, что рядом на асфальте, прислонившись к низкому колесу, сидел явно отравленный пострелёнок лет семнадцати. Парнишка был патологически узкогруд, тонконог и бледен лицом. Изо рта его на воротник золотистой рубашки вяло тянулась ниточка слюны; глаза были закрыты; хлипкая рука с увесистым перстнем на мизинце судорожно шарилась по асфальту, будто пытаясь что-то нащупать.

За рулём плоскозодой развалился второй парень, в кроваво-алой, распахнутой дублёнке. Этот с виду был постарше и чувствовал себя лучше — ёрзал, хлопал по рулю, озирался. Он первым и увидел замедлившего шаг ДЖ. Музыка смолкла так же внезапно, как включилась.

— Слышь, Дань, — выскользнув из-за руля, парень подскочил к отравленному, опустил перед ним на корточки. Пошевелил за плечо.

— Дааань. Эй. Давай, поехали. Не надо здесь сидеть. Алё. Вставай.

Глаз заморыш не открыл, но голос подал:

— Ник... — он замычал. — Ну я тебя прошу... Адельке набериии... Набери, пожалуйста...

— Дань, да ты чего, ... — тут обладатель красной дублёнки скверно выругался. — Она уже десятый сон видит, твоя Аделька! Вставай, едем, всё.

Нагнувшись и обхватив приятеля обеими руками, он оторвал его от земли и усадил на пыльный капот машины.

ДЖ, хотя и торопился, понял, что обязан задержаться. Желторотые сами не сдюжат. Решительно направился к ядовитой машине.

— Погоди, сынок. Ему ж помочь надо. Скорую вызвать...

Тут отравленный приоткрыл глаза. Обвёл пространство осоловелым взглядом. Почему-то вид ДЖ вызвал у бедняги ужас — такой сильный, что он вновь зажмурился, рванулся в сторону и завопил детским фальцетом что-то неразборчивое. Старший, хоть и был значительно коренастее, с трудом удержал его:

— Не кани. Бомжик это... Поехали уже.

Силой запихнув страдальца на заднее сидение, он прыгнул за руль, и оранжевый хищник с визгом канул в бурый осенний туман.

ТРУДЯЩИЕСЯ ВОСТОКА

Что же с молодёжью-то с нашей делают, капиталисты бесчеловечные. Травят ведь! В прямом смысле слова. И сознание отравляют, и организм...

Опечаленный, но не обескураженный, ДЖ продвигался вперёд с твёрдым намерением найти помощь и послать вдогонку за молоко-сосами. Жаль, номеров не запомнил, сокрушался он. Ну да ничего. Такая каракатица плоскомордая наверняка одна. По описанию найдут сразу. Только надо торопиться. Лечить, спасти парня. А как вылечат, так и его, и дружка на оздоровительно-перевоспитательные работы. В колхоз куда-нибудь. Или на целину.

И тут ему улыбнулась удача. Сплошные заборы вдоль дороги кончились, началась просека, а за ней — открытые, светлые участки. На одном трудилась группа молодых ребят с лопатами и тачками. Охнув от радости, ДЖ поспешил через дорогу, напрямик к ним.

Вот на этих было приятно посмотреть! Широкие, улыбчивые лица тружеников Красного Востока — точно, как их изображали когда-то на картинках в Ленином букваре. Простая рабочая одежда — шлёпанцы на босу ногу, засученные рукава. Мускулистые смуглые руки.

— Здравствуйте, товарищи! — поприветствовал ДЖ молодых людей. Те в ответ закивали.

— Товарищи, выручайте. Надо скорую помощь вызвать. Срочно. И милицию. Там человеку плохо...

Осторожно приостанавливая начатые дела, труженики поднимали на него глаза. Молчали. Наконец один, оставив тачку с цементом, сде-

лал несколько шагов ДЖ навстречу. Дотронулся до его порванного рукава. Участливо приподнял брови.

— А?.. Пэ-лоха?

— Да не мне, — улыбнулся ДЖ — Парню молодому одному. Вы машину не видели — низкую такую, оранжевую? Не проезжала тут?

Рассеянные улыбки на скуластых лицах постепенно сменялись выражением беспокойства.

— Машина неее, — неуверенно протянул собеседник. — Не наш. Наша Махорский хозяин...

Чёрным от земли пальцем он указал на квадратную табличку в дальнем углу участка с малоприметной и непонятной надписью «Махорски Эстэйт».

Вот беда, почти не говорят по-русски, огорчился ДЖ. Как бы объяснить-то им?

Внезапно его мысли были прерваны обжигающе громким хлопком. Табличка «Махорски Эстэйт» разлетелась на пластмассовые осколки.

Обернувшись, ДЖ увидел на противоположной стороне шоссе четыре длинных, чёрных, неизвестно откуда взявшихся автомобиля — чем-то похожих на зятев. В ту же секунду ближайший к нему восточный труженик резко согнулся, схватившись за бок.

СХВАТКА

— Ты смотри, как жидяра развернулся. Оккупантов сколько нагнал.

Из автомобилей один за другим возникали люди в спортивных костюмах. Их голоса доносились с другой стороны широкой проезжей части и казались негромкими, даже нарочито сдержанными. Однако, на удивление, ДЖ отчётливо различал каждое слово. Он не мог понять — то ли у него вдруг обострился слух, то ли это было некое особенное свойство данных конкретных голосов.

Внешний облик новоприбывших тоже таил в себе парадокс: это были мужчины вроде бы молодые, но с какой-то старческой напряжённостью во взгляде. Они непрерывно говорили — повторяли раз за разом неясные глупости, наподобие детских обзываний, но без тени улыбки на лице. Они казались низкорослыми; при этом от движений их плотно утрамбованных тел пульсировал асфальт и вибрировал воздух.

Во мгновение ока они (сколько их было точно, ДЖ не запомнил) преодолели ширину шоссе и оказались в непосредственной близости.

— Ну что, оккупанты? Кровавую баню устраивать будем?

Тут же несколько пар тяжёлых ботинок с тошнотворным хлоппаньем врезались в живот лежащего на боку, стонущего труженика.

— Сейчас мясо будет.

Раздалось ещё несколько оглушительных хлопков; увесистый кулак впечатался в смуглую скулу; второй такой же кулак расплющил переносицу; отполированный череп тараном въехал в грудную клетку.

И тогда ДЖ стало ясно, что перед ним самые настоящие — без маскировки, прикрытий и прикрас — враги. Биороботы на службе у капиталистов, направленные безжалостными хозяевами на кровавое истребление трудового народа. Он понял, что не когда-то потом, а здесь и сейчас состоится его главная битва. Мало говорить с Президентом, мало помогать на словах. Вот она, его возможность осуществить Дело. И он его осуществит. Встанет на защиту всего, что светло, честно, правильно. Всего, что дорого.

Не раздумывая долее, он поднял к небу верную трость.

— Товарищи! С нами Правда. С нами Вождь. Не посраим рабочего-крестьянского союза! За Родину! Вперёд, товарищи! Вперёд!

Голос его вдруг обрёл небывалую мощь и глубину — он сам себе дивился. Боялся лишь, что жители далёкого Востока опять не поймут его. Но на этот раз они поняли и поддержали на своём языке криками «Аллаху Акбар!»...

С силой и твёрдостью, каковой в себе не подозревал, он шёл вперёд, обрушивая удары трости на голову одного биоробота, потом другого. Труженики Востока, воодушевившись, схватили лопаты и ринулись на врага вслед за ним.

Вокруг ДЖ всё смешалось: раздавались крики, гулко отдавались удары, текла кровь, падали люди. Но сам он был будто неуязвим и не чувствовал ни страха перед врагами, ни боли. К тому же он видел, что победа близка — он и его бойцы, хоть внешне уступали биороботам в силе, начинали явно теснить врагов назад, к шоссе.

— Давайте, ребята! За наших детей! За наше будущее! Не щадить гадов!

Его ребята были крепки и молоды; он зажигал их волей к победе. Однако биороботы, чужая, что теряют преимущество, открыли стрельбу по живым мишеням.

Восточный воин, бившийся рядом с ДЖ, откинулся назад и упал лицом вверх.

ДЖ вдруг сообразил — он ведь не использует свою чудо-трость на полную мощь! Подводит своих бойцов!

Живо вскинув трость на плечо, он прицелился, и...

— За товарищей! За братьев! Огонь!

Трость толкнулась в ладонь увесистой отдачей; гром прогремел, будто с неба. Робот рухнул ничком, как соломенное чучело.

ДЖ прицелился в следующего:

— Огонь!

И ещё один враг стал крениться набок, тупо уставившись куда-то вверх над головой ДЖ.

Туда же почему-то пялились и остальные налётчики.

— Махоровцы... с волынами... очкует жидёнок... всё, бойцы, рвём отсюда... а то покрошат... — донеслись до ДЖ обрывки бестолкового, детско-ругательного биороботовского наречия, когда вдруг что-то толкнуло его в пах, и всё смешалось с прелой осенней землёй...

УЛЫБКА ПОБЕДЫ

— Атэц, атэц, эээ! Уй-гон! Жив?

Очертания смуглого, скуластого лица расплывались, но он отчётливо различал на этом лице главное — улыбку одержанной победы.

— Братцы... сынки... ну что, скажите... да?

Вместо ответа скуластый парень наклонился и почтительно поцеловал его в плечо.

— Погнали мы врага? Скажите мне...

— Гнали, ата, гнали! — в поле зрения всплыла ещё одна улыбка. И ещё одна, и ещё.

— Савсем, савсем гнали! — парень смеялся заразительным смехом; сжимал в большой, тёплой ладони руку ДЖ — Нету бол'ше! Били их савсем.

Только сейчас ДЖ увидел, какой ценой далась его соратникам победа: у одного чёрная от крови бинтовая повязка закрывала лоб, у другого такая же пересекала плечо; лицо третьего, самого смешливого, напоминало потемневший бок перезрелого фрукта.

Он почувствовал в груди что-то наподобие вешней оттепели — влажную, текучую смесь жалости, благодарности и гордости. Но всего лишь на миг. Его вдруг будто дёрнуло током.

НЕЛЬЗЯ ДАТЬ ВРАГУ УЙТИ!

Он попытался рывком подняться — но тут же был удержан тремя парами молодых, сильных рук.

— Ты штоо, атец, лежи, лежи!

Они загалдели по-своему; откинули плед, которым он был накрыт. И тогда он увидел, что тоже ранен — вероятно, в бедро — там бурела многослойная марлевая повязка, наподобие тех, что он видел на своих товарищах. В ту же секунду он впервые почувствовал тупую боль в ноге и в низу живота.

Он протестующе замотал головой.

— Ребятки, братцы... чепуха это. Понимаете? Царапина. Мне идти надо, сынки. Их догнать, добить надо. Только я могу. Иначе вернутся...

Но они и слушать не желали. Тараторили что-то наперебой, прижимали его за руки к дивану, только что не привязывали.

Из всей страстной тирады ДЖ разобрал только одно слово «бульон». Собираются покормить. Значит, на некоторое время оставят одного, сообразил он.

Как в воду глядел.

Поговорив ещё его героизме, а также необходимости питаться и соблюдать постельный режим, радушные соратники удалились. Ушли они, впрочем, недалеко — в соседнее помещение — по всей вероятности, на кухню. Предположение это подтвердилось и чарующим ароматом, который немедленно разлился по подсобке и шустро проник в ноздри ДЖ.

Бульон, крепкий мясной бульон! Как он пришёлся бы сейчас кстати! Как восстановил бы силы!

Несмотря на свой богатый гастрономический опыт, ДЖ мог поклясться, что никогда ещё не был так голоден и никогда ещё так сильно не нуждался именно в предлагаемом блюде.

Но он знал — ему не суждено удовлетворить самую острую за всю жизнь потребность своего организма.

Это был его единственный шанс уйти. Догнать и окончательно разгромить врага. Дойти, наконец, до Кремля и сказать всё, что должен. Довести до конца начатое Дело.

Превозмогая боль в ноге, с трудом сдерживая стон, он встал.

Быстро огляделся в поисках верной трости. Она — о счастье! — стояла рядышком, аккуратно прислонённая к спинке стула. Подступившая было к сердцу тревога мгновенно отпустила: спасибо ребяткам — не потеряли, сберегли!..

ДЖ сделал глубокий вдох. Шатаясь от внезапной тошноты, на цыпочках подкрался к двери подсобки. Занятые приготовлением бульона и шумной восточной беседой, товарищи не расслышали тонкого писка

фанерной двери. Секунда — и он был снаружи. И никакая сила на свете уже не могла его удержать.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

Понимая, что теперь главное — стать невидимкой, он свернул прочь с основной дороги.

Прямо за перелеском отыскалась глубокая, размытая дождями и развороченная техникой колея. Вот это было именно то, что нужно. Идти по рыхлой, сырой почве было нелегко — раненое бедро горячо пульсировало; ноги то и дело увязали в густом слое гниющих листьев; дыхание срывалось. Но ДЖ не замечал трудностей. Он чувствовал, что враг близко...

По своему обыкновению, он начал на ходу составлять план дальнейших действий.

Он настигает бегущего врага, вызывает на бой... Или, может быть, не стоит бросать открытый вызов? Застать гадов врасплох? Разбить поодиночке? Стрелять из траншеи?

Ну конечно же! Он, ведь, собственно, идёт по траншее — надо будет только залечь...

Уничтожив врага, он отправится к Президенту. И разговаривать с Вождём, прежде всего, он будет не о внешнем неприятеле. Он расскажет о враждебной технологии — биороботах, которых тайно производят внутри родной страны, а уж потом поставляют на службу империалистам.

Нет врага хуже изменника. И изменники где-то совсем рядом. Возможно, внешне это даже вполне приличные люди. Учёные. Инженеры. Конструкторы. Его вдруг обуяла невыразимая ярость. Люди науки — те, что призваны двигать прогресс вперёд! Те, на кого возлагаем надежды! Мы, значит, оказываем им доверие, поддерживаем их программы, а они? Производят эту погань, чтобы своих же граждан истреблять? Помогать капиталистам поработать Родину?!

Под левую лопатку будто вонзили раскалённый кинжал. Он остался. Попытался удержаться за трость, но та, вырвавшись из руки, утонула в склизком ворохе опавшей листвы. Едкая боль, словно пламя, захватила плечо, перекинулась на руку. В груди взорвался огненный шар.

Он понял — враг его перехитрил. Зашёл с тыла. Выстрелил в спину.

«Нет врага хуже изменника...» — прохрипел ДЖ и упал, чтобы больше не подняться.

ЭПИЛОГ

Описываемые события происходили в период, когда я обучал внука ДЖ китайскому языку и поэтому регулярно появлялся в доме. Кстати говоря, именно Ваня придумал сокращение ДЖ вместо «дедушка Женья», что для него, всегда наполненного энергией и скоростью, было слишком длинно.

В день исчезновения Дедушки у меня был назначен урок с юным Ваней, однако, зайдя в дом, я обнаружил семью в слезах и в тревоге. Был я с этими людьми и тогда, когда пришло сообщение о том, что тело пожилого мужчины обнаружено в котловане одного из домов соседнего строящегося посёлка.

Довелось мне частично присутствовать и при расследовании обстоятельств смерти моего героя, слышать рассказы многочисленных свидетелей. Кое-что даже попадало в прессу.

Самое охотное участие в расследовании, как ни удивительно, принимали байкеры из клуба «Могучие Волки», хотя они только мельком видели покойного и, в отличие от остальных свидетелей, не вступали с ним в личный контакт. Эти открытые парни многократно и детально описывали «потешного деда», который грозил им с обочины большой палкой; предлагали, если надо, поднять свои контакты при Президенте, обещая по закону «насыпать вдогонку» тем, кто пошёл с оружием против старика («хотя дед и сам разобрался!» — добавляли они).

Тусовщики Данила и Никита давали противоречивые показания. Стройный Даня утверждал, что покойный был высок ростом, крепок торсом, и что по выражению лица его он сразу понял: таинственный пожилой незнакомец собирается совершить нечто грандиозное вроде спасения мира или государственного переворота. Мускулистый Ника, напротив, упирал на то, что старичок был худосочный, по виду слабый здоровьем, обиженный и оборванный, поэтому то, что произошло, не укладывается у него в голове и кажется ему полным бредом.

Предприниматель Бенджамен Махорский через двух переводчиков (с английского на русский и с русского на узбекский) подробно опрашивал своих работников и выступал в качестве свидетеля лично. Рассказывая о дне, когда произошёл инцидент, он пояснял, что этот предательский акт был совершён в его отсутствие и абсолютно для него неожиданно. Он признавал, что в тот злополучный день охрана строительства обеспечивалась лишь «по базовому плану», и что, учитывая внезапность, размах и ожесточённый характер нападения, его структуры не имели ни малейшего шанса на успешное отражение атаки.

Комментируя беспрецедентную победу своих строительных рабочих и поражение рейдеров, устремлял взор к потолку и вскидывал руки, намекая на вмешательство свыше.

Строители Махорского заметно нервничали, общаясь с полицией и журналистами. Единодушно свидетельствуя, что глубоко физически и морально пострадали от агрессии рейдеров (дело, разумеется, сопровождалось перепиской адвокатов и медицинскими заключениями о ранениях от огнестрельного и холодного оружия, а также прочих многочисленных телесных повреждениях), они при этом отказывались излагать юридически приемлемые версии. Неоднократно упоминалась воля Всевышнего, незримое вмешательство Пророка и священность понятия «отец» в культуре разных народов.

Следователи, не найдя в котловане рядом с телом покойного никакого оружия и установив инфаркт в качестве причины смерти, отмалчивались и, подобно Махорскому, делали неясные жесты руками, то разводя их в стороны, то загадочно указывая куда-то наверх.

Дело было официально похоронено, так и не дойдя до суда. Что за стороны сыграли свою роль в той битве и с какого верха могла прийти помощь, так и осталось невыясненным.

...С тех пор с родными моего героя я виделся ещё только дважды.

Первый раз, когда урна с прахом ДЖ была навечно вмурована в кирпичную стену и закрыта чёрной гранитной доской. Второй раз — незадолго до своего отъезда в Шаосин.

К моему большому сожалению, я не застал своего ученика — Ваня уже был на стажировке в Америке.

Несмотря на свою занятость по дому и на тренировках по плаванию, фитнесу и йоге, дочь ДЖ Елена Евгеньевна любезно поведала мне несколько фактов из своего детства и отрочества. Некоторые из её воспоминаний пролили для меня свет на личность её отца, раскрыв его характер и привычки с тех сторон, о которых я до тех пор либо вовсе не подозревал, либо только смутно догадывался.

Зять ДЖ Сергей, по причине неослабевающей загруженности на работе, поговорил со мной довольно кратко, в основном лишь подтвердив уже известные мне факты.

Неожиданную и не вполне полезную прыть проявила соседка — эксцентричная дама по имени Клара Прокопьевна. Та выказывала к ДЖ едва скрываемую неприязнь, постоянно повторяя «царствие ему небесное» и «о покойниках либо хорошо, либо никак». Она то и дело пыталась отвести меня в сторону и нашептать мне на ухо нелецепри-

ятные подробности прошлого ДЖ, который, по её мнению, при советской власти работал в органах (что, впрочем, было совершенно точно не так: после армии и института трудился он скромным инженером-мелиоратором и только ближе к пенсии оказался в Москве на мелкой должности по линии коммунального хозяйства). Клара Прокопьевна не сомневалась, что «старый энкаведешник» был способен на многое и стрелять в кого-нибудь ему наверняка приходилось и ранее.

Наибольшую помощь неожиданно оказали даже не члены семьи моего героя, а его бывшие товарищи по шахматному клубу — причём сделали они это всего парой обронённых за игрой фраз, которые я случайно уловил, гуляя в парке неподалёку от павильона, где проходил их очередной турнир.

— Разбил я тебя, Миш, в пух и прах, можно сказать, в одиночку, со связанными руками и без оружия, — горделиво расписывал свою победу над соперником председатель клуба Анатолий. — Разбил, вот как Женя покойный, царствие ему небесное, армию бритоголовых в соседнем посёлке...

— А я слышал, — отозвался Михаил, — что и не было никакой армии, и не разбивал он никого. Так, люди от нечего делать небылицы плетут.

— Да кто ж теперь точно-то знает... — пожал плечами Анатолий, представляя фигуры для нового сражения.

ОБ АВТОРЕ

Станислав Севельский — литературный псевдоним Екатерины Стрельницкой (*Katia Strelnitski*). Она — лингвист, переводчик, писатель. Родилась и училась в Москве. Несколько лет преподавала на филфаке МГУ, защитила диссертацию по филологии английского языка. Параллельно занималась переводческой деятельностью в США и Европе.

Имеет два гражданства — российское и американское.

Выпустила две художественные книги на русском, сейчас в процессе издания романа на английском.

В связи с войной, развязанной Путиным против Украины, Стрельницкая уехала из России. Живёт в Нью-Йорке, преподаёт в одной из школ.

Гари ЛАЙТ
НЕСОВЕРШЕНСТВО КАК ПАРОЛЬ

---

* * *

Несовершенство как пароль,
будь добр, намеренно изволь,
биограф спишет на юдоль,
затем опешит...
Все увлечения хранит
один большой метеорит,
хотя и он порой хандрит,
и шлёт депеши...
Бесспорно, всё это поток,
какой не узок, не широк,
и потому советов впрок
вполне щадящих...
А дальше — только горизонт,
где в основном — Магритта зонт,
и вести, где пребудет фронт
дел настоящих...
Вся относительность поры
диктует правила игры
в потусторонние миры,
как снилось прежде...
Но только — перевод часов
сулит иной порядок слов
в любви и вере, как основ,
и быть надежде...

* * *

Пришла пора глобальных катастроф,
переиначиваний действий и значений,
где несколько вполне банальных строф
чреваты самосудом отречений...
«Хороших русских» знаю лично и люблю
светло и резко, как «плохой американец»,
но линия прошла по февралю,
и в ней, увы, я украинец-самозванец...
В «вопросах крови» кто захочет, упрекнёт
происхождением всесторонне иудейским,
что в прошлом веке я был вхожим в самолёт,
что следовал вполне московским рейсом.
Что в Переделкино, на Пресне и Тверской
читал стихи, бывал величественно понят,
как некто «с эмигрантскою тоской»,
про это критики и до сих пор долдонят...
Но я родился в Охматдете* зимним днём,
и первые шаги, слова и мысли
случились в Городе, столь выжжено моём,
что без него я и в живых себя не числю.
Хотя американец больше лет,
чем срок в пустыне, данный Моисею,
я не забыл язык, которым Фет
и Батюшков честили фарисеев.
Зачем так вышло, не сумел бы объяснить
ни музе, обнажённой и манящей,
ни тем, с кем выпадало вместе пить
в Париже, в Праге, в Цфате настоящем.
Я больше полувека на земле,
и, убеждённый «в истине всемерной»,
в ставшей Берлином 41-го Москве,
я — как железом по стеклу — ответчу: Скверно

---

* Знаменитый Киевский роддом

вы слушали Высоцкого тогда,
и до сих пор не заслужили Окуджаву,
если ликуете, что бьёт по городам
украинским «великая держава»...
Чума на ваши мысли и дома,
выгнавшим Галича, травившим Пастернака,
не к украинским ли придравшись их корням...
Как буднично по вам не станут плакать...
...Когда возмездие опустится с небес,
согласно Чехову — не может быть иначе,
когда всех бесов — в преступление — главный бес
в слезу ребёнка наказаньем кинет зрячим.
Безухов с привязи учёного кота
освободит, но будет арестован
и больше не возникнет никогда —
запытан, искалечен, замордован...
И вечным странникам, до южной стороны
не долететь, их срежут в небе «грады»,
взлетевшие из проклятой страны
не ведающей меры и пощады...
А Украине провидение воздаст
бинтами снега, возвращённою Тавридой,
но это будет только верхний пласт,
назначенный вселенскою Фемидой...
А нас не спросят, из оставшихся в живых
«хороших русских» и «плохих американцев»,
что мы вносили — состраданье, прозу, стих,
прибор для виденья «Летучего Голландца»...
Велят нам выйти и стоять у старых стен,
пока вершится врачевание Господне,
покуда исчезает жуткий плен
неверия, вражды, тех, кто сегодня
жгут небо и взрывают горизонт,
так, что всё кажется проклятием тунгусским...
к «плохим американцам» снизойдёт
до той же степени, что и к «хорошим русским»...

УТРО — KEY WEST

Убийцы рыб, в рассветном кураже
раскладывают снасти, ждут удачи,
у пеликанов отнимая их уклад,
как и вполне заслуженную пищу.
А место действия — окраинный Ки Вест,
где в ясный день сам остров несвободы
доступен горизонту рыбака,
когда он взгляд перенаправит от блесны.
Русалки дремлют, им уютен риф,
покуда не безумствует светило,
и радио с круизных кораблей
не ранит новостями Украины,
которые сочатся сквозь эфир
под сальсу и ошмётки рок-н-ролла,
попутный ветер реагирует на смерть
порывами, как возгласами боли,
и к рыболовам вдруг приходит страх,
тот, что испытывает пойманная рыба,
тот самый ужас, где удушье и конец...
На рейде появляется фрегат,
который здесь не видели полвека,
русалки поправляют: — полтора,
ну суть не в этом, аномалиям претит
весь антураж рыбацкого досуга,
столь неуместном в эти тягостные дни

* * *

Олегу Николаевичу...

Дождливое лето, скажем — в Брно:
С красивой брюнеткой. Изыски, вино...
Постой, нет — скорей в Братиславе,
на фоне всех тех югославий,

где нами лелеялся лёгкий акцент,
затем исчезающий под жуткий абсент,
лишённый парижского шарма,
как псевдо-московская «шварма».
И если, в сравнение — кириллицы вязь
напомнит словаку случайную связь
со смуглой бейрутской вакханкой,
так жаждущей слыть иностранкой,
что в джинсах без верха глядела в окно,
и все *диалоги немого кино*
на Площади графа Толстого
вернут нас из класса шестого
в конец девяностых. Андреевский Спуск —
бывающий столь романтически пуст,
когда из гостиницы выйдя,
шепнув ей — ты ведьма! Изыди...
Так сильно прижмёшь её губы к своим,
что утром в Борисполе, нем, нелюдим
все прелести венского рейса —
«Клико», лепестки эдельвейса —
отдашь за её отраженье в зрачках,
столь нежно скрывааемых в тёмных очках,
где тщательно спрятаны беды,
кофейня в «Трубе»* и *вьетнамские кеды*...
Вот если в строке захромает размер,
а в ритме и рифме всплывёт, например,
картина словацкого лета
по всем итальянским приметам...
Нам, шестидесятникам с циферкой семь,
совсем не пора уходить насовсем...
А значит, без всяких ироний,
до встречи, брат — на Оболони...

---

* Легендарный подземный переход через улицу Крещатик в центре столицы Украины

* * *

На манеже, славно даже,
те же музы в антураже,
тот же буй на абордаже,
те же свойства атмосфер...
Чуть укоротились пляжи,
глуше перелив адажио,
время отражает кражу,
собеседник — Агасфер.
Улеглись, похоже, страсти,
и всё приторнее сласти,
замполиты всех несчастий
наводнили Вашингтон...
А у негатива в пасти
обнаруживаешь ластик,
и стираешь часть по части,
чтобы он убрался вон.
Всё сошлось у Ежи Леца
невесёлым интермеццо,
в изобилье пряных специй
прикатились времена...
Ни упасть, ни осмотреться,
шарик стал орехом грецким
и нигде не отогреться,
потому что здесь — война.

КНИГИ ПОЗДНЕГО ДЕТСТВА

Опровержение как таковое
даже печалит блаженством,
был ли разведчиком Оле-Лукойе,
или же приспособленцем...
Что в кондуите швамбранском манило,
время, до всех потрясений —
национальность кота как мерило —
фоном болезни осенней.

Был ли у Гашека Швейк идиотом,
или предтечей распада,
ну а француз, слывший славным пилотом,
принца не вывез из ада.
Мебель, наличные, мелочи быта,
плут-комбинатор сюжета,
всё остроумие авторов смыто
лагерной сметой бюджета.
В ретроспективе — книги из детства
всё ещё жмутся по полкам,
цель палачей не скупится на средства...
Значит — в них не было толку.

LADISPOLI VII

Ладиспольский февраль, всех прочих февралей
был мягче и теплей, но все же безнадежней.
Голосовую сталь и фразу — «не жалея...» —
я свежесть этих дней в себе не опорожню.
Стоящий на ветру, у чёрного песка
подросток-ренегат, не в целом и не в общем,
там кофе поутру, как есть, без молока,
ни чёрного — утрат, ни белого, что проще...
Тирренская волна не взыщет ни гроша,
Целан переведён с немецкого до Сены,
и выдано сполна, пусть даже не спеша,
невыбранных времён — невзрачных и отменных...
Ладиспольский февраль, стремительный отсчёт
любовей и смертей, веков и полнолуний,
в аэропорт, и в даль, а там — как повезёт,
в эклектике затей и превосходстве уний.
Покуда снятся сны, а значит — навсегда,
всё будет хорошо, однажды, непременно...
отсчёт — после войны — Ладисполи. Февраль
из памяти звучит:
«... то вместе, то поврозь, а то попеременно»...

НАБЛЮДЕНИЕ

Когда уровень воды в океане
достигает точек всех невозвратов,
вот тогда и происходит цунами
побережьями бездумных охватов.
И на фоне этой доброй картины
неподсудные вершатся затеи,
пересадки рейсов из Аргентины
происходят по сюжету Помпеи.
По количеству — гитарные струны,
предсказания характера прозы
тлеют словно неуместные руны,
или даже слишком смелые позы.
А война, как плащ-палатку, на плечи
столь обыденно накинула осень...
Изо всех её контузий-увечий
объяснима только резкая проседь.
Рыжий кот, вполне уверенный в праве
быть героем всех стихов и эфиров,
созерцает ненарушенный гравий
и в экране подуставших вампиров.
Как всегда, неадекватно на суше
обсуждать капризы волн и приливов,
Лист звучит уже всё глуше и глуше
возле сложенных чуть раньше штативов.
Для различий даже жёсткому диску
не хватило подоплёк в перспективе,
океаны так губительно близко,
что озёрной рады альтернативе

БЫЛЬ

Военный корабль
великой россии,
всей мощью всех жабр
рассекал в море синем.
Маячил на рейде
свободной Одессы,
шикарен был в тренде,
лелеян был прессой.
Грозил Украине
большою бедою,
слыл неумолимым
жестоким героем.
Наводчик Петренко
с утра был не в духе,
и кот его — Пенкин
размялся на мухе.
Потом они вместе
«Нептун» расчехлили,
и русский корабль
был адресно смылен
в контексте — как то
пограничник озвучил,
а Пенкин потом
весь контекст замяучил

ОРЕГОН. МАРТ

Ане

Во время прилива нет смысла шутить с орегонской волной.
Догонит, накроет, заставит дрожать, а затем посмеётся...
Романтики нет в роли мокрого, злого уродца,
который однажды был веткой вершинной, прямой и живой.
Таким пейзажам, как здесь, неуместны холсты,
какое негромкое счастье — всем этим дышать, созерцая,
а может быть, так вот и выглядят контуры рая —

порой лицезреть это чудо, рискнув, приплывают киты.
Слиянье реки с океаном бесстыдно — как опыт в любви —
он влажен в отсвете и как-то нелепо растерян,
порою вот так — навсегда уценённые двери
вдруг ветер прилива откроет случайно, смешно, визави.
От зоны цунами, к востоку, к трамваям ведёт серпантин,
на горных вершинах снега заблудились и плачут,
такие сравнения, в общем, немного и значат,
когда хлещет дождь как насмешка над снегом вершин.
И в город пробравшись мостами над странной водой,
в плену откровений чудес, не свершённых донине,
сюда воротившись из песни, которой потворствует имя,
однажды поверишь, что всё это было с тобой

СТРОКИ ПРО ПОТОМ...

Мне по душе, что даже пусть с трудом,
но всё же обозначится «потом» ...
И вот тогда мы с киевским котом
смиримся с грустным ремеслом пророков...
Вне холода, тревоги и жары,
военных сводок боли и хандры
не станет... Купим вина и сыры,
и вечеринку обусловим ненароком:
И пригласим всех тех, кто был раним,
а также всех сочувствовавших им,
кто верил в то, что выжил Белый Бим,
несовременных, грустных, но отважных.
А там уже пойдёт как повезёт,
нелеп волшебник, сбили вертолёт,
но на Печерске, в Ботаническом цветёт
сирень... И будет рандеву на Пейзажной!
«А остальное всё приложится...» — как пел
поэт страны, где оказались не у дел
все те, кто смерти и позора не хотел,
но там случилось всё обыденно и скверно.

Там за стеной у них пылает, бледен вид.
К ним провиденье не благоволит,
оттуда больше ничего не прилетит,
что, в общем-то, вполне закономерно.
Кот-киевлянин, намяукавшись, притих,
а я, пытаюсь завершить нехитрый стих,
варенье к чаю с облетевших облепих
достал из древнего неброского буфета.
Обычно у оставшихся на чай
преобладает светлая печаль,
вот так и в будущем недавнем невзначай
в январе из августа просачивалось лето

ОБ АВТОРЕ

Гари Лайт родился в Киеве в 1967 году. С 1980 года живёт в США. Окончил Нортвестернский университет (факультеты политологии и славистики), затем юридическую магистратуру.

С 1998-го года состоял в Союзе Писателей Москвы. В 2015-м году принят в Союз писателей Украины. Состоит в ПЕН-клубе.

Публикуется в литературных журналах США, Израиля, Канады, Европы и Украины.

Участник антологий «Строфы Века-2», «Киев. Русская поэзия. XX век», «70. Стихи к 70-летию Израиля». С конца минувшего века в Киеве, Нью-Йорке, Чикаго и Филадельфии в различных издательствах вышло несколько книг автора.

Сборник стихов — «Траектории Возвращений», опубликованный одновременно издательствами в Украине и США, был удостоен литературной премии Национального Союза Писателей Украины им. Николая Ушакова.

В 2020-м году, в США и в Украине, практически одновременно, был опубликован сборник стихотворений Гари Лайта «Confluences» на английском языке. В декабре 2022-го года, в Киеве, и в январе 2023-го в США (Чикаго и Бостон) вышла новая книга автора — «Дологосо», в которой присутствуют стихи на украинском, английском и русском.

Эллайда ТРУБЕЦКАЯ

СТИХИ О ЛЮБВИ

---

* * *

Мы виделись, хоть было и нельзя.
Вдруг встречи эти стали не случайны.
По жизни, как по острию скользя,
отчаянно вступили в нашу тайну.
Мы нравились друг другу всем назло.
Неслись по колесу фортуны вместе.
Из-за меня кому-то не везло,
хоть я была совсем чужой невестой.
Мне — что дышать, что против волн грести.
С обрывов в пропасти бросалась смело.
И не пыталась честь свою блюсти
и, честно вам признаюсь, не хотела.
Как часто, просыпаясь на заре,
в ладонях, точно в омуте тонула,
валялась, обессилев на ковре
и в вечность за собой его тянула.
На перекрёстке всех земных дорог
такой была счастливой как умела.
Никто мне в мире запретить не мог
принадлежать любви одной всецело.
Страшась расплаты, зачеркнул он дни,
и ночи, и рассветы, и закаты...
Что мне осталось? Пепелище, пни...
Позорный столб... И я на нём распята.

* * *

В мельканье дел, нагромождённых в днях,
в безмыслие фраз, в вопросах и ответах
промчалось, как-то незаметно, лето
и отрезвел вечно весёлый Вахх.

В свиданьях, ссорах, праздной суете,
в смятенье снов, то вещих, то напрасных,
теряемое кажется прекрасным...
Но жизнь не та, и мы уже не те.

Ошибок прежних нам не совершить,
не повернуть обратно дней течение.
Лишь по ночам прозрачной, лёгкой тенью
приходят те, которых не забыть.

* * *

Увезу я в твоё одиночество
на машине попутной, под вечер,
моё имя, фамилию, отчество,
мои руки, и губы, и плечи.

Не поверив в дурные пророчества,
появившись незванно, нежданно,
я нарушу твоё одиночество,
дописав продолжение романа.

А устроив всё так, как мне хочется,
возомню, будто можно остаться.
Но глухое твоё одиночество
не захочет с тобой расставаться.

И судьба мне в лицо расхохочется,
а всё время была — несмеяна.
Не поеду в твоё одиночество.
Мне не нужен родник — пью из крана.

* * *

Что знали мы о радостях земных,
живя в каком-то выдуманном мире?
Мы струны сердца передали лире,
чтоб голос лиры нежной не утих.

Что знали о людской мы суете,
о поцелуях и объятьях жарких?
Одежд мы не носили в жизни ярких
и поклонялись только высоте.

О близкие! Вы не судите нас:
грехи земные нам не по карману.
Страницами к прекрасному роману
мы жгли костёр, а он от бед погас.

* * *

Мне дела нет — приедешь или нет.
Досуг ли мне все помнить даты эти.
Так много дел, кроме любви, на свете.
В моей душе горит спокойный свет.

Решенья нет, но и проблемы нет.
Не обо мне толпа теперь судачит.
Твой голос ничего уже не значит.
Я оперу сменила на балет.

Мне дела нет... И вот печали нет.
Решительно забыть тебя пытаюсь.
Дерусь с подушкой, с кем-то отвлекаюсь...
Мне дела нет! И жизни тоже нет...

* * *

Слова написаны и произнесены,
И переведены, и внесены в скрижали.
Бессмертные слова, слова, что крепче стали,
Слова-пророчества. Проявленные сны.
Необъяснимые. Ответ, вопрос, ответ.
И объясняющие тайны мироздания,
Влекущие вперёд сквозь горечь непризнанья
Туда, где слава есть, а счастья с горем нет.
Где нет страстей — давно погашены костры.
Любовь, разлука, флирт — слова-анахронизмы.
Свет преломляется сквозь цензорские призмы.
Настроенный рояль не прячется в кусты.
Там буду тихо перелистывать альбом.
И плакать, и смеяться, и читать всё снова.
И замирая, вслушиваться в тайну слова.
И таять от любви, и капать в рюмку бром.

* * *

Заманю, зачарую, закручу, заверчу,
зашепчу, зацелую, сотворю что хочу.
Нежность щедро растрочу, жизнь до капли отдам,
обвенчаю с удачей и в беде не предам.

Что там с сердцем? Не надо! Будет всё хорошо!
Я вас вырву из ада, а болезнь — в порошок.
Я не стану вам сниться. Поздно в сказку вступать.
Мною вам не плениться, мне цепей не ковать.

Напишу я молитву, но к чему вам слова?
Отворила б калитку — только жжётся трава.
В неизвестность вступаю. Боже! Что впереди?..
И судьбу заклинаю: — Пощади! Пощади!

* * *

Вероятность новой встречи уплывает в бесконечность.
Ирреальность этой связи мне одной лишь непонятна.
Кто последствий не предвидит – тот заплатит за беспечность,
Треснет жизнь, а из осколков не собрать её обратно.
Образумиться не в силах — не решается задача.
Романтические оды на бумагу не ложатся.
Безусловное безумство, ничего для вас не знача,
Есть и пить, дышать и думать, и несчастной не казаться.
Львом котёнок обернулся — приручить не удаётся.
Ястребом жестоким в небо голубь нежный вдруг взмывает.
Еретик, костёр поправший, в голос надо мной смеётся.
Время — лучший в мире лекарь — как лечить меня, не знает.

* * *

Мы встретимся с тобой после дождей,
после снегов, туманов и обманов.
И я тебе ещё желанней стану,
а ты терпимей станешь и нежней.

Мы встретимся, познавши вкус разлук.
И полетит душа тебе навстречу.
Я лет прошедших просто не замечу,
и будет жарко от сплетенья рук.

Сплетенье жизней под конец пути,
после обид, раскаянья, неверья...
И оживут древнейшие поверья,
и не уйти от счастья, не уйти.

И приоткроет нам рассвет глаза,
и под окном ребёнок рассмеётся...
Нам встретиться, любимый, не придётся —
ведь не цветёт погибшая лоза.

* * *

Я была то слезой, то улыбкой
на израненном теле планеты,
птицей Фениксом, крошечной рыбкой,
криком зверя, трубившим рассветы.
Я была ожиданием, разлукой,
перемирием, всполохом лета,
жарким полднем, рождения мукой,
хлебом тёплым, строфою сонета.
Я летала, плыла и ступала,
хохотала, рыдала, любила.
Стать хотела всесильной и стала,
и, казалось, тебя разлюбила.
Только ночи встревоженной звуки
мне победу трубить не велели.
Мы в разлуке. Мы — в вечной разлуке.
Так хотели...

ОБ АВТОРЕ

Эллайда Трубецкая — действительный член Международного сообщества поэтов. Её стихи опубликованы в 20 поэтических сборниках в разных странах мира, а также в различных периодических изданиях. Поэтесса живёт в США с 1993 года. Она — член редакционного совета журнала «Времена».

Борис САНДЛЕР

ЗАРЕЧНЫЙ МОСТ ЧЕРЕЗ ВИЛИЮ

Каждая любовь — первая.

Даже если это последняя любовь.

Авром Суцкевер, «Хволька»

Время слепо. Оно пробирается сквозь эпохи подобно слепым нищим на известной картине Питера Брейгеля. Приехав в Вильнюс и подолгу блуждая по его старым улочкам, я обнаружил, что и сам подобен тем слепцам. Современный город жил своей жизнью, наполняя действительность суетой и шумом, но мой застывший взгляд был устремлён в глухую тоску по прошлому.

В историю нужно вглядываться вслепую, прикасаясь к событиям самыми кончиками пальцев, как читают написанное шрифтом Брайля.

Я приехал в Вильнюс с особой миссией — увидеть через объектив кинокамеры довоенный город Вильно. Ещё в Нью-Йорке, прежде чем засесть за сценарий, я перечитал немало текстов еврейских писателей Вильно. Квадратные еврейские буквы составлялись в строчки и рисовали словесные портреты; я чётко видел их и узнавал. Когда я напряг слух и постарался услышать их голоса, я различил какой-то странный стук, доносившийся из исчезнувшего Вильно. Вначале слабый, он становился всё явственнее. Казалось, будто кто-то сыплет мелкие камешки на мостовую. То выстукивал свой путь в настоящее слепой еврей, главный герой и поводырь моего будущего документального фильма.

В Вильнюс я приехал с кинооператором Кларой. Это была красивая женщина, но женственность в ней была едва различима. Короткая стрижка, неизменные в любое время года джинсы и мужская рубашка — всем своим видом она демонстрировала не только полное равнодушие к женской одежде, но и к женственности вообще. И всё же её пышная грудь, не позволявшая двум верхним пуговицам на рубашке войти в свои петли, белый треугольник её декольте и грациозная шея

волновали моё сознание. Клара ни перед кем не выпячивала, но и ни от кого не скрывала свою ориентацию. Мы дружили с ней уже не один год, и я даже удостоился присутствовать среди немногочисленных гостей на её свадьбе. Однако всякий раз, когда Клара будничным голосом произносила «моя жена», я чувствовал, что моё мужское самолюбие уязвлено, и даже злился.

Всё кинооператорское снаряжение она носила сама, и никакие уговоры помочь ей не имели успеха. В этом упрямстве выражалось её лесбийское эго — не упасть в собственных глазах и не выказывать, не дай бог, женскую слабость.

Весьма скромный бюджет фильма заставлял нас экономить буквально на каждой мелочи. В ткань сценария были вплетены несколько игровых эпизодов. Например, по моей задумке, в ленте время от времени должен был появляться слепой еврей. Собственно, в кадре по большей части должна была находиться его рука с тростью, которой он нащупывал дорогу из нынешнего Вильнюса в исчезнувший Вильно.

Роль слепого я оставил для себя. Он должен был отправиться в путь из той самой точки, где пересекаются улицы Еврейская и Стеклянная. Почему именно оттуда? Потому что на том самом углу, как свидетельствует Авром Карпинович в своей книге «Вильно, мой Вильно», до войны можно было часто встретить слепого еврея, который стоял и ждал, пока кто-нибудь переведёт его на другую сторону улицы.

Водрузив на нос тёмные очки, купленные у местного антиквара, запрокинув назад голову, как это часто делают незрячие, я простёр вперёд руку с тростью и начал двигаться неуверенными шагами, постукивая кончиком трости по выщербленной мостовой. Я крепко зажмурил глаза, чтобы и на самом деле оказаться в полной темноте, но всё равно оставался зрячим. Строгий оператор разнесла мои актёрские потуги в пух и прах.

Стайка любопытных зевак, которых привлекла наша работа, после моих неудачных проб потеряла к нам всякий интерес и начала рассеиваться. Они напоминали покидавших театр зрителей, разочарованных представлением. Уж лучше бы, подумалось мне, я и вправду был слепым, чтобы не видеть своего провала. Но со зрением у меня было всё в порядке, и я заметил, как ко мне направляется высокий худой мужчина в сером измятом костюме. На шее у него болтался нелепый короткий галстук, который, по всей видимости, должным был свидетельствовать о принадлежности этого человека к интеллигентской среде. Приблизившись, он отвесил церемонный поклон и протянул

руку к голове, будто намеревался приподнять в приветствии несуществующую шляпу.

— Николай Игнатъев, актёр, — отрекомендовался пришелец, обдав меня густым перегаром. — Готов содействовать, если не возражаете.

Он подвёл к лицу руку с растопыренными пальцами, заслонив на мгновение глаза. Очевидно, этот театральный жест должен был означать что-то конкретное.

— Чтобы играть слепого, недостаточно, понимаете ли, надеть тёмные очки и шарить перед собой тростью... Как говорил Константин Сергеевич Станиславский, вам должны верить!

Он выхватил у меня тросточку, скрючил набок своё костлявое тело, задрал голову и сделал несколько шагов... От моего прежнего недоверия — «артист... Станиславский...» — не осталось и следа. Если бы мне сейчас сказали, что передо мною один из шести брейгелевских слепых, я бы поверил.

Мы с Кларой переглянулись и поняли друг друга без слов. Николай Игнатъев, актёр местного русского драмтеатра, был утверждён на роль виленского еврея. В тот же день Клара отсняла все эпизоды с этим персонажем. Как оказалось, даже тросточку слепого должна держать крепкая рука профессионала. Большого гонорара Николай Игнатъев не запросил, во всяком случае, бюджет фильма сильно не пострадал.

Старый город тем временем жил своим сегодняшним днём. Я продолжал исследовать его улочки, то здесь, то там увенчанные кирпичными арками, заглядывал в чистые тихие дворы с резными деревянными балкончиками на дремлющих стенах, разглядывал оконца, заставленные цветочными горшками. Выражаясь языком кино, я искал подходящие локации для съёмок. Старый город открывал мне свой сегодняшний облик, но многочисленные памятные таблички на фасадах домов, полуразрушенных стенах, грубых деревянных воротах безмолвно кричали на идише о прошлом: «Здесь жил...», «Здесь находилось...», «Сюда согнали...», «Отсюда повели...». Я останавливался у каждой такой таблички и вслух читал надписи. Я вдруг почувствовал, что должен сделать это именно таким, демонстративным образом, пусть это и звучало, как глас вопиющего в пустыне, или выглядело, как выходка городского сумасшедшего. Мне хотелось, чтобы здешний воздух, давно уже поглотивший последнее эхо еврейского слова, исторг из своей утробы хоть слабый стон.

В то самое мгновение, когда я отчаянно пытался сдвинуть ось прошлого, до меня донёсся голос.

— Этот язык здесь никто не понимает!

Я оглянулся... Передо мной стояла девушка, только перешагнувшая порог своего девичества. Я узнал её в ту же минуту. Она выглядела именно так, как её изобразило лирическое перо поэта. С той только разницей, что не «зеркало луны меж кленовых ветвей», а прохладные оранжевые языки заходящего солнца заколдовали меня.

«Настоящая цыганка. Лицо — коричневое, как торф. В ушах качаются серьги до плеч. Платье — густая тень, усыпанная алыми ягодами земляники, которые так трудно собирать в лесу».

— Ты турист? — слышался очаровавший меня голос.

— Не совсем... Я приехал снимать документальный фильм.

Она недовольно качнула головой, стряхнув бесцеремонные лучики, которые до этого момента качались на её серьгах.

— Документальное... Что за скучное слово. Почему бы не снять фильм о...

— О любви, с Гретой Гарбо в главной роли? — перебил я, поймав себя на мысли, что снова начинаю сопротивляться реальности и втягиваю в мою дуэль юную незнакомку. — Этот фильм показывали в кинотеатре «Пикадилли»...

Я не мог оторвать от неё глаз. Я видел, как мои слова отражаются на её лице и соскальзывают с него, как кусочки иссохшей масляной краски со старой картины. На мгновение зеркало её лица преломила улыбка:

— Пикадилли? Что ты об этом знаешь! Сегодня в Вильнюсе нет кинотеатров с такими старомодными названиями, — она помолчала и вдруг сказала: — Дай угадаю... Ты приехал из Америки.

— Верно... — согласился я, но не поддался. — Из Америки. Но я не совсем американец...

— Это я тоже поняла, ты русский еврей.

— Почему ты так думаешь?

— Ну-у, этот твой идиш... И то, как ты выглядишь.

Да, это была чистая правда... Происхождение всегда накладывает отпечаток на людей. Хочется верить, что моё поколение — последнее поколение еврейских эмигрантов, прибывших с просторов бывшего Союза. Наши дети будут уже избавлены от этого клейма. Вслух я произнёс:

— Теперь я угадаю. Тебя зовут Хволька?

Она изящно провела рукой по пряди волос, заслонявшей, будто чёрным крылом, половину лица, откинула её назад и ответила вопросом:

— Почему именно Хволька?

— Это имя тебе подходит. Оно будто родилось от маленькой волны-хвальки...

— Ты прав... Хволька-Хвалька... Звучит поэтически...

Издавека я увидел, что к нам приближается Клара, нагруженная всем необходимым для съёмки. Я чуть было не забыл, что мы запланировали на сегодня снять несколько эпизодов, связанных с еврейским присутствием в Вильно. Мы хотели побывать на улице Людвиковского, где когда-то был еврейский театр; заглянуть в ресторан «Маркус» между переулком Гаона и улицей Стеклоанной — там любили собираться еврейские актёры и писатели; и, наконец, положить камешек на памятник Виленского Гаона. Мы носились по прошлому города, но время и сам город постоянно вносили коррективы в мой сценарий. Вот и образ Хвольки, словно поэтическая «Скрипкороза» Суцкевера, начал наигрывать свой романтический мотив.

Я познакомил их: «Клара — Хволька, Хволька — Клара!» Они посмотрели друг на друга... В этот момент мой грешный взгляд любовался ими обеими. Хволька это почувствовала и истолковала по-своему:

— Не хочу вам мешать... Я должна исчезнуть...

— Ты нам нисколько не мешаешь, — поспешно произнёс я, испугавшись, что Хволька, так неожиданно воплотившаяся из моей фантазии, на самом деле исчезнет навсегда, как волна в реке Вилии.

— Кстати, — нашёлся я, — может, ты подскажешь нам интересные места в городе? Ты же местная.

Клара меня поддержала: «Отличная мысль».

Хволька смутилась, посмотрела на меня, на Клару и сказала:

— Хорошо... Завтра в это же время на Заречном мосту, идёт?

Свою радость я выразил затасканным американским «окей». Хволька одарила нас одной из своих очаровательных улыбок, которую поэт описал такими словами: «Я позволил бы её зубкам откусить мне палец».

Нам оставалось пять съёмочных дней, в течение которых Клара постарается выхватить из пространства сегодняшнего Вильнюса лики прошлого точно так же, как актёр Игнатъев стуком трости по мостовой пытался пробудить тени вчерашнего Вильно. Испуганные вторжением в их потусторонний мир, эти тени разбегутся, разлетятся, готовые раствориться в сочных красках на фоне городского пейзажа. По ночам они приходили ко мне во снах, двигались, говорили, выразительно играли свои роли — так, как им повелели когда-то виленские мастера слова.

Внезапно я услышал трость слепого. На этот раз она звучала как ба-рабанная дробь. Тьма разорвалась пучком электрического света, выстрелила треском кинопроектора и рассыпалась по экрану...

Кнайпе-ресторанчик «У Велфки». Повсюду столики. В густом спёртом воздухе вспыхивают фиолетовыми язычками проспиртованные проклятия извозчиков. Их братия гужует в дальнем углу. А вот компания еврейских актёров и нескольких театральных меценатов. Во главе стола выделяется грузная фигура Аврома Моревского. Велфка самолично крутится вокруг двух сдвинутых столов, дабы исполнить мицву — набить кишки знаменитого гостя. Голосом миропольского цадика кричит голодный актёр: «Велфке, тащи запечённую утку!» Публика в кнайпе смеётся... Кинокамера выхватывает другой столик. Худое лицо молодого мужчины. Он что-то бормочет под нос. Его густые чёрные волосы взъерошены, как и его мысли. Это Ицик Мангер, он приехал в Вильно из Варшавы. Он уже благословил несколько рюмочек сливовицы, и его бормотание становится громче, тоньше, слова вонзаются в воздух, будто цыганская игла в воск: «Совы блещут фосфором глаз на спящий город...»

Из темноты таращится сова. Она сидит на уличном фонаре, окутанная пелериной тоски. Голова её начинает бешено вращаться, отделяется от тела и летит. Мои глаза прикованы к свиной голове и вслед за ней двигаются всё быстрее и быстрее. Я слышу странный свист. Голова совы начинает расти, покуда не превращается в голову Виленского Гаона. Оказывается, она оторвалась от постамента на Еврейской улице...

* * *

Я просыпаюсь в своём гостиничном номере. Шлейф ночного кошмара постепенно растворяется в утреннем воздухе. Свист в ушах проходит и сменяется мыслью о встрече с Хволькой.

Перехватив кофе и творожное печенье в гостиничном кафе, я направился к Заречному мосту, где Хволька назначила нам с Кларой встречу. Клара, вернувшись вчера после тяжёлого съёмочного дня, сказала, что утром поспит подольше, а на встречу попросила сходить одному. Мы договорились встретиться в полдень в кафе «Русалка», которое располагается как раз недалеко от моста. Сказать по правде, я даже обрадовался этому. Мне хотелось побыть с Хволькой вдвоём — всё-таки она выплыла из моего видения, как тогда из реки Вилии, когда её впервые увидел молодой поэт. И мы оба, поэт и я, были пойманы в «огненную сеть, которая не гаснет в воде».

Я шёл быстро. Поэт не отставал. Несмотря на то, что нас разделяло большое временное пространство, я отчётливо видел его. Я рисовал в воображении лицо поэта по его книге «Читая лица». Иногда мне рассказывали о нём его собратья по перу. Кончиками пальцев, на языке Брайля, я осязал их искренние строки. Они вели меня сейчас на встречу с Хволькой по горбатым улицам города — на большой Шнипишкес, на улицу Стефана и Мясную... *«Он не идёт, он парит. В его фантазии порядок вещей симметрично перестраивается, создаётся заново...»*

Приблизившись к мосту, я обнаружил, что Хволька ещё не пришла. Несколько молодых пар, похоже, туристы, прогуливались вдоль искусно выкованных перил, на которых во множестве висели замки разных форм и размеров. Почти на каждом из них были выгравированы имена влюблённых. Я слышал об этом обычае: местные новобрачные приходят сюда, на Заречный мост, прикрепляют на перила замочек, а ключ выбрасывают в реку. Этот ритуал якобы сулит им долгую и счастливую совместную жизнь.

Больше из желания скоротать время, чем из любопытства, я пошёл по мосту, выхватывая взглядом то один замочек с неизвестными именами, то другой... Они сверкали в лучах утреннего солнца, как рыбки, пойманные в сеть, а покрытые патиной ажурные перила стали казаться мне железной сетью, в которую попались влюблённые души... Мои фантазии прервал голос Хвольки. Вероятно, она обладала редким даром возникать неожиданно, как некий фантом, обретший плоть.

На ней была синяя блузка, облегающая изгибы плеч и талию; очертания обнажённой девичьей груди отчётливо угадывались под тонкой тканью, а через прорезь в модных рваных джинсах виднелось голое колено. В ту же минуту я вспомнил, как молодой поэт, увидев на левом чулке его возлюбленной «спущенную петлю», внезапно ощутил, что эта петля спустила его *«высокие чувства прямо в бездну...»*

Со мной же случилось обратное — дыра на её джинсах так притягивала мой взгляд, что я был готов в неё сам броситься, как в бездну.

Хволька перехватила мой взгляд и рассмеялась:

— Это фирменная дырка, — объяснила она. — Сейчас это модно...

— Да, знаю, — попытался я продемонстрировать свою осведомлённость в сфере моды и сгладить тем самым неловкое начало нашей встречи. — Наверное, эти потёртости и дыры добавляют сексуальности...

Хволька истолковала моё предположение по-своему:

— Эти перила тоже выглядят сексуально, хотя и очень старые... — глаза её вдруг стали печальными, и она задумчиво спросила: — Можно ли запереть любовь, как в клетку, а ключ выбросить?

Она опёрлась локтями на перила и посмотрела на воду. Я сделал то же самое, будто был её тенью. У теней нет голоса, зато они умеют слушать, и я стал внимать её словам.

— Это было в конце лета. Мы втроём купались в реке недалеко отсюда, за связанными из брёвен плотами. Он был с другом, и они напоминали мне двух комиков, которых я видела в «Пикадилли», — Пат и Паташон. Оба, как оказалось, писали стихи. Маленький, Паташон, сыпал импровизированными рифмованными шутками и после каждой такой шутки заливался смехом. Высокий и худой, Пат, выглядел неуклюже, больше молчал и сидел на свежих сосновых брёвнах, опустив ноги в воду. Когда он услышал моё имя, лицо его оживилось, и он, будто поддразнивая, принялся повторять: «Хволька-Хвалька... Хвалька-Хволька». Внезапно он посмотрел на меня изменившимся взглядом, будто видел перед собой не меня, а русалку, которая, как поговаривают, живёт в Вилии.

— Хволька-Хвалька! — почти пропел он и добавил: — Не иначе как ты родилась от волны, потому-то тебя так и зовут, Хволька, маленькая волна... Какая мелодия!

— Выходит, не я тебя привлекаю, а моё имя...

— Нет, ты неправильно поняла... — пробормотал он, поправляя пальцем очки на переносице. Большие круглые линзы в оправе делали его похожим на сову. — Ты мне очень нравишься... Просто... Ты, наверное, знаешь, что за хорошую рифму поэт душу дьяволу отдаст...

В тот же вечер мы встретились с ним у входа в Бернардинский сад. О нашей встрече я рассказала моей подруге Циле.

— Поэты любят цыганок, — стала она поучать меня. — Могу одолжить тебе на сегодня длинные серьги, будешь вылитая цыганка... А косы расплети... И ещё: надень своё красное платье с воланами...

Признаться, мой поэт не сразу меня узнал. То ли потому, что близко-рук, то ли из-за моего цыганского маскарада...

Мы начали встречаться каждый день, в основном, на «нашем месте», за плотами. Он хорошо плавал. От одного берега до другого, туда и обратно несколько раз, и, тяжело дыша после такого заплыва, любил сесть возле меня на траву и прислушаться к шуму Вилии. Однажды я спросила, что он такого слышит, может, как перешёптываются рыбы?

Он рассмеялся:

— Почти угадала, Хволька... Прислушайся тоже, ты услышишь, как река шепчет свою молитву... Она услышала её у евреев, которые приходят сюда каждый год на ташлих... Вилия уносит их грехи и проступки в большую реку Неман... И вот, отразившись эхом от далёких гор, эти молитвы, блуждавшие там сотни лет, вновь возвращаются к этим берегам...

Вечером мы пошли в кинотеатр «Пикадилли» на фильм «Поцелуй», последний немой фильм Греты Гарбо... Мне захотелось сразить моего кавалера, и я решила надеть красивые тонкие шёлковые чулки, которые купила себе моя старшая сестра Бронька... Я надевала чулки впервые в жизни, к тому же тайком и в спешке... Коротко говоря, когда я пристёгивала к поясу левый чулок, на нём спустилась петля... А может, это случилось раньше, и я просто не заметила... Времени уже не оставалось, и я побежала на свидание, утешив себя мыслью, что на улице уже темно...

После кино он проводил меня домой. Ночь дрожала в воздухе. Под впечатлением от фильма мне хотелось поцелуя. Живого поцелуя. Но красавица-блондинка Грета Гарбо вдохновила моего поэта на лирику, и он тихо прошептал: «Над моей головой месяц плывёт, и кто-то играет на нём холодными кровавыми пальцами...»

Мы остановились ненадолго у фонаря. Он посмотрел мне в глаза. Я встала на цыпочки, и мои губы потянулись к его губам. Вдруг я увидела в его глазах удивление испуганного ребёнка... Круглые стёклышки его очков блеснули, будто глаза совы. Мне даже послышалось, как она угукнула... Больше мы не встречались.

...Хволька оторвала руки от поручней, будто хотела тем самым освободиться от нахлынувших на неё воспоминаний. Она взглянула на меня ясными глазами. В голове у меня всё ещё пульсировало её имя, но волны реки уже уносили только что услышанную историю любви. Девушка отозвалась:

— Этот мост ведёт из старого города Вильно в Заречную Республику, или, как мы называем её по-литовски, Ужупис, — моя Хволька в модных джинсах говорила теперь, как гид по современному Вильнюсу. — Ужупис — это гнездо современного искусства и европейского бизнеса...

Долгой прогулки по так называемой Республике Ужупис мы совершать не стали. Там повсюду дышало живое сегодня, где не было места испуганным теням прошлого, случайно забредшим из старого города. Символический шлагбаум на Заречном мосте преграждал им путь. Время подгоняло нас и привело к кафе «Русалка», где должна была ждать Клара. Она уже сидела за круглым столиком и пила кофе.

Я снова в спешке проглотил свой ланч и, оставив Клару и Хвольку в кафе, отправился на встречу с председателем еврейской общины Литвы. О нашей встрече я договорился с ним по телефону ещё из Нью-Йорка. Это была формальная встреча с официальным лидером местного еврейства. По немногочисленным сведениям, обнаруженным о нём в интернете, я представлял его себе таким советским адвокатом, далёким от еврейства вообще и от еврейской культуры в частности. Эти люди преданно служили своей карьере, не вступая в противоречия ни с властью, ни с еврейским происхождением. Всю жизнь державшие нос по ветру, такие казённые евреи в начале 1990-х быстро поняли, что ветер перемен дует именно на еврейской улице. Со своим опытом и связями в высоких кабинетах они быстро заняли ведущие позиции в возрождающейся национальной жизни местных евреев, большинство из которых уже сидели на чемоданах, готовые для выезда за рубеж на ПМЖ.

Наш короткий разговор происходил в уважаемом офисе председателя. Далекое за восемьдесят, осаждаемый болячками, он уже давно должен был передать бразды правления более молодому представителю общины, но подобные ему персоны твёрдо верят, что после них некому продолжить дело, и они последние, за кем затворится дверь.

Он говорил на литовском идише, но вскоре остановился и сказал:

— Мне трудно долго говорить на мамэ-лошн, и так как вы не знаете литовского, а я английского, то будем говорить на русском.

Я не был первым «иностранцем», кто интересовался еврейской жизнью в Литве. Говорил он выдержанно и взвешенно, будто выступал перед присяжными заседателями в суде, не про нас будет сказано. Глубоко в историю он не пускался, но не преминул напомнить, что в 18 веке «Вильнюс стал мировым центром еврейства, во главе с гаоном Элиягу бен Шлойме-Залманом...»

— Литваки рассеяны по всему миру! — с гордостью просвещал он меня — Из Литвы вышли великие музыканты и художники, такие, как скрипач Яша Хейфец, скульптор Марк Антокольский... Вы знаете, что третий премьер-министр Израиля Леви Эшколь учился в Вильнюсе в еврейской школе, а пятый премьер-министр Менахем Бегин начал свой долгий путь в сибирскую ссылку из нашего города?

Он потянулся к графину с водой, и я поспешил использовать паузу, чтобы напомнить о цели моего визита:

— Я снимаю фильм об идише в Вильно...

— Очень хорошо! Вильнюс был мировым центром идиша! Холокост всё уничтожил... Вы, конечно же, поедете в Понары?

— Да, я хотел это сделать завтра...

— Замечательно! — отозвался он. — Если хотите, могу дать вам машину и своего шофёра. Это обойдётся вам дешевле, чем нанимать такси. К тому же водитель проверенный человек...

В дверь заглянула женщина и сказала, что через десять минут у него встреча с представителем канадского парламента.

— Маша, моя секретарша... — познакомил нас председатель. — Она вам всё подробно объяснит.

Я выходил из этого красивого здания, где когда-то располагалась гимназия «Тарбут», с двояким чувством. С одной стороны, меня радовало, что после почти тотального уничтожения евреев в Литве сегодня в независимом государстве всё ещё теплится еврейская жизнь. Точнее, напоминание о том цветущем колене литваков, которыми председатель так хвалился перед иностранцами. С другой стороны, он был типичным представителем той категории евреев, которых советская власть взрастила в своём идеологическом пространстве. «Мустер-йидн» — образцовые евреи. Они заменили собой прослойку евреев, возникшую в царской Российской империи, — «учёный еврей» и «казённый раввин». Так называемый мустер-йид должен был представлять советское еврейство на международной арене. Он расточал официальную чистую правду о свободной жизни советских евреев. Крепкий как стена, он был поставлен на защиту советского еврея против влияния сионизма и буржуазного национализма...

Мне нужно было немного проветрить голову, и в гостиницу я решил идти пешком. Но дорога привела меня к старому крытому рынку. Я подумал: ни еврейских мясников, ни торговков рыбой там теперь не встретишь, а рыба из местных речушек по-прежнему продаётся... Никто не встречает Субботу в Понарах... Мне вспомнился трагикомический рассказ Карпиновича о фольклористе Рубинштейне и влюблённой в него торговке рыбой Хане-Мерке...

До гостиницы я добрался совершенно измотанный. У дверей Клариного номера я задержался. Надо было сказать ей, что завтра в восемь утра мы едем в Понары. Когда я постучался, мне ответил знакомый голос, но не Кларин, и притом на литовском. Удивление мгновенно сменилось замешательством. Дверь открыла Хволька и усмехнулась, глядя на мою растерянную физиономию.

— Клара в ванной, — объяснила она. — Что-то передать?

Я рассказал о планах на завтра и добавил:

— Может, поедешь с нами?

Хволька тут же ответила:

— Нет, спасибо... Туда я ехать не могу...

* * *

Сон вырвал меня из реальности и затянул в свой водоворот. Я снова услышал стук трости слепого поводыря. Я сам пустил его в свой сценарий, и теперь он вёл меня сквозь сюжеты, показывая, где повернуть, а где задержаться. Я неотрывно следовал за ним, отпустив из головы все мысли, как выпускают из трубы печной дым, чтобы не отравиться угаром.

Крики продавцов и покупателей сливаются в многоголосную какофонию. В воздухе некошерно смешиваются запахи парного мяса и молока. Слева от входа крутятся у своих лоханей торговки рыбой. Каждая нахваливает свою — от карпа и судака до плотвы и кильки. Светловолосая девушка с перезрелой грудью перекрикивает остальных: «У чушки щетинка, у рыбы чешуинка!» Разражается смех. Голос одной из торговок рыбой: «Что, Хана-Мерке, думаешь своими потешками потешить старого козла Рубинштейна?» Смех. Хана-Мерке не остаётся в долгу: «Уж лучше козёл, чем такой баран, как твой Гершка!» Смех. К лохани подходит женщина. Заглядывает под жабры — свежий ли карп. Начинает перебирать рыбу. Торговка выхватывает из второй лохани линия и отгоняет хвостом переборчивую покупательницу: «Мадам, купите протухшую, а эта рыба не для вас!» Женщина тоже за словом в карман не лезет: «За свои денежки я уж повыбираю!» Другие торговки рыбой вступаются за подругу. Начинается свара. Вдруг в женский визг вонзается трель свистка, и на месте вырастает полицейский. Я всматриваюсь в него — да это же председатель еврейской общины Литвы. На нем полицейский мундир и казённая фуражка с кокардой. Он свистит и кричит на идише и литовском: «Уймись, жидаи!» Шум становится ещё громче. К женским крикам добавляется плач ребёнка. Рынок окружают вооружённые полицейские. Я чувствую, что кто-то бьёт меня по спине и кричит: «Двигай шустрой, жидан!» Я хочу объяснить, что я не местный, что я американец, пытаюсь вырваться и получаю прикладом по голове. В глазах становится темно... Я просыпаюсь... Смотрю на свои наручные часы — четверть седьмого. Пора вставать.

* * *

Недалеко от гостиницы я увидел тёмно-красную ауди. Как мне вчера объяснила секретарша Маша, машина — иномарка тёмно-красного цвета. Шофёра зовут Вилкас, и лучше говорить с ним по-русски. После

такой исчерпывающей информации я спокойно ушёл из офиса председателя. Мужчина примерно моих лет стоял, опершись спиной на машину. Мы переглянулись, словно бы спрашивая: не меня ищешь? Незнакомец шагнул навстречу. Я спросил у него по-русски: «Вас зовут Вилкас?»

Клары ещё не было. Начался мелкий дождь, и Вилкас предложил подождать её в машине. Клара, появилась не одна. Держа её за руку, рядом шла Хволька. Спустившись с лестницы, они остановились, обнялись и поцеловались. Через пару минут, когда девушка скрылась за углом, я вышел из машины и позвал Клару.

Всю дорогу в Понары нас сопровождал нудный дождь. Настойчиво стучась в лобовое стекло, он будто оповещал о том, что на пороге осень. Дворники исполняли свой ритмичный танец, открывая вид на мокрое серое шоссе, по обеим сторонам которого, словно стражники, стояли густые высокие сосны.

На заднем сидении тихо посапывала Клара. Я притворился, будто не знаю, что Хволька ночевала у неё. Я стал случайным свидетелем лесбийского адюльтера — их взаимоотношения так же беззащитны перед страстями, как и в обычных гетеросексуальных парах. Я сидел около Вилкаса и прислушивался к тому, что он говорит. Вопреки распространённому мнению, что литовцы молчуны, Вилкас был исключением. Мы принадлежали к одному поколению, выросли и воспитывались в одной большой стране, хотя на Литву и на две другие прибалтийские республики, Латвию и Эстонию, советские граждане смотрели как на зарубежный Запад, который лишь по нелепой случайности оказался в составе СССР. Вилкас окончил в Ленинграде престижный институт физической культуры имени Лесгафта и до пенсии отработал в Вильнюсском университете на кафедре физкультуры.

— На мою пенсию сейчас, понятно, не проживёшь. Вот и приходится на старость лет, так сказать, шоферить. Дядя Семён, главный еврей Литвы, — мой сосед, подкидывает мне время от времени работёнку, вожу его зарубежных гостей. В Понары могу с закрытыми глазами добраться.

Единственный сын Вилкаса учится в Лондоне, и родители почти уверены, что на родину он не вернётся.

— Сегодня Литва стала западной провинцией, и молодые здесь не задерживаются. Им уже мало той свободы, которую Литва получила в 1990-м.

Вилкас говорил о наболевшем. Среди других обид на «русских оккупантов» он вспомнил историю про тестя, который в молодости был

«партизаном», «борцом за свободу Литвы» в конце 1940-х, воевал против Советов, за что потом попал в ГУЛАГ... Слушая его семейную историю, я вспоминал о своём отце, светлая ему память. Он тоже в молодости сражался в этих лесах, но как солдат Советской армии. Хороший сюжет для нового документального фильма...

Зелёный коридор из деревьев привёл нас в Понары. Вилкас остановился на широкой парковке и остался в машине ждать, пока мы закончим съёмку.

Погода соответствовала нашему настроению, но не подходила для работы. Клара надела на камеру специальный непромокаемый пластиковый чехол и отправилась на площадку. Я остался один, в окружении старых высоких сосен. В свои юные годы они были свидетелями ужасной резни. От их могучих стволов отражались крики женщин, детей, мужчин и приглушённым эхом возносились к небу.

Теперь лунными ночами их кроны перешёптываются друг с другом, и в звёздном небе слышатся имена и прозвища виленских еврейских мальчишек: Мотька-пряник, Зямка-зеркальце, Меерка-коза, Абрашка-трещётка, Хаимка-лакомка...

Послышался звук грузового поезда. Он становился всё громче и громче. Меня отделяла от него густая стена из деревьев, я мог лишь слышать стук колёс. Но вот железный лязг постепенно стих в сыром воздухе. В сентябре 1941-го сюда пригнали из Вильно первые две тысячи евреев. Может, среди них была и Хволька-Хвалька.

Здесь, под одним памятным камнем покоится еврейский Вильно. Целое колено литваков осталось здесь, на полях Книги вечности, закрытой на семь замков, семь ключей от которых, надетые на кольцо, висят, как мезуза, справа от ворот, ведущих в рай...

* * *

В Нью-Йорк мы возвращались из Варшавы. Ночным рейсом. Клара сидит чуть впереди меня и, наверное, спит уже. У неё хорошие нервы. Мои же нервы напряжены, может, поэтому я не могу уснуть. Вглядываюсь в иллюминатор. Небо чёрное, а звёзды большие и белые, как их воспел поэт: «Под твоими белыми звёздами протяни мне свою белую руку». Яркий звёздный свет ослепляет меня, но через пару мгновений зрение вновь становится ясным.

Комната в трёхэтажном доме на улице Каштановой в Вильно. Невысокого роста мужчина с горбом спереди и сзади, они делают его похожим на карлика. На голове у него ермолка. Норберт — так его

зовут — учитель математики в школе, где учится юный поэт. Норберт увлечённо пишет и рисует, он создаёт свой вечный еврейский календарь. *«Такой, чтобы по нему можно было узнать, на какие дни в течение миллиона лет будет выпадать, например, Пурим».*

Сегодня к Норберту пришёл его любимый ученик, юный поэт. Он рассказывает ему короткую историю своей любви к Хвольке и просит растолковать:

— Может, мою любовь убила спущенная петля на Хволькином чулке?

Норберт перестаёт чистить картошку и говорит, тыча ножом на стену:

— С этой свечи на кирпиче тоже спускается петля. Вот она. И что же, я должен возненавидеть свечу и потонуть в темноте? Иди сюда! — он берёт своего ученика за локоть, подводит к окошку и открывает его. — Выгляни-ка. Внимательней смотри, во все глаза. Что ты видишь?

— Вижу, как падает звезда.

— С чего ты взял, что это звезда? Это тоже петля, спущенная на космическом чулке, чтобы наверху осталась лишь нагота духовности...

Я где-то прочитал, что прежде чем учитель Норберт оставил свой дом 7-го сентября 1941 года, он успел спрятать свой вечный календарь. Может, он и по сей день лежит где-нибудь, замурованный среди кирпичей, словно безжизненный Голем, запёртый на чердаке Староновой синагоги в Праге.

Перевела с идиша Елена Сарашевская

ОБ АВТОРЕ

Борис Сандлер, известный еврейский прозаик, родился в 1950 году в городе Бельцы. Был профессиональным музыкантом, работал на молдавском телевидении, где вёл программу на идише «На еврейской улице».

В 1992 году Б. Сандлер репатрируется в Израиль. Работает в Еврейском Университете; возглавляет издательство «Лейвик-фарлаг» и издаёт детский журнал «Кинд-ун-кейт».

С 1998 по 2016 г. — главный редактор газеты «Фовертс». Издал 15 книг прозы и стихов. Его произведения переведены на русский, английский, немецкий, французский, иврит и другие языки. Лауреат ряда престижных премий в Израиле, Канаде и США.

Живёт в Нью-Йорке.

Марк ПОЛЫКОВСКИЙ
ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

Тишь и благодать

Сегодня утром тишь и благодать,
ни дуновенья ветерка, ни звука,
взмахнуть бы крыльями — и птицей стать,
кружить над миром, зная, что разлука

с землёю не на век, не навсегда,
что крылья через час скуёт усталость,
и что опора лишь тогда тверда,
когда жива надежда, а не жалость.

Покой и тишь над миром, над землёй,
покой в душе — и мыслей вихрь крылатый,
и кажется, что край их — непочатый,
а ты бреди, знай, торной колеёй.

Бреди и знай: не меркнет свет надежды,
как солнце утром, как луна в ночи,
как ангельские белые одежды,
как в сумраке дрожащий луч свечи.

Покой и тишь, прозрачны небеса,
сегодня их ничто не потревожит,
и что с того, что день ещё не прожит, —
случаются на свете чудеса...

ГОРОД ДАЛЬНИЙ

В дыму, во мгле синее город дальний.*
Я был там, но всего лишь раз — пред тем,
как покидали навсегда Россию...
Я помню этот город на Днестре:
Крещатик и Владимирскую горку,
лотки с солёными каштанами, толпу,
плакаты с непривычным «НЕЗАЛЕЖНІСТЬ» ...
Ещё запомнился огромный зал,
в котором слушали «поющего раввина»,
известнейшего Шломо Карлебаха,
объехавшего с песнями весь мир.
Зал был битком. Евреи, украинцы
и русские, — тогда все были вместе
и дружно хлопали хасиду Карлебаху...
Минуло больше трёх десятилетий
с тех пор, как мы покинули тот край,
разъехались — кто в Штаты, кто в Израиль,
но многие друзья остались там,
живут в России или в Украине,
и бывшие друзья теперь враги —
не все, но многие, и это страшно.
Да, это страшно, потому что власть
не может, не должна влиять на дружбу,
не должен сумасшедший недоумок
в своей убогости упорно сеять рознь,
неверие, и страх, и лизоблюдство.
Россия, в эти дни я не с тобой,
но с городом, где был всего однажды, —
синеем в дыму, в дымах и взрывах...

---

* Строка из сонета «Весенний ветер мартовского утра...» (1915) Валентина Катаева (1897–1986).

РОМАШКА

Ромашки отрывистый чёт и нечет*
 понятнее был, чем бессвязные речи,
 когда назначали с девчонками встречи
 у клумбы центральной в саду городском,
 потом, взявшись за руки, шли по аллее,
 и щёки подруги, как розы, алели,
 а я становился ромашки белее,
 её обнимая за плечи тайком.

Ах, эта ромашка с её лепестками!
 Один за другим обрывая руками,
 «Любим или нет?» — впрочем, знаете сами,
 вы тоже шептали подруге вослед,
 а после оборванный жёлтый кружочек
 бросали на вами примятый лужочек
 и снова пытались — последний разочек! —
 вдруг выпадет этот «счастливый билет» ...

Ах, детство! Мы верили в «чёт или нечет»,
 и в трели, что нам воробей нащебечет,
 и слушали, что нам кузнечик кузнечит, —
 и всё это был удивительный мир
 любовей навек и навек — расставаний,
 прощания с детством и переживаний,
 и веры, что нет на земле расстояний,
 чтоб нас не связал хоть зенит, хоть надир.

Нас всех разбросало по свету. Ромашки
 всё так же цветут на лугах, и букашки
 всё те же, и те же на коже мурашки,
 когда лепестки обрываем и ждём,
 что скажет ромашка нам: «Любит? Не любит?» —
 и снова, как прежде, ком к горлу подступит,
 подруга глаза, как и прежде, потупит, —
 и возраст, скажу вам, совсем ни при чём.

---

* Строка из стихотворения Иосифа Бродского «Эклога 5-я (летняя)» (1981).

Вид из окна на пригорок

Гляжу в окно и вижу пред собой
неспящий дом за пальмовым пригорком,
но зубчатый гранит карельских скал,
заросших мхом. Далёко под обрывом
гладь озера — и мачты сосен, ели,
зелёным неистёршимся ковром
простёршиеся вплоть до горизонта,
сливаясь с ним в единую черту.
Когда-то много лет тому назад
я исходил там каждую тропинку
и нёс на дачу полную корзинку
боровиков. Карельский лес не сад,
в нём тропки упираются в болото —
не топкое, на кочках среди мхов
семейки крепеньких моховиков,
но после белых брать их неохота...
Гляжу в окно, видение пропало,
вновь пальмы на пригорке, тишина,
тяжёлая жара, автомобили —
и те не нарушают мой покой
шуршаньем шин по ровному асфальту,
угасший ветер не колышет крон
деревьев, молча замерли кусты,
нет ни прохожих, ни детей, бегущих
по травке на полянке взапуски.
Жара не вяжется с осенним днём —
в год високосный всё не по-людски,
и кажется, не осень за окном,
но лето. Впрочем, это ерунда,
и день короче, раньше вечереет,
и, как всегда, за вторником среда,
а к пятнице погода подobreет,
хамсин спадёт, подует ветерок,
и облака по небу чередою
потянутся в далёкие края,

а там и дождик смочит мостовые,
и снова, как всегда, нахлынет грусть,
и я пойму, что наступила осень,
и вновь рука потянется к перу,
верней, к клавиатуре и дисплею...

КУКУШКА

Кукушка куковала о своём —
кукушечьем, земном и повседневном,
она не разливалась соловьём,
лишь разносила весть о мире бренном,

оповещая лес своим «Ку-ку»,
помноженным на месяцы и годы,
живите, мол, но будьте начеку,
мол, каждому у матушки-природы

на всё определён свой день и час,
для каждого — нехоженые тропы,
ведущие, быть может, на Парнас,
а может, в край, где правят остолопы...

Кукушка куковала о своём —
недолго, смолкла вдруг на полуслове.
Ни звука. Онемел весь окоём —
кусты и травы, каждое гнездовье,

луна застыла где-то в небесах,
невидимых за кронами деревьев,
лишь время на космических часах
струилось из созвездья Водолея,

отмеривая каждому свой срок —
и мне и даже той лесной кукушке,
и я замечу мельком, между строк:
«Друзья, держите ушки на макушке!»

БОГ ВРЕМЕНИ

Бог Времени меня зовёт к себе,
Его призывы слышу в звоне капель,
И в зычных криках перелётных цапель,
И в завываниях в печной трубе.
Я звуки эти слышал, но давно,
Они ко мне сквозь время возвратились,
Но изложить на языке кириллиц
Мне откровенья эти не дано.
Пространство-время звуками полно:
То слышу стрекотание синицы,
То ночью тёмной скрипнут половицы,
То щёлкают костяшки домино,
А то забарабанит дождь по лужам,
Шуршанье шин по мокрой мостовой,
И трель свистка озябший постовой
Шлёт всем заблудшим и безгрешным душам, —
И в нём я слышу зов былых времён,
Призывный голос звёздных циферблатов,
В отчёте смен восходов и закатов
Перечисленье праведных имён.
Бог Времени, я слышу голос твой
В шуршанье жёлтых листьев под ногами,
С обременявшими меня долгами
Я расплачусь осеннюю листвой,
Её багряно-золотым дублоном,
По прихоти твоей недолговечным, —
Позволь же быть, как в юности, беспечным
И, как прогнозы, неопределённым.
Бог Времени, я знаю, мы сочтёмся
И свидимся. Куда б ни вёл мой путь,
Он приведёт к тебе — когда-нибудь, —
Омоемся росой за знакомство...

В ЭТОМ ГОРОДЕ

В этом городе пусто и жутко без грёз,
В этом городе снега как будто не видели вовсе,
Разлохматились по ветру девичьи косы —
Под набатную музыку мартовских гроз.

На дрожащем мосту через море мечты
Я ловил в этом городе мартовский воздух,
Промелькнувшим прохожим в немыслимых позах
Удивлялся — и плакал, что это не ты.

Не броди ты за мной по пятам, пилигрим,
Нет в блужданиях моих никакого порядка,
В этом городе жизнь бессловесна и кратка,
Этот город весенний — не Вена, не Рим...

В этом городе грозы гремят без конца,
И дожди заливают и сердце, и душу,
Я — один на Земле и, наверно, не струшу,
Если вдруг ты коснёшься ладонью лица.

В этом городе в марте взорвалась сирень,
Здесь бренчат переливчато звуки капли,
Запах марта смешался со звоном апреля,
И кружится в моей голове дребедень.

А на озере густо гудит теплоход —
В этом городе поздних сиреневых вёсен,
Я вхожу в этот город задумчивых сосен,
Только сосны не те, да и город не тот...

ЖЁЛТЫЕ ЛИСТЬЯ

Мне б в жёлтые листья,
Мне б в жёлтые листья
Вглядеться осенней порой,
Заря золотая над морем струится,
Плывут облака над горой,

Цветут по заборам кусты бугенвиллей, —
Так, значит, не осень — весна
Вошла в этот город без лишних усилий,
И снова по морю без сна

Кружит — или кружит — смешной парходик,
Как жёлтые листья в саду,
Там речка журчит, там есть сказочный мостик,
Я жил там в осеннем бреду,

Когда наступала пора листопада,
И клён обнажал свою суть,
А следом — зима, для кого-то услада,
Но не для меня, — только жуть,

Да, жуть и несчастья, пурга и морозы,
И всё, как в забытом кино,
Всё — чёрное с белым, веселье сквозь слёзы.
Давно это было, давно...

Всё в мире смешалось, как в доме Облонских,
И стрелки бегут на часах
В далёких краях — украинских и польских,
В дремучих карельских лесах.

Как жить в этом мире,
Как жить в этом мире,
Где каждое слово — враньё,
Нет сил различать в этой чёрной палитре,
Где ласточки, где вороньё.

Мне б в жёлтые листья,
 Мне б в жёлтые листья
 Одеться осенней порой, —
 Как клён золотистый,
 Как клён золотистый
 За дальнею синей горой.

ЗВЕЗДА ТРЕВОГИ И ПЕЧАЛИ

В ночи ко мне в окно пробился свет
 из дальней неизведанной Вселенной,
 он мчал и мчал сюда сквозь бездну лет
 и нёс следы той жизни — довоенной.

Свет по стене плыл маленьким пятном,
 тянулось время без конца и края,
 нет, я не спал, я думал об одном,
 что жизнь — всего одна, что жизнь вторая —

лишь вымысел. Посеявшему тьму
 тирану не понять — не по уму:
 во времени-пространстве бесконечном
 его никто ни на одном наречье

ни словом не помянет никогда.
 Свет на лучи дробится в дальней дали,
 и в небе меркнет, гаснет без следа
 звезда моей тревоги и печали...

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

Зима, мороз, невидимые ели,
тоска такая, что уже невмочь,
но, слава богу, отмели метели,
и вызвездила северная ночь,

и что с того, что нервы на пределе, —
ещё сильнó упрямство превозмочь
тоску-печаль, не спрятаться в постели,
но ждать, и ждать, и не уехать прочь...

И вдруг взыграли на́ небе сполóхи, —
не хватит слов, здесь все сравненья плохи,
чтоб описать сиянье в небесах:

восторг, и трепет чувств, и ликова́нье
души, познавшей смысл существова́нья
вне времени — без стрелок на часах.

МОЛИТВА

Эль Мале Рахамим, Милосердный мой Боже,
Хлеб насыщенный с игристым вином даждь нам днесь!
Кто Аз есмь? Видишь сам, я обычный прохожий,
Устремлён в Никуда из привычного Здесь.

Говорят, исцеляешь слепых, прокажённых,
Направляешь безумцев на праведный путь,
Усмиряешь дурное в мужьях или жёнах
И даёшь успокоенным мирно уснуть.

Ничего не прошу для корыстной утехи,
Есть жильё, и хватает на хлеб и вино,
Безразличны мне лавры, триумф и успехи,
Я довольствуюсь тем, что Тобою дано.

Я прошу у Тебя, Боже мой Милосердный,
 Запечатая глаза, затвори мне уста,
 Если мыслить откажется ум мой усердный,
 Если вдруг вместо слов — лишь одна пустота.

Дай остаться собой до последнего вздоха,
 Не лишай меня рифм, не лишай меня слов,
 Хоть я знаю: ушла безвозвратно эпоха
 Упоительных грёз и пленительных снов.

Эль Мале Рахамим, Милосердный мой Боже,
 Дай ещё побродить по просторам земным
 Под унылым осенним дождём, в бездорожье,
 Эль Мале Рахамим, Эль Мале Рахамим...

ОБ АВТОРЕ

Марк Польшковский — поэт, переводчик. Окончил физико-математический факультет Петрозаводского университета, затем — институт патентоведения в Москве. Заведовал патентным отделом в Карельском филиале Академии наук.

В 1991 году репатрировался в Израиль. Живёт в Ашдоде.

В 2009 году выпустил первый сборник стихов «Ашдодский дневник».

Вслед за ним вышли в свет более 10 сборников стихов и переводов с английского. Печатается в журналах Израиля и за границей. Был литературным редактором издававшегося в Ашдоде журнала «Начало».

Марина ТЮРИНА-ОБЕРЛАНДЕР «ТЕБЯ МНЕ ПАМЯТЬ ВОЗВРАТИЛА...»

Книга воспоминаний о Давиде Самойлове; [сост. и коммент. А. Д. Давыдова и Г. Р. Евграфова, предисл. А. С. Немзера]. — Москва: Центр книги Рудомино, 2023. — 448 с.: илл.

Писать рецензию на книгу Поэта — дело неблагодарное. Любая рецензия — это восприятие Поэта сквозь призму собственного «я». А писать рецензию на воспоминания о Поэте — дело неблагодарное вдвойне. Особенно если он тебе мало знаком. И здесь два выхода: один — принять на веру всё, что сказано о нём и проскочить «по верхам», или открыть Поэта для себя, пусть с запозданием, но вникнуть в суть его самого, его творчества и в какой-то, хотя бы неполной, мере, его жизни. И если не влезть в его душу, то прикоснуться к ней лёгким ненавязчивым касанием.

Каяться я не буду, но в силу времени и обстоятельств, в которых я росла и жила, творчество поэтов военного поколения, то есть, рождённых на изломе двух систем нашей многострадальной страны и завершивших свой творческий путь на другом её изломе (а годы жизни Давида Самойлова 1920–1990), прошло для меня стороной. Воспитанная на лучших образцах отечественной и зарубежной классики, впитавшая в себя всю мощь золотого и серебряного поэтических веков, в годы взросления я отдалась новым веяниям шестидесятых и начала семидесятых. На моём письменном столе в школьные годы соседствовали Пушкин и Лермонтов, Блок и Пастернак, Ахматова и Цветаева, Байрон и Шелли, Лорка и Рильке. Позже появились Евтушенко, Вознесенский, Ахмадулина. А уже в университете я познакомилась с Буричем, Куприяновым, Витковским, которые и стали моими живыми и непосредственными наставниками.

Из собственно «военной» поэзии остались в памяти «Жди меня», «Сороковые, роковые», «Василий Тёркин» и, конечно, впоследствии,

всё «по теме» Высоцкого и Окуджавы, которое не печаталось, но пелось и потому накрепко запоминалось. Вот «Сороковые, роковые» и запомнились мне в связи с именем *Давид Самойлов*. Запомнились даже не по первой строфе, а по последней:

*Сороковые, роковые,
Свинцовые, пороховые...
Война гуляет по России,
А мы такие молодые!*

И мы были такие молодые, рождённые уже после войны, и мы хотели жить, не оглядываясь на её ужасы, и радоваться молодости. Если бы я только могла предположить, что Самойлов об ужасах не писал, а писал совсем о другом... Но осознание эпохи, в которой тебе довелось жить, приходит с опытом, а какой опыт у нас, подростков, был в шестидесятые, когда поэт только начал печататься? И не лез напролом, раздирая тернии, а скромно и последовательно делал своё дело, зарабатывая очки на переводах и стараясь никого не обидеть. Он не был «популярен» или, как говорится, «на слуху», не гремел на чтениях в Политехническом и на стадионах, первую книгу собственных стихов увидел напечатанной почти в канун сорокалетия. И у него сразу появилась аудитория. Немногочисленная, но искренне принявшая и оценившая его как поэта. Увы, не моя.

Жалею я о том спустя годы? Нет. Потому что понимаю: тогда я его оценить не смогла бы.

Потом, позже, услышала песню «Память», получившую в 1976-м титул «песни года». И опять-таки, простите за тавтологию, врезались в память последние строки:

*Шумит, не умолкая, память-дождь,
И память-снег летит и пасть не может.*

И всплыли они, когда книга воспоминаний о Поэте (хотела сказать, легла на мой стол, но вовремя спохватилась) высветилась на экране моего компьютера. Книга называется «Тебя мне память возвратила». ПАМЯТЬ. Ключевое и колдовское слово. В нём и истина о произошедшем, и наворот чувств и картин, звуков и ощущений. Именно это мне и предстояло вобрать в себя при чтении книги и «переварить», поскольку путь «по верхам» я отбросила с первой страницы. Вспомни-

нающих было 23. Число нешуточное. И список имён весьма внушительный, среди которых Александр Городницкий и Юлий Ким, Евгений Евтушенко и Игорь Губерман, Михаил Козаков, Вениамин Смехов, Семён Лунгин...

Но давайте по порядку. Отдадим дань аннотации: «В книге впервые собраны воспоминания о Давиде Самойлове (1920–1990), одном из крупнейших русских поэтов второй половины XX века. Кроме того, он был и одной из наиболее ярких личностей своего времени, связанный судьбой с многими своими выдающимися современниками. Однако в сборник включены не только мемуары знаменитостей, а и просто близких ему людей — друзей, учеников. Собранные воедино, они создают объёмный образ этого большого поэта. Это будет отнюдь не скучное чтение, учитывая блестящее остроумие Самойлова. Большинство авторов приводит его многочисленные меткие шутки, эпиграммы, юмористические послания в стихах. Нет сомнения, что книга заинтересует широкого читателя»...

Не знаю, насколько я широкий читатель, но книга меня не просто заинтересовала. Она меня захватила. И пусть любезный читатель простит мне мой, может быть, несколько специфический набор акцентов, но я пишу о том, что захватило меня больше всего. А объять необъятное невозможно.

Начав читать книгу, в воспоминаниях старшего сына ДС Александра Давыдова (он же один из составителей) я наткнулась на слово «срединность» и поразилась этому определению места отца в поэзии его времени. Вот что он пишет о переломе в творчестве ДС лет за 15 до его смерти: «Он уже не вдохновлялся собственным ярким образом, тот теперь не соблазнял его своей обаятельной срединностью».

И дальше: «Отец сумел принять выпавшую ему войну, пропустив её сквозь романную призму Великой литературы. И свою последующую жизнь он планировал как длинный, полный драматизма, но всегда устремлённый к благополучной развязке роман воспитания».

В отцовской душе рано вызрел пригодный для обитания мир. Что это как не благодать? А может быть, свойство всего поколения, точнее, наиболее стойкой его части. Обречённые жить в самой сердцевине дьявольщины, рядом со смертельной заразой, они не подцепили роковой болезни, разве что, незначительные душевные хвори. Бездонность зла осталась как бы вне их понятия. Их литература не породила гения, даже гения зла, осталась срединна, заслонив социальным инфернальное. Они будто бы старались заклясть сатану средствами, пригодными

лишь для мелких бесенят. Им чужда и бездонность добра, подменённая опять-таки срединной порядочностью».

И своих учеников «он добросовестно пытался умудрить в срединном слое и ценил одарённо-удобных из них, прилежно усваивавших срединные уроки. Мне же всегда казалось, что сознание европейца требует другой педагогики — не «повтори», а «опровергни». Опровергавших отец не жаловал и отстранял от себя, забывая простую истину, что талант всегда ближе непохожему таланту, чем самое добросовестное эпигонство».

Об одном из одарённо-неудобных замечательно написал в своём искромётном очерке Игорь Губерман, которого ДС попросту выгнал со своего переводческого семинара, что не помешало обоим в дальнейшем стать добрыми друзьями. ДС попросту спас Губермана, приютив его в своём доме в Пярну после отсидки последнего в лагере по ложному обвинению.

Сопоставление с похожим эпизодом из моей собственной биографии напросилось само собой, но сейчас речь не об этом. Что удерживало ДС, в высшей степени порядочного, бескомпромиссного человека и писателя, в этой «срединности»? А ведь, по большому счёту, ряд его поступков явно выбивается за её рамки и внушает не просто уважение, но и восхищение, как, например, негласный выход из партии после окончания войны, подписи протестных писем в защиту Даниэля и Синявского, а потом Гинзбурга и Галанскова, стоившие ему рассыпанного набора готовившейся к печати книги... Может быть, в силу его подспудного желания «никого не задеть и не обидеть»?

Вообще воспоминания Александра Давидовича хочется цитировать бесконечно, но я не буду отнимать у читателя удовольствия прочесть их целиком, без купюр. С моей точки зрения, это наиболее интересная глава в книге, где автор, сам ставший писателем — моего поколения (р. в 1953) — делает попытку постичь духовный мир отца в процессе его становления, развития и заката. Образно назвав жизнь отца «романом воспитания», он последовательно разбирает его по «главам», умело расставляя акценты.

Чтобы не быть голословной, несколько коротких цитат я всё же приведу.

«Конечно, судьба Отца видится благополучной в сравнении с другими литературными российскими судьбами. Войну прошёл с од-

ним нетяжёлым ранением. Тюрьмы избежал, которая совсем уж была рядом, когда его вербовали в стукачи. Но вовремя умер тиран. Дождался славы, нисколько не поступившись собой. Даже наше угрюмое государство в конце концов пошло с ним на мировую, удостоив пары наград. Вдохновляющий пример, и впрямь роман воспитания. И всё же, могу удостоверить, сколь невыносимо тягостной была его удачная судьба. Завидовать нечему».

«Отец сам признавался, что разлюбил своё настоящее. Думаю, ему пришлось собрать всё мужество, чтобы прожить, точней, стерпеть проживание тягостной жизни после жизни. Роман был завершён и, оказалось, что он не нуждается в эпилоге».

Грустная сентенция, право. Но сын недалёк от истины. По времени, получается, что ДС достиг пика своего творчества к середине 70-х. А дальше мучительные поиски нащупать новую тропу в разлившемся болоте морока, поскольку прежняя растворилась в тумане неопределённости. Его переезд в Пярну в 1976 году явился своеобразной внутренней эмиграцией, компромиссом с реальностью, жить в которой становилось всё невыносимей, но вне которой он своего существования не представлял. И друзьям не советовал. Давал добро только в случаях угрозы неминуемой тюрьмы или лагерей. И, радуясь за тех, кто смог обрести себя и утвердиться в иной реальности, горько скорбел о тех, кто не прижился...

Здесь я должна взять паузу и попросить прощения у любезного читателя за столь длительный пикник на обочине первой главы. Больше я себе такого удовольствия не позволю. Сделаю ещё два небольших привала на вызвавших у меня не меньший интерес двух главах, совершенно отличных как от первой, так и от остальных.

Вторая глава воспоминаний написана филологом Вадимом Баевским, исследователем творчества ДС и ставшего его близким другом. А поскольку я и филолог, и поэт в одном лице, то, надеюсь, мой интерес и понятен, и оправдан. Ведь ДС начинал своё образование в знаменитом довоенном ИФЛИ, предшественнике гуманитарных факультетов МГУ, в том числе филологического, где мне довелось учиться на 30 лет позже. Учёба его была прервана войной, и он институт не закончил, как говорится, по собственному желанию, обусловленному другим,

с его точки зрения, более важным, а именно, покинуть ряды компартии, в которую он вступил то ли на фронте, то ли ещё в институте.

Прозрение наступило после войны. По словам Баевского, в жизни ДС не было тяжелее времени. «Горько было и грустно. Фашистов уничтожили, а дома гнёт и демагогия». Но, будучи по природе своей человеком жизнелюбивым и стихийно-жизнерадостным, обладающим поразительным чувством юмора, ДС выстраивает свой мир — литературный — в котором пытается ужиться с самим собой и своим талантом. В этой главе открывается многогранность творчества поэта, ведь он писал не только «короткие» стихи, но, справедливо считая себя «потомком пушкинской плеяды», уютно чувствовал себя и в поэмах; сочинял драмы и детские песенки, сотрудничал с тремя театрами, серьёзно занимался литературными исследованиями (его *Книга о русской рифме*, которую он начал писать в 1970 году, после рассыпанного набора юбилейного сборника *Равноденствие*, выдержала три издания). Вёл дневник с четырнадцати лет до самой кончины и переписку с друзьями и коллегами по перу, писал мемуары и эссе, много переводил. «Учусь писать у русской прозы», сказал ДС в поэме *Снегопад*, имея в виду, несомненно, Пушкина. Об этом же, другими словами, писала и Ахматова, боготворившая классика. Потому и к ДС благоволила, поместив его в четвёрку «ценимых поэтов своего времени».

Баевский рассказывает и о литературном окружении поэта, об его взаимоотношениях внутри этого круга и за его пределами (в частности, серьёзное внимание уделено его непростой дружбе с Борисом Слуцким), об его артистичности и обаятельности, успехах и проблемах. И тут я не могу обойти стороной остроумие ДС в его реакциях на некоторые суждения: «Саша Кушнер признал меня эпиком. А лирика, говорит, слабовата. Её он оставляет себе. Ну что ж! Пусть будет Сумароковым, а я потяну на Хераскова».

«Любопытно, что паронимия в максимальной степени свойственна шизофреникам: Хлебников, Мартынов, Вознесенский, Матвеева. И это действительно один из симптомов. По этому признаку Межиров и я относимся к шизофреникам средней степени. Я всегда рад обнаружить в себе признаки помешательства».

Оптимистом ДС не был, и кризис творчества, совпавший с кризисом страны, переживал тяжело. Всё чаще его настигали периоды «застоя». «Дела мои запущены. Вопиют переводы, чертыхаются рецензии. Стихи помалкивают» (18.05.81). «Вообще же стихов новых мало. Жизнь заела.

Авось по весне что-нибудь и приснится» (03.05.83). Вскоре после этого письма (точную дату Баевский не указывает) родные вынули ДС из петли. Но, по словам самого ДС, поэт умирает, когда должно, и судьба отпустила ему ещё несколько лет жизни и возможность «выпрямиться» перед уходом.

Третья, (в книге последняя) глава, открывшая совершенно неизвестный мне пласт московской жизни 30-х, написана одноклассником ДС, Дезика, как называли его друзья, Анатолием Черняевым, историком, политологом, впоследствии помощником М. С. Горбачёва по международным делам. Учились они в 1-й Опытной школе им Горького, одной из трёх элитарных, созданных по прямому указанию Сталина, с 1935 по 1938 год, т.е. с 8 по 10 класс. Эта школа, по собственным словам Черняева, навсегда определила его жизнь. И его друзей в том числе. И воспоминания именно о школе, а не собственно о Дезике, ему уделено не больше внимания, чем другим близким друзьям, а вот созданная директором и педагогами школьная атмосфера, «где специфически «советское» практически не ощущалось, и портреты её создателей выписаны тщательно». ... Школа закрепила лучшие качества, отпущенные нам природой и прежним воспитанием.

Она заложила в нас энергию совести, которая ограничивала, а то и подавляла в нас проявления худших наших качеств. Дала мощный старт большинству из нас на пожизненную дистанцию жадного самообразования по собственному выбору, а не по навязанной программе.»

Кто из моих сверстников может похвастаться таким впечатлением о своей школе? Лично я не могу.

Пора подводить черту. В отпущенный мне формат я не могу втиснуть и десятой доли того, что хотелось. Но скажу главное: я открыла для себя ещё одного поэта, который достоин ПАМЯТИ. Достоин во всех смыслах.

Читая книгу, я погрузилась в его творчество по самую макушку. Прочла все стихи и поэмы, упомянутые в ней, и не только, дочитала воспоминания его сына, заглянула и в *Подённые записи*, которые ещё ждут своего прочтения, нашла в ютубе запись его творческого вечера 1977 года и насладилась его великолепным чтением своих стихов.

И сейчас, слушая песню «Память», написанную в 1975-м Михаэлом Таривердиевым на стихи ДС 1964 года, завершаю своё повествование словами сына поэта, который, по свидетельству друзей и его самого,

и жизнь достойно прожил, и умер смертью праведника: «Да и смерть старого воина в армейский праздник (23 февраля), словно прощальный залп над могилой. Отец вёл вечер великого поэта (посвящённый столетию Б. Л. Пастернака), и умер едва ль не на сцене, только выйдя за кулисы, как и подобает большому актёру. Последние слова, которые произнёс Отец, на миг вернувшись из смерти, всем нам подарок и надежда. А сказал он: «всё хорошо, всё в порядке».

Будем надеяться.

Берта ФРАШ

ПРАВДА О ГОЛОДОМОРЕ

Tanya Pyankova. «Das Zeitalter der roten Ameisen». Roman. Aus dem Ukrainischen von Beatrix Kersten. Ecco Verlag, Hamburg. 2022, S. 400. (Таня П'янкoва. «Вік червоних мурах». Наш формат, 2022)

Душевно и, пожалуй, физически было нелегко читать эту книгу. Но и невозможно было прерваться. Написано очень хорошо! Нельзя молчать об этом чудовище, описанном в романе «Век красных муравьёв» Таней Пьянковой (р. 1985 г., Ивано-Франковская обл.). В 1932–1933 годах, когда Сталин решил известить украинских крестьян, лишая их земли, орудий и продуктов их труда самым жестоким образом, обрекая на голод, говорить об этом было запрещено. Трудолюбивых людей на своей земле партия коммунистов назвала кулаками. Непокорных, отказывающихся идти в колхозы, ссылали в Сибирь. Тех, кого оставляли, ждала голодная смерть. ГОЛОДОМОР — теперь признан геноцидом, в том числе и Германией по отношению к украинскому народу. Это страшное время осталось в памяти выживших. Какие-то крохи они поведали потомству. И, в первую очередь, уважение к хлебу, к чужой собственности, к тем, кто хочет и может самостоятельно трудиться.

В 1975 году Фридрих Горенштейн закончил свой роман «Псалом», где есть описания страшного голода в 1933 году. Но произведение это совершенно иное. Философско-религиозное рассмотрение совместной жизни евреев и христиан в такой исторической ситуации дало писателю возможность увидеть себя в России, сталинизм, антисемитизм. В «Псаломе» описано много страстей и голод — это лишь одно из наказаний Всевышнего. У Пьянковой нет акцента на национальности, нет еврейского вопроса. Нет покорной формулы на все случаи: «Бог дал, Бог взял!» Но есть Бог, к которому взывают о милости послать съедобную крошку, зёрнышко. Или когда человек умер, то утешают себя и окружающих тем, что там, у Бога этот человек поест пироги. Есть Бог, в существовании которого сомневаются, когда или в Сибирь угоняют,

или регулярно забирают всё хоть как-то съедобное или ценное, когда умирают близкие и дальние, когда, когда, когда... Ужасам нет конца.

И есть «красные муравьи» — коммунисты, некоторые из которых говорят на русском языке. Но и те, кто пошёл с ними, к ним, местные, разрушили жизнь в Мачухах (примерно 7 километров от Полтавы), насильно создали колхозы. Зло, красные муравьи, имеют одно лицо. Удивительно, но и Бог для всех один! Как же Он допустил, что «красные муравьи» насилуют, забирают детей и делают из них манкуртов (стр. 251)? И как же Бог допустил голод там, где недавно всё плодоносило?

Роман закончен в июле 2022 года, писательница не скрывает, почему важно для неё «прикоснуться к этим ранам». «Потому, что важно не забыть, какой страшной ценой мы приобрели свою независимость и свободу выборов, и какую цену имеет жизнь человека.

Несомненно — это вид ментального мазохизма, но это единственный путь, чтобы избежать повторения трагедии. ...и потому, что при звуках sireны и взрывов женщины вынуждены скрываться в тёмных подвалах, потому что надо освобождать пшеничные поля от мин, потому что русские украинское зерно отправляют в Россию. Россия продолжает геноцид украинского народа». (стр. 392).

Простая конструкция произведения способствовала усилению восприятия ужасов. Обо всём, что вокруг, в душе и теле, рассказывают по очереди: Явдоха Рыбка (Дуся), Соломия Баша (Соля), Свирид Сучок. И голод является главным действующим лицом, проявления которого меняют физическое и духовное существование. Кого? Кто же люди, кто «красные муравьи»?

Зима 1933 года, Мачухи. Дусе девятнадцать лет. Она молча страдает от голода, наблюдает за жуткими изменениями у себя и у своих родных. Мирославу, её брату, пятнадцать, так же как и она, он наполняется водой: ноги, потом от пальцев рук до черепа. После того как отца забрали в Сибирь, Ганна-мама работает в колхозе, сильно исхудала, журавлик. Свой хороший тёплый дом с садом-огородом и большим хозяйством они были вынуждены отдать за восемь буханок хлеба. Иначе бы отобрали всё и так. Они поселились в небольшом доме у бабушки Саны (Олександра, мать отца). Конечно, как не растягивали, а хлеб давно закончился. Редкие зёрнышки, что удавалось матери тайком, рискуя жизнью, принести, размальывали и с водой варили. Такой жидкий «суп» не мог их спасти от смерти. Голод сидел на печи и ждал их, «болтая ногами».

Этот образ преследует Дусю, переживающую за своих близких. Бабушка, понимая, что она всё равно не выживет, хочет своей смертью

продлить жизнь детей. Когда её хоронят под грушевым деревом, Ганна находит кувшин с ценностями: серебряные монеты, золотые изделия. Вероятно, на это и надеялась бабушка, что её закопают под её любимым деревом. Дуся и Ганна пробираются ночью в Полтаву в торгсин, чтобы утром обменять найденное на какую-нибудь еду. Повсюду патруль, на дорогах, на вокзале, чтобы люди не могли выбраться в другое место, возможно, не такое голодное. Шесть вёрст пешком, измождённым, в одну сторону. В очереди незнакомка им подсунула пятилетнюю малышку. На время, но оказалось — бросила, кормить было нечем. А так, какая-то надежда, что чужие накормят. По всей Полтаве — или мёртвые на улицах, или просят еду едва живые люди. Крещендо этой истории способно остановить кровь в сосудах, так мне казалось. Приходилось прерываться, но я так надеялась, что кто-нибудь выживет, кто-нибудь скажет, почему это происходит. И читала дальше.

Дусе не предложили, а заставили выступить с другими девушками перед новым партийным начальником. Они должны были красиво одеться, петь радостно и только на русском языке («широка страна моя родная...») и подать буханку паляницы (белый хлеб с корочкой) для Алексея Баши. Одна девушка, голодная, как и все, не выдержала и вцепилась зубами в буханку. Её потом до смерти избили коммунисты за то, что опозорила их перед новым начальником (стр. 120–127). Дуся ему понравилась. Когда Баша её насиловал, она не могла остановить свою рвоту от омерзения.

Голодали не все, и о голоде, конечно, не все знали. Например, Соля — жена партийного начальника, страдала перееданием после смерти их новорождённой дочки. И психозом. Партия, лично Постышев, направили её мужа, Алексея, в Мачухи наладить колхозы, победить кулаков. Они оставили в Полтаве большой дом с запасами еды. В Мачухах им предоставили другой, но Солю муж поместил в санаторий для восстановления здоровья и похудения. Что происходило в стране, в Мачухах, она не знала. В газетах об этом ничего не сообщалось.

Однажды в санатории с ней заговорила Арина, которую с мужем-врачом из Одессы направили в Мачухи. Услышанное от этой женщины перевернуло всё в сознании Соли. Можно ли поверить Арине, что господствует голод, люди умирают? И как! Потрясённая Соля сбегает из санатория, идёт по улицам, видит страшные существа и трупы, которые грузят на подводу (арбу). Она увидела не только то, о чём рассказала Арина. Но и мужа, с которым хотела поговорить. Он был «занят» с голой молодой женщиной прямо в его кабинете на служебном ди-

ване. Ради хлеба некоторые женщины по приказу «красных муравьёв» шли на это, ради детей.

Свирид, местный, работал в сельском управлении под руководством Алексея Баши. И сам был коммунистом. Его безумная любовь к красавице Ганне имеет давние корни. Ганна из кулацкой семьи, его отвергла. И сейчас, когда Свирид умоляет её о сближении, хочет на ней жениться, обещает кормить детей, она не сдаётся. Для удовлетворения животной страсти Свирид ходит к другой, к Тамаре. Она с матерью терпят Свирида из-за еды, которую он им приносит. Какие-то крохи жалости у него есть. Свирид их погубит, связь с кулаками опасна для его жизни. В нём побеждает красный муравей.

Ганна ненавидит коммунистов. Они всё у них отобрали, не дали возможность работать на своей земле, мужа сослали. На вокзале она с Дусей видела, как «сортировали» людей для обыска. И один по-русски приказал женщине с грудным младенцем пройти в вахту для осмотра (всегда искали съестное). Этот солдат с чертовской ухмылкой и оспенным лицом выхватил ребёнка и головой об рельсы (стр. 56–57). Ганна считает Свирида гадким, скользким ужом: «Партия тебе всё разрешает, ...даёт право любить, предавать, людей по ветру пускать, чужие дома переворачивать, младенцев в огонь печки швырять... Мне стыдно даже стоять с тобой рядом!» (стр. 69).

Дуся и её брат выживут, благодаря Соле и её родителям. Их мать, Ганна, в очередной раз несла детям зёрнышки. Но из-за ужесточившихся проверок, в тот раз она их во рту спрятала. Мама-журавлик в клюве едва живая добралась к детям. Умерла. Дуся всегда обращается к Богу, просит его не дать ей соблазниться подачкой из рук красного муравья.

«Красные муравьи мстят нам за то, что мы хотим быть людьми и хотим иметь свою землю». (стр. 198).

ОБ АВТОРЕ

Берта ФРАШ родилась и выросла в Киеве, где жила до 1992 г., до отъезда в Германию. Литературный критик, поэт. За более чем 20 лет опубликовала множество рецензий на произведения современной мировой литературы. Постоянный автор журналов «Литературный европеец» (с 1998), «Мосты» (с 2004), сборников «День русской зарубежной поэзии» (Франкфурт, 2019–2022). Автор двух сборников поэзии.

Ксения ГАМАРНИК

ХАРУКИ МУРАКАМИ И КОТЫ: ШЕСТЬ ЛУЧШИХ КНИГ АВТОРА

К 75-ЛЕТИЮ ПИСАТЕЛЯ (12 ЯНВАРЯ)

Самый известный современный японский писатель Харуки Мураками любит кошек. «Я любил читать, любил слушать музыку и любил кошек. Эти три вещи. Так что, хоть я и был единственным ребёнком, я мог быть счастливым, потому что знал, что я люблю», — написал Мураками. Он также говорит: «Если я гуляю и вижу кота, я счастлив». Однажды один из читателей попросил совета Мураками в поиске потерянной кошки, на что писатель ответил: «Кошки иногда просто исчезают. Вы должны любить и ценить их, пока они рядом с вами».

В японском фольклоре кошки наделены способностью охранять и приносить удачу. И сегодня в Японии в домах, витринах магазинов и ресторанов ставят керамические фигурки Манэки-нэко — кота с под-

нятой лапой, которые называют «приглашающий кот», «манящий кот» или «кот счастья», «кот удачи». Считается, что Манэки-нэко с поднятой левой лапой приносит владельцу бизнеса удачу в делах, а кот с поднятой правой лапой защищает дом.

Существует легенда о происхождении этого талисмана. В эпоху Эдо бедный монах, настоятель храма Готокудзи — в то время всего лишь ветхой хижины, приютил у себя бездомного кота и как-то попросил у него удачи. Однажды мимо проезжали несколько самураев. Они заметили кота, который манил их лапкой. Пока монах поил самураев чаем и делился словом

божьем, разразилась гроза. Один из самураев оказался князем-даймё. В благодарность за молитвы и спасение от грозы он пожертвовал храму рисовые поля и сделал его своим семейным храмом. А когда кот через несколько лет умер, он был похоронен при отстроенном храме под именем Шобуё Каннон, как священный кот, посвящённый Каннон, буддийской богине Милосердия. Японцы до сих пор оставляют в храме Готокудзи, затерянном на окраине Токио, керамические фигурки Ма-нэки-нэко в благодарность за исполненные желания.

Другие японские писатели тоже не обходят кошек своим вниманием. Например, сатирический роман «Ваш покорный слуга кот» (1905) Нацумэ Сосэки написан от имени кота. В романе Такаси Хираиде «Гостевой кот», появившийся в семье кот возвращает мужу и жене любовь, когда казалось, что их чувства угасти навсегда. Роман-путешествие «Хроники странствующего кота» (2012) Хиро Арикавы стал бестселлером. Это трогательная история дружбы кота со «счастливым» именем Нана, что означает по-японски «семь», и его хозяина Сатору. Ряд книг «котолюбивых» японских писателей можно продолжить. Впрочем, не только японские писатели, и просто писатели (вспомним хотя бы сатирический роман «Житейские воззрения кота Мурра», (1819–1821) немецкого писателя-романтика Э. Т. А. Гофмана, в котором рассказ также ведётся от имени кота, любят кошек. Кошки стали глобальным феноменом, видео с котиками собирают миллионы просмотров в YouTube, Instagram и TikTok.

Но вернёмся к Харуки Мураками. В мире его произведений кошки — не просто наблюдатели и рассказчики. Они — мистические существа, чьё исчезновение может предвещать перемены в судьбе или беды, неслучайно Мураками считается мастером японского магического реализма. Американский писатель Джон Апдайк заметил: «Кошки часто появляются в прозе Мураками, как гости из другого мира».

Мураками так любит кошек, что в 1985 году даже написал эссе в память о кошке по имени Кири, которую он получил в подарок от своего друга и тёзки, японского писателя Рю Мураками. В эссе он поимённо перечислил десять кошек, которые жили у него в доме на протяжении пятнадцати лет. В 2019 году из печати вышла автобиографическая книга Мураками «Брошенная кошка. Воспоминания об отце», в которую вошли два эпизода с кошками, символизирующие вехи в жизни отца писателя.

Как это обычно бывает с авторами многочисленных книг, возникают вопросы, какие книги — лучшие, и с какой именно начинать знакомство с писателем. Чтобы помочь читателям, книжные сайты пуб-

ликуют рекомендации и «топ-листы» (лучшие пять, семь и т.д. книг автора). Разумеется, поклонникам творчества того или иного автора подобные списки не нужны, они с нетерпением ждут каждую новую книгу любимого писателя.

Поскольку Харуки Мураками — большой любитель кошачьего мира, то нам помогут поближе познакомиться с писателем и выбрать его лучшие книги... коты.

1. КОТ, КОТОРЫЙ РАЗМЫШЛЯЕТ ОБ ОДИНОЧЕСТВЕ, СОВЕТУЕТ ЧИТАТЬ РОМАН «ОХОТА НА ОВЕЦ» (1982).

В этой книге жена уходит от мужа, забрав все свои вещи и оставив ему только старую больную кошку и горшок с засыхающей геранью. Затем герой, уезжая, перепоручает кошку заботам чужого человека. Таким образом, больная кошка становится метафорой конца семейной жизни и окончания определённого этапа в жизни героя.

Впрочем, мнения учёных котиков, простите, литературных критиков, расходятся. Те, кто выбирает лучшие книги автора, считают, что в их число входит «Охота на овец». Другие уверены, что знакомство с Мураками не будет полным, если не прочитать всю «Трилогию Крысы» — три первых книги Мураками: «Слушай песню ветра» (1979), «Пинбол-1973» (1980) и «Охота на овец» (1982). Это три отдельных романа, но в них появляются одни и те же персонажи и места, например, бар, в котором встречаются рассказчик и его друг по прозвищу Крыса. Сам Мураками немного стесняется своих двух первых романов и называет их «незрелыми». Интересно, что Мураками вновь вернулся к темам трилогии в книге «Дэнс, дэнс, дэнс» (1988), таким образом, «Трилогия Крысы» превратилась в цикл из четырёх книг.

В книге «Охота на овец» (в английском переводе A Wild Sheep Chase — «Безумная погоня за овцой», что более точно отражает содержание) безмянный рассказчик пускается на поиски загадочной овцы. Чем ближе финал, тем больше нарастает ощущение мистики. Мистика и чувство одиночества пронизывают произведения Мураками. Также постоянный мотив его прозы — странствие, попытка найти выход из лабиринта, символизирующие поиски самого себя.

Любопытный факт: толчком к тому, чтобы начать писать, стала... любовь Мураками к бейсболу. В автобиографической книге «О чем я говорю, когда говорю о беге» (2007), Мураками вспоминает о том, как он посетил бейсбольный матч 1 апреля 1978 года, изменивший его жизнь: «Раздался характерный звук удара битой по мячу — он отбил в левую

часть поля. По стадиону прокатилось гулкое эхо. Хилтон в одну секунду пробежал первую базу и оказался на второй. И в этот самый момент меня осенило: «Всё ясно! Начинаю писать повесть!» Я до сих пор помню огромное ясное небо, мягкость и свежесть травы, вдохновляющий звук удара. Будто что-то снизошло на меня с небес в ту секунду, и я с благодарностью это что-то принял». Он начал писать в тот же вечер, с котом на коленях (кот часто устраивал беспорядок в черновиках), и шесть месяцев спустя завершил свою первую книгу «Слушай песню ветра».

2. КОТ, КОТОРЫЙ ПРЕДПОЧИТАЕТ ДЕЛИКАТЕСЫ, РЕКОМЕНДУЕТ ПРОЧИТАТЬ «СТРАНУ ЧУДЕС БЕЗ ТОРМОЗОВ И КОНЕЦ СВЕТА» (1985).

В четвёртом по счёту романе автора кот упоминается лишь однажды. Рассказчик вспоминает о том, как восемь лет назад он вместе с женой снял квартиру: «Я, моя жена и кот поселились вместе. Жена ушла первой, вслед за ней ушёл кот». С тех пор рассказчик одинок, не надеется на возвращение жены, но по-прежнему продолжает жить в той же квартире, которая хранит воспоминания об их совместной жизни.

Сюжет романа разворачивается в двух измерениях. Сперва кажется, что читаешь по очереди две никак не связанные между собой истории. Действие одной из них происходит в таинственном зачарованном городе, окружённом Лесом и высокой Стеной, у которой пасутся единороги. Город, где все потеряли память и живут без радости, но и без печали, называется Конец Света, ведь его жителям больше некуда стремиться.

В этом романе Мураками отдаёт дань жанру киберпанка. Киберпанк — это поджанр научной фантастики, посвящённый жизни (и, нередко, деградации) общества на фоне развития компьютерных технологий. Вторая сюжетная линия романа развивается в современном Токио. Там враждуют две могущественные группировки программистов-хакеров, а под метрополитеном обитают монстры, скрывающиеся во тьме. Таким образом, сегодняшняя Япония оказывается «страной чудес без тормозов».

Постепенно две параллельно развивающиеся истории начинают подавать, поначалу робкие, сигналы друг другу, потом читатель понимает, что рассказчик и той, и другой истории — один и тот же человек.

Один из эпизодов романа посвящён тому, как герой приглашает девушку в итальянский ресторан. Мураками подробно описывает изысканный ужин, который съедают молодые люди. Следует отметить, что Мураками, как подлинный гурман, постоянно пишет про еду и напитки

ки в своих книгах. Его герои то и дело пьют кофе, пиво, виски. Фаст-фуд часто оказывается отвратительным, зато приготовленная дома или в ресторане еда — изумительно вкусной. В рассказе «Год спагетти» (2005) Мураками пишет: «1971 год был годом спагетти. В 1971 году я готовил спагетти, чтобы жить, и жил, чтобы готовить спагетти. Пар, поднимающийся из кастрюли, был моей гордостью и радостью, томатный соус, кипевший в кастрюле, моей единственной большой надеждой в жизни ... Весной, летом и осенью я готовил и готовил, как будто приготовление спагетти было актом мести. Подобно одинокой брошенной девушке, бросающей старые любовные письма в камин, я бросал в котёл одну горсть спагетти за другой».

Мураками описывает кушанья так ярко и чувственно, что по мотивам его описаний выпускаются поваренные книги, ведутся кулинарные блоги.

3. КОТ, КОТОРЫЙ НАСЛАЖДАЕТСЯ МУЗЫКОЙ, ПРЕДЛАГАЕТ ПРОНИКНУТЬСЯ МЕЛОДИЯМИ РОМАНА «НОРВЕЖСКИЙ ЛЕС» (1987).

Нередко именно с этой книги автора критики рекомендуют начинать знакомство с творчеством Мураками.

Одной из важных составляющих прозы Мураками является его любовь к музыке. Он увлёкся джазом после того, как в пятнадцать лет побывал на концерте джазовой музыки. Он и сам мечтал стать музыкантом, а когда это не случилось, открыл в Токио кофейню и джаз-бар, которые назвал «Кот Питер» в честь своего кота. С 2018 года писатель ведёт на токийской радиостанции Токуо FM часовую передачу Murakami Radio, для которой делает музыкальные подборки на разные темы, рассказывает об истории написания произведений и о своих воспоминаниях, связанных с ними. Домашняя коллекция писателя насчитывает тысячи и тысячи грампластинок.

В названиях своих книг Мураками часто использует названия музыкальных произведений. Например, имя романа «К югу от границы, на запад от солнца» (1992), посвящённого истории любви владельца джазового бара, впитало название песни «К югу от границы» Нэта Кинга Коула. Роман «Дэнс, дэнс, дэнс» повторяет название песни американского квинтета «Дэллс», популярного в 1950-е годы. Роман «Хроники заводной птицы» состоит из трёх книг: «Сорока-воровка» (опера Д. Россини), «Вещая птица» (фортепианная пьеса Роберта Шумана) и «Птицелов» (персонаж оперы Моцарта «Волшебная флейта»).

Герои Мураками постоянно слушают музыку, говорят о музыке, живут под музыку. Кажется, при чтении его книг музыка, самая разная, от классической и джазовой до популярной, пронизывает страницы, начинает звучать в ушах.

Вот и в заголовке романа «Норвежский лес» использовано название песни «Битлз». Пятый по счёту роман Мураками стал литературной сенсацией и принёс ему мировую известность. 37-летний Тоору Ватанабэ приземляется в Гамбурге и слышит оркестровую версию песни «Битлз». Эта песня внезапно переносит его назад в прошлое, в 1960-е годы, годы студенческих волнений, когда он был студентом одного из токийских колледжей и испытывал любовь к двум совершенно разным девушкам — хрупкой, израненной душевными травмами Наоко и уверенной в себе, полной жизни Мидори. Писатель задумывается о том, что человек обретает и теряет в течение жизни, делая тот или иной выбор.

В одном из очерков Мураками вспоминал о том, как он попросил одного из руководителей издательского дома во время своего отъезда позаботиться о старой кошке, а в благодарность пообещал написать книгу. Этой книгой и стал бестселлер «Норвежский лес». История того, как герой просит позаботиться о старой кошке, также описана в «Охоте на овец».

4. КОТ, КОТОРЫЙ ИЗУЧАЕТ ИСТОРИЮ, СОВЕТУЕТ ПОГРУЗИТЬСЯ В ГЛУБИНЫ РОМАНА «ХРОНИКИ ЗАВОДНОЙ ПТИЦЫ» (1994–1995).

Многие критики считают «Хроники» вершиной творчества Мураками. Тору Окада уволился с работы и, потеряв направление в жизни, занимается домашним хозяйством, пока его жена Кумико ходит на службу. Отправной точкой событий становится исчезновение кота, которого Тору и Кумико прозвали Нобору Ватая по имени брата Кумико, честолюбивого карьериста. Позже Тору переименовывает кота в Скумбрию (кстати, так звали одного из котов самого Мураками). Вслед за котом исчезает и жена главного героя. Неподдалёку от жилища Тору находится заброшенный дом с высохшим колодцем во дворе. Колодец оказывается порталом в другое измерение. Тору нужно преодолеть внутренних демонов, чтобы найти Кумико и кота, который был свадебным подарком и символизирует семейное благополучие.

В роман вплетается описание ужасов Второй мировой войны. Старик-хиромант Хонда, вместо того чтобы гадать, постоянно вспоминает бой у Номонхана (Номонгана). С мая по сентябрь 1939 года Япония

и СССР вели необъявленную войну, которую в советское время называли «Бои при Халхин-Голе».

Тору рассказывает: «Почти полвека назад отряд Хонды жестоко сражался на бесплодном участке дикой земли на границе Маньчжурии и Монголии. Я почти ничего не знал о войне у Номонхана, пока не услышал рассказы старика. И всё же это была невообразимо героическая битва. Практически безоружными они вступили в противоборство с отборными механизированными войсками Советской армии и были раздавлены. Многие части оказались разгромлены и уничтожены. Командиров, которые без приказа отвели своих солдат с передовой, чтобы спасти их от неминуемой смерти, генералы заставили покончить с собой, и гибель их была напрасной. Многие солдаты, оказавшиеся на советской территории, после войны, когда начали обменивать пленных, отказались возвращаться на родину, боясь, что их обвинят в дезертирстве. Они оставили свои кости в монгольской земле».

Тема памяти очень важна для писателя. Сам он юношей стал свидетелем студенческих волнений, хотя и не участвовал в них сам. А о Второй мировой войне узнал из рассказов отца. Особенно его потряс рассказ об убийстве китайского военнопленного, при котором присутствовал отец. В «Хрониках» Мураками переживает вину Японии во Второй мировой войне и то, что военные преступления страны не были осмыслены, они по-прежнему замалчиваются.

5. КОТ, КОТОРЫЙ ЗАЧИТЫВАЕТСЯ КНИГАМИ ПИСАТЕЛЕЙ РАЗНЫХ СТРАН, В ВОСХИЩЕНИИ ОТ РОМАНА «КАФКА НА ПЛЯЖЕ» (2002).

В «Кафке на пляже» Мураками снова мастерски перемежает два повествования. В нечётных главах рассказ ведётся от имени 15-летнего подростка по фамилии Тамура, который решает назвать себя именем Кафка в честь писателя Франца Кафки. Чётные главы посвящены старику по имени Сатору Наката. В конце Второй мировой войны Наката ребёнком пережил травму и остался умственно неполноценным, он не в состоянии читать и писать, зато обладает таинственной способностью — умеет разговаривать с кошками, и даже открыл частное агентство по поиску пропавших кошек.

И Кафка, и Тамура пускаются в путешествие. Кафка решает убежать из дома от жестокого отца и его мрачного пророчества, а Наката вынужден бежать от inferнального похитителя кошек. Пляж, побережье, берег (в переводе на английский Kafka on the Shore — «Кафка на побе-

режье» или «Кafka на берегу») — это граница между двумя мирами, сознанием и подсознанием, реальностью и сном, ирреальным миром. Отец Kafka, скульптор Коичи Тамура, получил известность как автор скульптуры «Лабиринт». Kafka бродит по лабиринту в поисках своей судьбы, и судьба подталкивает мальчика и старика навстречу друг другу. Писатель размышляет о предназначениях фатума, о музыке как средстве общения, о метафизических вопросах природы окружающего мира, которые занимают героев.

На фоне японских писателей, многие из которых погружены в японскую культуру, Мураками отличается не только музыкальной эрудированностью, но и широчайшей начитанностью. Единственный сын школьных учителей японского языка, он с юных лет зачитывался европейской, американской и русской литературой. В своих книгах он упоминает не только Франца Kafka, но и Толстого, Достоевского, Тургенева, Флобера, Диккенса, Скотта Фицджеральда, Джека Керуака, Курта Воннегута, Ричарда Бротигана и многих, многих других писателей. В романе «1Q84» Мураками приводит пространные цитаты из чеховского «Острова Сахалин», касающиеся нивхов, малой народности российского Дальнего Востока, которых во времена Чехова называли гияками. Исследование Чехова настолько заинтересовало Мураками, что в 2003 году он посетил Сахалин.

6. КОТ, КОТОРЫЙ ЛЮБИТ ДАЛЬНИЕ ПРОГУЛКИ, ПРЕДЛАГАЕТ ПРОБЕЖАТЬ МАРАФОН РОМАНА «ТЫСЯЧА НЕВЕСТЬСОТ ВОСЕМЬДЕСЯТ ЧЕТЫРЕ» (2009–2010).

Подлинный поклонник прозы Мураками отважно нырнёт в его роман в трёх томах «1Q84», название которого переведено на русский язык как «1Q84. Тысяча невестьсот восемьдесят четыре». Роман занимает более тысячи страниц. Первые два тома вышли в Японии в 2009 году, заключительный том год спустя. Японцы встретили роман с восторгом, продажи книг побили рекорды. В США все три тома увидели свет в 2011 году, и американские критики были настроены не столь благожелательно, корили писателя за длинноты и самоповторы.

Как в книгах «Страна Чудес без тормозов и Конец Света» и «Kafka на пляже», роман «1Q84. Тысяча невестьсот восемьдесят четыре» начинается с двух чередующихся повествований. Одно из них посвящено университетскому преподавателю математики Тэнго, второе — женщине-инструктору фитнес-клуба Аомамэ. Истории сперва развиваются в двух параллельных реальностях: Тэнго живёт в Токио 1984 года,

в то время как Аомамэ — в Токио «непонятно какого (1Q84) года». Неизбежно истории Тэнго и Аомамэ сливаются воедино. События в третьем томе показаны с точки зрения малоприятного персонажа по имени Ушикава, возможно, того самого, которого Мураками мельком упоминал в романе «Хроники заводной птицы».

В «1Q84» Мураками возвращается к вопросам, которые мучили его после того, как последователи секты «Аум Синрикё» 20 марта 1995 года совершили в токийском метро теракт с использованием газа зарина, жертвами которого стали 14 человек и пострадали более тысячи человек. В 1997 году писатель выпустил документальную книгу «Подземка», проинтервьюировав 62-х очевидцев трагического события. В «1Q84» писатель вновь размышляет над тем, как в современном развитии обществе зарождаются подобные мрачные культы.

Восьмая глава романа «1Q84» называется «Время появиться кошкам». В этой главе Тэнго читает рассказ «Кошачий город», в котором путешественник попадает в город, населённый кошками. Через несколько дней он обнаруживает, что невидим не только для кошек, но и для машинистов поездов, когда он пытается покинуть город на поезде: «И тут он понял, что потерял себя. Это не город кошек, догадался он. Это место, где мне суждено потеряться. Иной мир, уготовленный мною для себя самого. И никакие поезда, что вернули бы меня в реальность, на этой станции больше не останутся». Каждый читатель должен сам найти ответы на вопросы: почему герой оказался в городе кошек? Почему стал невидимкой? Что этот город символизирует? Почему из него невозможно уйти?

Чтобы написать такой цикл как «Трилогия Крысы» и примыкающую к нему книгу «Дэнс, дэнс, дэнс», три тома «Хроник заводной птицы», грандиозные три тома «1Q84» и другие произведения, автору, безусловно, нужны силы. Три года спустя после публикации первой книги Мураками почувствовал, что ему необходимо взяться за своё здоровье. Ежедневное многочасовое сидение за письменным столом привело к тому, что он набрал вес и выкуривал по 60 сигарет в день. Он начал совершать пробежки, сперва короткие, по полчаса, а потом всё более продолжительные. Он похудел и бросил курить, перестал задыхаться, смог поучаствовать в забеге на пять, затем на пятнадцать километров. В 1983 году Мураками пробежал свой первый марафон. После этого были ещё марафоны и даже ультрамарафоны. О том, как он добился таких впечатляющих спортивных достижений, Мураками рассказал в книге «О чём я говорю, когда говорю о беге» (2007).

* * *

Итак, собрав вместе котов, которые познакомили нас с книгами, мы получим основные компоненты прозы Мураками: главный герой обычно человек лет тридцати. Он испытывает чувство отрешённости от жизни, отстранения от людей, для него очень важны воспоминания, он страстный меломан, книгочей и гурман и, конечно, любит кошек. Он пускается на поиски кого-либо или чего-либо, а на самом деле на поиски самого себя, возможно, в собственном подсознании. Для этого герою предстоит перейти в иное измерение — спуститься в токийскую подземку или в пересохший колодец, подняться к заброшенному дому в горах или блуждать на морском побережье.

Поклонники Харуки Мураками с упоением разгадывают его философские загадки, расшифровывают метафоры и символы. Наполнив книги таинственными образами, писатель не ожидает одного возможно правильного ответа, единственно верного истолкования. Ответы множатся, версии и догадки выдвигаются одна за другой. Интернет полон дискуссий о том, что означают те или иные эпизоды романов и не является ли тот или иной персонаж ещё одним воплощением, двойником главного героя. Умение писателя вводить поклонников в состояние медитативного транса, когда обыденная жизнь по законам магического реализма постепенно оказывается странной и незнакомой — всё это делает его неповторимым автором, которого читают и любят миллионы.

ОБ АВТОРЕ

Ксения Гамарник родилась в Киеве. Окончила художественное училище и Киевский национальный университет театра, кино и телевидения (факультет театроведения).

С 1994 года живёт в Филадельфии.

Публиковалась в украинских, американских и канадских периодических изданиях: в журналах «Український театр», «Сучасність», «Ренессанс», «Побережье», «Русские евреи в Америке», «Зеркало», украинских и американских газетах. Автор книги «Влюблённые в театр», написанной в соавторстве с литературоведом Ириной Панченко.

Ксения ГАМАРНИК ГОЛОС СВОБОДЫ

К 210-летию со дня рождения Т. Г. Шевченко (9 марта)

Судьба самого прославленного украинского поэта Тараса Григорьевича Шевченко (1814–1861) трагична. Родившийся в семье крепостных крестьян, Шевченко провёл в рабстве почти четверть века и получил свободу только в 1838 году. Это произошло благодаря помощи благотворителей и друзей, выкупивших его у алчного хозяина, заломившего грабительскую цену. Вскоре Шевченко был принят в Санкт-Петербургскую Академию художеств. Всего лишь два года спустя после обретения свободы был опубликован поэтический сборник Шевченко «Кобзарь», и с тех пор его самого стали называть Кобзарём — народным певцом. Трижды поэт посещал Украину, где его родные братья и сёстры по-прежнему томились в рабстве, и ужасался бедствиям крепостных.

Свободная жизнь продолжалась девять лет. В 1847 году Шевченко был арестован и заключён в каземат, затем сослан в Оренбург служить рядовым в русской армии и помилован только десять лет спустя. В мае 1859 года он снова приехал в родную Украину, но око империи продолжало зорко следить за ним. Уже в июле он был снова ненадолго арестован, после чего ему было приказано вернуться в Санкт-Петербург.

Жизнь длиной в 47 лет, из них на свободе только 13 лет, причём последние годы жизни под присмотром жандармского управления, и огромное наследие: более двухсот стихотворений и двадцати поэм, пьеса и 20 повестей, из которых до нас дошли девять, дневники, обширная переписка. Сотни акварелей и рисунков, работы маслом и офорты. И последняя несправедливость судьбы: всего семь дней не дожидая поэт до указа об отмене крепостного права.

Мощная поэзия бунтаря Шевченко, символа борьбы за украинскую независимость, по-прежнему звучит современно. С верой в победу по-

вторяют украинцы слова Кобзаря: «І на оновленій землі врага не буде, супостата, а буде син, і буде мати, і будуть люде на землі!».

* * *

В разгар затхлых лет брежневского правления, государственной политики русификации Украины, слежки и арестов представителей украинской интеллигенции сотрудниками КГБ, в № 3 украинского журнала «Всесвіт», посвящённого иностранной литературе, была опубликована статья о Тарасе Шевченко. Вот как описал это важное событие историк и журналист Сергей Грабовский:

«В 1978 году, когда в УССР правили бал кремлёвские гауляйтеры Щербицкий и Маланчук (в 1972–1979 гг. секретарь ЦК КП Украины по идеологии — К. Г.), в журнале «Всесвіт» каким-то чудом была опубликована статья Вадима Скуратовского «Шевченко в контексте мировой литературы». Эта статья стала настоящим прорывом в шевченкиане, выходом её на принципиально новые просторы, а затем была надлежащим образом оценена бдительным партийным руководством: Вадим Скуратовский был уволен с работы в журнале с фактическим запретом печататься где угодно, а главным редактором «Всесвіта» вместо «идейно неустойчивого» Дмитрия Павлычко был назначен большой умелец колебаться вместе с линией партии Виталий Коротич.

Вадим Скуратовский сформулировал неординарную гипотезу относительно мировой роли и уникальности творчества Шевченко. По мнению Скуратовского, через стихи Шевченко заговорил тот «великий немой», который до этого имел голос разве что в фольклоре, плебейские классы, которые до этого нигде не могли получить адекватного выразителя своего горя, своих стремлений, своих мечтаний» (Сергей Грабовский, «Шевченко — творец і голос української спільноти», Радио Свобода, 22 мая 2012 года).

Предлагаем вашему вниманию статью культуролога Вадима Леонтьевича Скуратовского, доктора искусствоведения, Академика Национальной академии искусств Украины.

ШЕВЧЕНКО В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Европейское искусство Нового времени и по своей социологии, и по тематике сосредотачивалось преимущественно у самых вершин клас-

сового Олимпа: до Бёрнса западные литературы не знали ни одного выдающегося писателя-крестьянина по происхождению; до натурализма эти литературы не знали ни одной убедительной фавулы из народной жизни.

Это не значит, что искусство не спускалось в социальные низины. От знаменитых парламентских речей Байрона, подкреплённых его стихами, начинается отсчёт первых демократических акций европейской литературы — вплоть до Виктора Гюго, создавшего хронику европейской каторги. Байрона наверняка поразили рассказы о тех рабочих-луддитах, которые впервые в жизни полностью утолили голод только перед казнью, когда по старинному обычаю им подали добрый ужин; ораторским и поэтическим словом он защищал английское рабочее дело.

Самые отважные и самые совестливые из крупнейших европейских художников иногда спускались вниз по социальной лестнице, добываясь до её нижних ступеней, хотя и ненадолго. На досуге Виктор Гюго мог посетить рабочие подвалы Лилля и потом написать трогательное стихотворение («Весёлая жизнь»), но это была, по сути, традиционная французская «поэзия на случай», следствие случайной и мгновенной встречи двух антимиров — изысканной культуры, удобно обосновавшейся в бельэтаже общественного строения, с подпольем последнего — в этом «случае» с лильскими подвалами.

Такая культура иногда сходила в народ, как Виктор Гюго сходил в рабочие подвалы, но так же, как и Гюго, вскоре возвращалась «наверх», в уютные кабинеты и гостиные, к красивым книгам, картинам и статуям, к красноречивым собеседникам и прекрасным собеседницам.

Были и разного рода репортажи из ада, транслировавшиеся специально для элиты: книга аббата Рейналя «История обеих Индий», живописавшая ужасы работорговли, растопила даже такую каменную душу, как Наполеон, а над «Записками из мёртвого дома» якобы плакал сам Александр II. Впрочем, Наполеон написал восторженные письма Рейналю, благодаря его за негрофильскую книгу, и через полтора десятка лет возобновил рабство на Гаити, а Александр II, отплакавшись над Достоевским, капитально увеличил число «мёртвых домов» в своей империи

А что же сами массы? Раздавались ли оттуда какие-то охудожествленные крики, сигналы отчаяния и боли? Проявилось ли в литературе слово самих невольников и мучеников этого ада? Можно говорить о поздне-фольклорном оформлении этого крика (от потрясающей украинской народной баллады «Бондаривна» до негритянских «спири-

чуэлс», где упомянутый крик уже перестаёт быть метафорой и входит в музыкально-словесную структуру).

Однако фольклор имеет совсем иную, чем литература, социокультурную судьбу, обусловленную, в частности, устным способом его существования, что и привело к сравнительной немногочисленности тех «сигналов», которые всё же дошли до нас, преодолев свою «коммуникативную» хрупкость.

Так что вековое горе масс, по сути, не имело своих литературных уст, не разверзлось ими, не прорезалось своим художественным голосом, «озвучивалось» в лучшем случае фольклорно. По свидетельству мемуаристов, антильские рабы, попав в тамошний этнический котёл со всех уголков Африки, не могли сразу найти общий язык и поэтому, собираясь, не пели песен, а просто выли (один из эпизодов пьесы У. Дюбуа «Гаити»). Это исчерпывающая метафора «художественной ситуации» в отдалённых кругах социального ада.

Речь идёт о том, что обширная литература роковым, хотя социологически понятным образом разминалась с огромными жизненными массивами, обходила их. Народное массовое бытие, демографическое, хозяйственное и, наконец, духовное основание бытия общенационального, не было представлено в знаках искусства, не «озвучивалось» художественно.

Что является мерой общечеловеческого величия Шевченко, в чём значение его творчества как одной из величайших величин мировой литературы?

Именно Шевченко впервые в истории (не литературы, а человечества) нарушил эту тысячелетнюю немоту, именно через него впервые зазвучала, как говорили средневековые теологи, «субстанция ада», его жуткое, насквозь прожжённое страданием «вещество» (выделено автором).

Немота масс закончилась лишь появлением «Кобзаря» (речь идёт не специально о его издании 1840 года, а о поэтической системе украинского гения).

Тут не Орфей спустился в ад — тут внезапно запели, затосковали в полный голос все его камни, все его стены и своды. Представим себе на минуту, что общий плач антильских невольников внезапно вернулся в слово, нашёл его, осел в нем, не потеряв при этом ни одной своей слезы. Представим себе, что он по своей знаковой неоформленности и стихийности перешёл в знаки, в знаковую реальность языка, сохраняя одновременно свою стихийную, неотразимую силу, свою дорефлексив-

ную, дорациональную мощь, из своей безмерности плач пришёл в меру, в предельно выверенное пространство стихотворения, в пифагорейскую периодичность метра и ритма, при этом оставаясь по сути своей, безмерным, постоянно перекрывающим все ритуалы размера и рифмы.

Сумма таких представлений и приблизит нас отчасти к пониманию всей грандиозности и загадочности явления Шевченко, его планетарному значению. Впервые его словом заговорили миры, которые оставались тайной за семью замками для элитарной культуры, едва ли не для всех её литературных экспедиций, туда снаряжённых. Не знак, задумчивый и проработанный в лучших интеллектуальных и эстетических лабораториях, приблизился к явлению: само явление, ни на йоту не меняя своей сущности, не поступаясь своей онтологической природой, стало знаком, заговорило само о себе. Такое бывает только в великих космогоничных мифах, в грандиозных мировоззренческих первосистемах.

Совершенно очевидны абсолютные преимущества такого художественного «самоосмысления» мира над вхождением в него из социального «верха» с его бесконечными абберациями зрения и разума, с его неизбежными мистификациями. Вспомним хотя бы трудный путь русской литературы — её столетнее продвижение к подлинной, «последней» реальности, её глубочайшим и трагическим слоям — от некогда сенсационного открытия Н. Н. Карамзина, что «и крестьянки любить умеют» («Бедная Лиза») до «Воскресения», что наконец прочитало карамзинскую фабулу по реалистическому шифру. Пушкин, спускаясь в огнедышащий кратер революционно-крестьянского вулкана, ездил в Оренбургскую губернию («История Пугачёва» — «Капитанская дочка»). В Оренбургскую же губернию империя командировала Достоевского для более основательного знакомства с первоосновами народной жизни, тогда как Шевченко попал туда уже с абсолютным знанием последней. Он сам был этой жизнью, её самым густым и убедительным воплощением, ему не нужно было «собирать материал» к народной трагедии, чтобы потом её художественно воплотить — он сам был самым патетическим явлением этой трагедии.

У Шевченко, словно перебивая друг друга, заговорили все, до тех пор безмолвные составляющие народной стихии, национальные (скажем, в «Гайдамаках») и общечеловеческие (его «позднепетербургская» лирика), этнически и исторически выделенные и решительно универсальные. В «Кобзаре» спешило «означиться» то, что на протяжении веков, в силу понятных социальных причин, не могло художественно и идеологически оформиться, найти свой мировоззренческий и эстетический

регистр. «Голодные и рабы» всех стран, Интернационал отверженных и обиженных, от рабов первых классовых формаций до рабов позднейших империй и цивилизаций, здесь впервые нашли своего спикера, свой громогласный орган, способный воссоздавать всю гамму человеческой боли — от самой лютой и самой громкой, впервые изведанной под ветхозаветным небом, до утешенной европейской дисциплиной.

«Кобзарь» знаменовал радикальную демократизацию мировой культуры. У Шевченко она набирает новые социальные признаки, вызревая и выкристаллизовываясь не на верхних этажах социума, а в его «лильских подвалах», подальше от условностей, которыми обставлена и захлавлена культура тех этажей.

Ренессансная живопись десятки раз изображала мученичество святого Себастьяна — прежде всего для анатомического эффекта. Позднее новоевропейское искусство, так сказать, превратило эту и подобные фабулы в свою профессию, изображая чужое страдание именно «на расстоянии» (историческом, эстетическом и т.д.). Невозможно представить себе «рассказ» святого Себастьяна о своём мученичестве, однако нетрудно понять, насколько он был бы не похож на то его зарисованное и подкрашенное «житие». Так вот — очевидная дистанция между ними и может быть метафорой-мерой того космического расстояния, которое пролегло между Шевченко и литературным обществом его времени, между двумя противоположными способами повествования о мире — тем, в котором буквы, как святое письмо в «Страшной мести», наливаются кровью, и той, в которой они наливаются только типографской краской.

Шевченковская «болезнь», абсолютная и трагическая «синхронизация» страдания и его художественного закрепления вели поэта за ту черту, у которой, ужаснувшись, остановились, например, Гойя или Лакло, остановились перед теми глубочайшими тайнами человеческого бытия, которые отважились передать только самые смелые писатели XX века.

Именно так и «озвучивался» ад, пронизывалось словом-стоном его вещество. Стихи Шевченко возникли в самых тёмных и самых страшных уголках всемирных «лильских подвалов». И благодаря этому его слово приобретало беспримерную художественную мощь, энергию, убедительность. Всё это было обусловлено абсолютной близостью поэта к самым болезненным точкам тогдашнего мира, поэту, который, в конце концов, сам был такой болевой точкой, близостью, которой не могли помешать стены и фундаменты художественных теплиц.

«Абсолютное» человеческое страдание ничем и никем не успокоенное, не «усыпленное» и не смягченное никаким социальным или эстетическим обезболиванием, заговорило в нём и через него. Заговорило то, что молчало веками и даже тысячелетиями, то, о чём на разного рода художественно-духовных олимпах лишь смутно догадывались.

Устами Шевченко заговорили целые социальные материка, едва намеченные на элитарных культурологических картах, гигантские, до тех пор не известные массивы человеческого горя, впервые раздалось в полную силу то трагическое сопровождение мировой истории, которого так долго не слышала или не хотела слышать культура, уединённая на своих «волшебных горах»... «Кобзарь» — один из первых образцов такого по-настоящему очеловеченного искусства.

(Статья публикуется с сокращениями с разрешения автора).

* * *

«Конечно, партийные идеологи не могли вынести такого: как! посметь утверждать, что именно украинец своим творчеством демократизировал европейскую и мировую литературу, оказал на неё колоссальное — и прямое, и опосредованное, — осознанное далеко не всеми современниками, но ощутимое ими влияние! не российские революционные демократы, Максим Горький и даже не Демьян Бедный, а какой-то там деревенщина из центральной Украины...», — писал Сергей Грабовский (Радио Свобода).

В статье «Шевченко как герой космогонического мифа», размещённой на сайте «Релігія в Україні» 7 марта 2014 года, Грабовский вновь возвращается к статье Вадима Скуратовского:

«Следует обратить особое внимание на противопоставление «классового Олимпа» и «ад антагонистического мира»: речь идёт о категориях универсальных, вечных, которые включают, с одной стороны, советскую номенклатуру и современную олигархию, с другой — эзков ГУЛАГа и полурабов в копанках Донбасса (...) Статья Вадима Скуратовского, написанная в те времена для официальной (т.е. подцензурной) прессы, вполне могла бы быть и самиздатовской, — там циркулировали похожие на неё тексты, возможно, несколько более радикальные, но в политическом, а не культурологическом и мировоззренчески-философском смысле. В целом же в тексте содержатся свободные от автоцензуры размышления свободного человека о проблемах творчества Шевченко, и не только о них».

Шевченко-солдат.

Иллюстрация со страницы Фейсбука Анны Маляр, в тот момент замминистра обороны Украины.

...Враги и сейчас боятся пламенного слова Тараса Шевченко. Именно поэтому российские солдаты на оккупированных территориях Украины уничтожают его книги, портреты и памятники.

В 2022 году киевское издательство «Дух и Літера» издало «Кобзаря», предисловием к которому стала статья Вадима Скуратовкого «Шевченко в контексте мировой литературы». Часть тиража была издана под пиксельной камуфляжной обложкой специально для бойцов ВСУ.

Образ Кобзаря переосмысляется в современном украинском искусстве. Он помогал защитникам Украины на Майдане в 2014 году, а сейчас Шевченко изображают в каске и военной форме. Он незримо встал в строй и помогает украинским бойцам на фронте:

Борітеся — поборете!
Вам Бог помагає!
За вас правда, за вас слава
І воля святая!

Ксения ГАМАРНИК СОВЕТСКИЙ ЕРЕТИК

---

140 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЕВГЕНИЯ ЗАМЯТИНА (1 ФЕВРАЛЯ)

Писатель Евгений Замятин всю жизнь отличался непокорным нравом, нежеланием жить в жёстких рамках ограничений, был неудобным для властей как в царской, так и в Советской России. В молодости он участвовал в студенческом революционном движении, несколько лет состоял во фракции большевиков РСДРП и даже входил в боевую дружину Выборгского района и перепрятывал у себя на квартире взрывчатые вещества для подготовки терактов. Был арестован, несколько месяцев провёл в одиночной камере. До Октябрьского переворота Охранное Отделение трижды высылало его из Санкт-Петербурга, он тайно возвращался, продолжал жить, учиться и работать в столице. Инженер-кораблестроитель по профессии, Замятин был писателем по призванию. После полутора лет, проведённых в Англии на верфях Ньюкасла, где он принимал участие в строительстве ледоколов «Святой Александр Невский» и «Святогор» (позднее переименованных советской властью в «Ленин» и «Красин»), Замятин осенью 1917 года вернулся в Россию и полностью посвятил себя литературной деятельности: писал, печатался, был членом редколлегии издательства «Всемирная литература», организованного по инициативе Горького, и одним из наставников петроградской литературной группы «Серапионовы братья».

Несмотря на своё участие в борьбе против царизма, он с самого начала критично относился и к деятельности большевиков. Так, в марте 1919 года он опубликовал статью «Беседы еретика», в которой с поразительной смелостью писал: «Партия организованной ненависти, партия организованного разрушения делает своё дело уже полтора года. И своё дело — окончательное истребление трупа старой России — эта партия выполнила превосходно, история когда-нибудь оценит эту

Борис Кустодиев.
 Портрет Евгения Замятина (1923)

работу. Это ясно. Но не менее ясно, что организовать что-нибудь иное, кроме разрушения, эта партия, по самой своей природе, не может. К созидательной работе она органически не способна. К чему бы она ни подходила, за что бы она ни бралась, вероятно, с самыми искренними и лучшими намерениями, всё обращалось в труп, все разлагалось».

В том же 1919 году Замятина посадили в тюрьму эти самые большевики, по подозрению в сотрудничестве с левыми эсерами. Потом сажали в 1922 году, но оба раза обошлось, и на «философский пароход» он посажен не был, хотя и оказался в списках на высылку.

ГЛАВНЫЙ РОМАН

В 1920–21 годах Замятин пишет свой главный роман «Мы», и, тем самым становится, в известной степени, родоначальником жанра антиутопии и даёт мощный толчок развитию этого жанра в литературе.

Действие романа разворачивается в далёком будущем в Едином Государстве, выстроенном в утопическом городе всеобщего счастья, где все читают единственную Государственную газету, а стихи сочиняют Государственные поэты. Все граждане (или, как называет их Замятин, «нумера») Государства равны, одеваются в одинаковые юнифы (униформы) и, вместо имён, обозначены цифрами и буквами: «Как всегда, музыкальный завод всеми своими трубами пел Марш Единого Государства. Мерными рядами, по четыре, восторженно отбивая такт, шли нумера — сотни, тысячи нумеров, в голубоватых юнифах, с золотыми бляхами на груди — государственный номер каждого и каждой».

Любовь осталась достоянием прошлого, вместо этого каждый номер имеет право на соитие с любым номером противоположного пола по розовым талонам. Только в этот час нумерам позволяется опускать шторы в их домах со стеклянными стенами, где каждый видит каждого.

Единым Государством правит Благодетель: «Завтра — день ежегодных выборов Благодетеля. Завтра мы снова вручим Благодетелю ключи от незыблемой твердыни нашего счастья. Разумеется, это не похоже на беспорядочные, неорганизованные выборы у древних, когда — смешно сказать — даже неизвестен был заранее самый результат выборов. Строить государство на совершенно не учитываемых случайностях, вслепую — что может быть бессмысленней?».

У Благодетеля имеется Машина Благодетеля — инструмент казни, который распыляет провинившегося, превращая его в лужу химически чистой воды.

Главный герой романа — математик Д-503, строитель космического корабля «Интеграл»: «Вам предстоит благодетельному игу разума подчинить неведомые существа, обитающие на иных планетах, — быть может, ещё в диком состоянии свободы. Если они не поймут, что мы несём им математически-безошибочное счастье, — наш долг заставить их быть счастливыми». История восстания, зреющего в недрах Единого Государства, рассказана с помощью конспектов — дневниковых записей Д-503.

«Мы» Единого Государства — это не содружество индивидуальностей, а безликая людская масса, живые биороботы, механически выполняющие назначенную им работу, доведённая до абсурда идея коллективизма. Естественно, подобное сатирическое изображение будущего не могло понравиться цензорам. Роман «Мы» прославился не только как первая антиутопия, но и печально знаменит тем, что стал первой книгой, запрещённой к печати советской цензурой.

ИСТОРИЯ ПУБЛИКАЦИИ РОМАНА

Судьба романа сама по себе представляет приключенческий роман. Интересна история того, как роман «Мы» пробивался в печать. Литературовед Тартусского университета Фёдор Винокуров, как настоящий детектив, посвятил этому целое расследование, о чём рассказал в статье «О редакторской и авторской мистификациях: публикация романа «Мы» в «Воле России»».

Замятин датировал свой роман 1920-м годом, однако литературоведы приходят к выводу, что он работал над первой редакцией романа в 1919–1921 годах, и, возможно, вносил правки до мая 1922 года (вторая редакция была сделана в 1928 году для собрания сочинений Замятина, издание которых не было завершено). В 1922–1924 годах Замятин пытался опубликовать роман в России. Последнюю попытку он сделал

в журнале «Русский Современник» (публикация «Мы» была анонсирована в № 1 за 1924 год, но так и не состоялась). Ленинградская цензура (Ленгорлит) охарактеризовала роман как «злой памфлет на Советское государство». После запрета публиковать книгу в СССР писатель обратил глаза за границу.

Винокуров предполагает, что рукопись оказалась в Берлине летом 1922 года, куда её привёз Самуил Алянский, владелец издательства «Алконост». Литературовед также делает предположение относительно того, что издатель Гржебин, с которым Замятин был связан договором, передал права на публикацию Алянскому. Сохранилось письмо Алянского Замятину от 17 октября 1922 года, где он пишет, что, по просьбе Замятина, отправил копию рукописи в Нью-Йорк для американского издания.

Итак, роман Замятина «Мы» впервые был опубликован в переводе на английский язык в издательстве E. P. Dutton and Company в 1924 году

Обложки романа «Мы» Замятина

(книга появилась в продаже в начале января 1925 года). На английский язык роман перевёл Григорий Зильбург (1890–1959). Любопытна его судьба. Сын киевского владельца продуктовой лавки, Зильбург уехал в Петербург, где учился в «Бехтеревке» — психоневрологическом институте, основанном в 1907 году учёным В. М. Бехтеревым. В 1917 году энергичный молодой человек занял должность секретаря Министерства труда Временного правительства. В 1919 году эмигрировал в США со знанием французского языка. Позднее уверял, что за три месяца, запершись в комнате, выучил английский. С успехом переводил произведения русских писателей. В 1926 году получил диплом врача-психиатра Колумбийского университета, в 1931 году открыл практику психоаналитика, консультировал известных американских деятелей искусства, написал ряд имеющих научную ценность трудов по психиатрии. В 1950-х годах Нью-Йоркский психоаналитический институт исключил Зильбурга из своих рядов за спорные методы лечения.

Сегодня экземпляры первого тиража романа в переводе Зильбурга продаются в США за несколько тысяч долларов каждый.

В начале 1926 года Илья Эренбург, проживавший в то время в Париже, получил из Берлина копию рукописи романа для перевода на французский язык, и, вероятно, предполагает Винокуров, в том же году Эренбург послал копию французской рукописи литературоведу Роману Якобсону в Прагу для публикации в Чехии.

С 9 октября по 21 декабря 1926 года текст «Мы» публиковался на чешском языке в переводе Вацлава Кёнига. Текст выходил в утренних выпусках газеты «Lidové Noviny», издававшейся в Брно. В сентябре 1927 года пражское издательство «Aventinum» выпустило этот перевод отдельным изданием.

В промежутке между чешскоязычными публикациями были также напечатаны «извлечения из романа» на русском языке, а именно 22 главы из 40 замятинских глав, причём некоторые главы с сокращениями. Публикация появилась в № 2–4 (за февраль–апрель) 1927 года в пражском эмигрантском журнале политики и культуры «Воля России», редактором которого был писатель и публицист Марк Слоним.

На французском языке антиутопия «Мы» под названием «Nous Autres» была издана в 1929 году в переводе Бенжамина Кове-Дюамеля.

Ярость советских критиков вызвали публикации не на английском, чешском и французском языках, а именно публикация на русском языке в «Воле России». В прессе началась кампания травли и нападок на

Замятина несмотря на то, что Слоним на всякий случай снабдил публикацию примечанием от редакции: «Одно из интереснейших произведений современной русской литературы, роман Е. Замятина «Мы», изображающий жизнь людей в 26-м веке, до сих пор ещё не появлялся... на русском языке. Желая ознакомить читателей «Воли России» с романом, мы воспользовались тем, что в газете «Лидовы Новины», издающейся в г. Брно, помещён чешский перевод «Мы». С любезного согласия редакции, помещаем извлечения из романа. Для большей точности и приближения к подлиннику, мы постоянно сличали чешский перевод с английским, вышедшим в 1925 г. в Нью-Йорке». Слоним намекал на то, что получил роман не от Замятина, а напечатал фрагменты обратного перевода на русский язык с чешского.

Попытка Слонима выгородить Замятина не помогла. Критики называли роман «проявлением вредительства интересам советской литературы». Михаил Кольцов и вовсе объявил Замятина «шпионом». В «Литературной газете» вышел, по сути, текст-донос Бориса Волина «Недопустимые явления», в котором он писал: «Этот роман Замятина оказался неприемлемым для советской литературы. Но то, что неприемлемо для литературы Советского Союза, оказывается весьма приемлемым для эсеровской эмиграции. И роман Замятина «Мы» нашёл своё достойное место на страницах эмигрантского журнала «Воля России». Мы что-то не слыхали и про Замятина, чтобы он где-либо отмежевался от этого сотрудничества с эмигрантской эсеровщиной и опротестовал издание своего романа за границей».

18 сентября 1929 года Слоним снова попытался защитить Замятина от травли и опубликовал в берлинской газете «Руль» открытое письмо, в котором опять изложил историю появления русской журнальной версии: «Лица, ведущие в настоящий момент кампанию против Замятина, отлично знают, что речь идёт именно о перепечатке, но предпочитают умолчать об этом в силу демагогических и иных соображений и всё дело изображают так, точно Замятин сам дал свой роман «Воле России»».

Замятин несколько раз пытался защитить своё имя и опровергнуть ядовитые нападки Волина: в обращениях к правлению Ленинградского отдела Всероссийского союза писателей (ЛО ВСП) и лично к Константину Федину. И, наконец, подробное объяснение Замятина было опубликовано в «Литературной газете» 7 октября того же года: «Волин забыл сказать, что о напечатании романа «Мы» в «Воле России» он вспомнил с запозданием года на два с половиной (роман — точнее: от-

рывки из романа — появились в «Воле России» весной 1927). И, наконец, забыл Волин сказать о редакционном предисловии «Воли России», информирующем читателя, что отрывки из романа «Мы» печатаются в переводе с чешского», — указывал в одном из обращений писатель.

Винокуров назвал своё исследование «О редакторской и авторской мистификациях», потому что считает, что и Замятин, и Слоним вынужденно лукавили в своих оправданиях. В «Воле России» появился не перевод с чешского, а сокращённый и сознательно слегка изменённый Слонимом для создания иллюзии перевода текст Замятина.

Это не помогло — шёл 1929-й год, объявленный Сталиным годом Великого перелома, индустриализации и коллективизации сельского хозяйства. 24 сентября 1929 года Замятин отправил официальное письмо о выходе из Союза писателей. Его пьесы снимались с репертуара, его уволили с редакторских постов, издательства и журналы закрыли для него двери, даже некоторые знакомые перестали с ним общаться из страха. В 1931 году Замятин через Горького передал письмо Сталину с просьбой разрешить ему покинуть СССР и получил положительный ответ.

В середине 1930-х годов писатель уже из Парижа отправил машинопись романа «Мы» в Хорватию Ирине Куниной-Александр для предполагаемого издания. Этот экземпляр — единственный сохранившийся прижизненный вариант романа. Именно на его основе была осуществлена первая полная публикация на русском языке, конечно же, снова не в СССР. Это произошло в 1952 году в нью-йоркском издательстве имени Чехова.

«Публикация в «Воле России» является журнальным вариантом-монтажом романа, выполненным Слонимом на основе авторской рукописи. Именно в отборе и компоновке фрагментов проявилось редакторское со-авторство», — комплиментарно поясняет Винокуров.

Совсем другой взгляд на публикацию в «Воле России» предлагался в американском издании 1952 года: «Чтобы усилить свой обман, Слоним предпринял ещё более экстраординарный (и прискорбный) шаг, фактически переписав части русской рукописи, которой он располагал. Из этого насквозь искалеченного текста на самом деле были опубликованы только отрывки ... Эту сокращённую русскую версию, дополнительно закамуфлированную благонамеренным редакторским искажением текста Замятина, вряд ли можно квалифицировать как первое появление «Мы» на языке оригинала. Ради этого давно откла-

дываемого события ей пришлось вернуться в Нью-Йорк, где через двадцать восемь лет после появления её первой английской тени было опубликовано подлинное произведение, написанное русскими словами самого Замятина».

Сам Марк Слоним тоже понимал, что публикация «Мы» в «Воле России» была несовершенной. В 1959 году он вспоминал: «Роман вот-вот должны были перевести на чешский, и я сделал вид, будто мы перевели его с чешской версии. Чтобы придать вес этому утверждению, которое было изложено во вступлении, я намеренно изменил или перефразировал довольно много отрывков из оригинала — и, надо сказать, что уродование и искажение прекрасной лаконичной прозы Замятина заставило меня почувствовать себя преступником».

По следам нью-йоркского издания «Мы» в 1955 году в США увидела свет книга эссе и рассказов Евгения Замятина «Советский еретик» в переводе Мирры Гинзбург — сам Замятин в письме к Корнею Чуковскому однажды назвал себя «главным еретиком». «Человек неподкупного и бескомпромиссного мужества», — так охарактеризовала Замятина американская переводчица.

До родины роман «Мы» официально добрался только в 1988 году; на волне перестройки он был опубликован в № 4–5 журнала «Знамя». До этого он распространялся в диссидентских кругах в самиздате в перепечатках из «Воли России».

АНТИУТОПИИ СТАНОВЯТСЯ ЧАСТЬЮ ЛИТЕРАТУРЫ

В 1932 году вышла из печати антиутопия «О дивный новый мир» английского писателя Олдоса Хаксли (1894–1963). Как и у Замятина, действие романа разворачивается в XXVI веке. Люди на всей Земле живут в едином «прогрессирующем» государстве. Это общество потребления и сексуальной свободы. Согласно сюжету, люди не рождаются естественным путём, а выращиваются в бутылках на специальных заводах — инкубаториях. Ещё на стадии эмбрионов их распределяют в пять каст: «альфы», «беты», «гаммы», «дельты» и «эпсилоны», при этом «альфы» — это элита общества, получающая самые интеллектуальные профессии, а «эпсилоны» — самая презируемая каста, неграмотные чернорабочие.

Сам Хаксли утверждал, что не знаком с произведением Замятина. Он говорил, что, прочитав некоторые книги Герберта Уэллса, в которых изображалась утопия, решил сочинить пародию на них, что и послужило отправной точкой для написания книги «О дивный новый мир».

Однако большинство литературоведов сходятся в том, что Хаксли был знаком с антиутопией русского писателя и использовал его новаторские идеи. Был в этом уверен и английский писатель Джордж Оруэлл (1903–1950), который прочитал «Мы» в 1944 или 1945 году в переводе на французский язык. В 1946 году Оруэлл опубликовал рецензию на роман Замятина, где писал:

«Первое, что бросается в глаза при чтении «Мы», — факт, я думаю, до сих пор не замеченный, — что роман Олдоса Хаксли «О дивный новый мир», видимо, отчасти обязан своим появлением этой книге. Оба произведения рассказывают о бунте природного человеческого духа против рационального, механизированного, бесчувственного мира, в обоих произведениях действие перенесено на шестьсот лет вперёд. Атмосфера обеих книг схожа и изображается, грубо говоря, один и тот же тип общества, хотя у Хаксли не так явно ощущается политический подтекст и заметнее влияние новейших биологических и психологических теорий». И далее Оруэлл продолжает: «Казнь, по сути, является принесением в жертву человека, и этот ритуал пронизан мрачным духом рабовладельческих цивилизаций Древнего мира. Именно это интуитивное раскрытие иррациональной стороны тоталитаризма — жертвенности, жестокости как самоцели, обожания Вождя, наделённого божественными чертами, — ставит книгу Замятина выше книги Хаксли».

Оруэлл не раз возвращался в письмах к теме замятинского романа, писал о необходимости его публикации в Англии (где она готовилась в 1947-м, но была осуществлена только в 1969 году).

В 1949 году была опубликована антиутопия Оруэлла «1984», в которой так же, бесспорно, нашли отражение идеи Замятина. Но Оруэлл идёт дальше. Знакомый с историей развития сталинизма в СССР и нацизма в Германии, он прозревает в грядущем ужасы тоталитаризма: жёсткую цензуру, массовое манипулирование сознанием, тотальную слежку, лишения и террор.

О заимствовании идей из замятинской книги, не стесняясь, весело и цинично написал американский писатель Курт Воннегут (1922–2007). Он откровенно признался в том, что для своего первого романа «Механическое пианино» (1952) «жизнерадостно ободрал сюжет романа «О дивный новый мир», который был жизнерадостно украден из «Мы» Евгения Замятина».

Провидческие образы мрачного будущего давно носились в воздухе. Обнаруживаются они ещё на исходе XIX века в произведениях

Герберта Уэллса, например, в «Машине времени» (1895) с её делением мира на элоев и морлоков. В 1920 году была опубликована научно-фантастическая пьеса Карела Чапека «R.U.R.» — «Россумские универсальные роботы». Люди создали человекоподобных роботов, благодаря которым разучились работать. Роботы задумали восстать и уничтожить своих хозяев. К 1923 году пьеса Чапека уже была переведена на 30 языков, поставлена в Лондоне и Нью-Йорке.

Тем не менее, у Евгения Замятина антиутопия впервые была возвращена на широком полотне романа. Новаторские идеи писателя, впитанные западной литературой, стали благодатной почвой для развития жанра антиутопии, и с тех пор он плотно укоренился в литературе. Можно вспомнить «451° по Фаренгейту» Рэя Брэдбери, «Заводной апельсин» Энтони Бёрджесса, «Рассказ служанки» Маргарет Этвуд, «Станция Одиннадцать» Эмили Сент-Джон Мандел, «День опричника» Владимира Сорокина и многие другие произведения. И не только в литературе, но и в кино, телесериалах, комиксах (графический роман «V — значит Вендетта») и анимационных фильмах («ВАЛЛ-И», «Остров собак»).

О своём романе «Мы» Евгений Замятин писал следующее: *«Этот роман — сигнал об опасности, угрожающей человеку, человечеству от гипертрофированной власти машин или государства»*. Что касается гипертрофированной власти государства, то мы все знакомы с историей авторитарных государств века прошлого и нынешнего. Относительно власти машин — существует реальная опасность того, что в недалёком будущем власть над людьми может обрести изобретённый ими искусственный интеллект. Об этом столетие назад предупреждал Евгений Замятин.

Андрей ОСТАЛЬСКИЙ АНГЛИЙСКИЙ ДЛЯ СНОБОВ И ЛЮБОПЫТНЫХ

Словарь экс-главного редактора Русской службы Би-би-си

Эта книга предназначена, конечно, не только для снобов, но и для всех людей, достаточно продвинувшихся в изучении английского языка, но не имевших возможности глубоко окунуться в англоязычную среду. Для людей, которым хотелось бы узнать как можно больше о том, как говорят между собой «живые» англичане, на каком языке написаны для них книги и газетные статьи. Впрочем, интересны будут приводимые примеры и для американцев, и для живущих в Америке русских иммигрантов, осваивающих «живой» английский язык.

Приехав жить в Великобританию тридцать лет назад, я был уверен, что свободно владею английским, который я изучал частным образом с шести лет, закончив затем английскую спецшколу, а потом и МГИМО со сплошными пятёрками по языку. В ходе профессиональной деятельности в ТАСС, а затем в «Известиях» много общался, брал интервью, участвовал в пресс-конференциях, обсуждал с британскими и американскими коллегами и политику, и экономику, и быт. И чувствовал себя при этом вполне уверенно.

Но столкновение с реальностью каждодневного существования в языковой среде сразу преподнесло немало сюрпризов.

Поначалу я далеко не каждый анекдот или остроту понимал. Да что там юмор и каламбуры — даже самые простые слова и выражения оказались незнакомыми. Например, в 1992 году я знал, что «бабушка» по-английски будет *grandmother*, а сокращённо — *grandma* или *granpy*. А отца, например, называют *father*. Но выяснилось, что дети, да и взрослые, чаще употребляют короткое **nan** или **nana**. (Не говоря уже о том, что слово **babushka**, причём с ударением на втором слоге, тоже уже вошло в английский, обозначая любую русскую пожилую жен-

щину). Я был уверен, что знаю значение слова **camp** — лагерь: место временного проживания в шатрах, палатках и т.д. солдат или пионеров, а то и заключённых или военнопленных, если лагерь концентрационный, **concentration camp**. Но в один из первых же дней в Англии мне довелось услышать это слово в каком-то необычном контексте, в качестве прилагательного. Но явно не в значении «лагерный». Нет, говоривший даже несколько понизил голос, будто употребление этой лексической единицы было чем-то не совсем политкорректным. Вернувшись домой, я полез в Оксфордский словарь и обнаружил, что, оказывается, эпитет «**camp**» переводится как «женственный» или «женподобный» (в отношении некоторых мужчин) и ещё как аффектированный и фальшиво театральный, если речь идёт об актёрской игре, например. И в этом последнем качестве имеет синоним **twee** — слово, которого я до приезда в Англию тоже не встречал.

Всякий, изучавший английский в школе, знает, что слово «**master**» означает хозяин, и читателю, возможно, покажется удивительным (как мне в своё время), что это официальный титул несовершеннолетнего мужчины. То же самое касается слова «**governor**» — для меня оно когда-то означало только «губернатор» или «управляющий», пока я не услышал, как его в фонетически редуцированной форме произнёс, обращаясь к обычному пассажиру, водитель автобуса.

Я узнал, что **rum** — это не только спиртной напиток, но и нечто странное, сомнительное, а то и не совсем приличное. «**Arumgo**» переводится как «неожиданный, странный и, видимо, чреватый неприятностями поворот событий». Слово же **smart**, известное со школьной скамьи как означающее «умный», «ловкий» или «красиво одетый», в глагольной форме почему-то значит «болеть», «саднить». И даже с раннего детства знакомое, родное слово **apology**, помимо всем известного «извинения», может в разном контексте обозначать либо «бледную копию, жалкое подобие», а то вовсе «восхваление» (есть русский, хотя и нечасто употребляющийся эквивалент — апология).

Не знал я и целой кучи интересных идиом. Таких, как **To go on a limb** — не бояться оказаться в одиночестве и изоляции, придерживаясь непопулярной точки зрения (такой «одноногий» человек может называться **maverick**). Из жаргонных выражений, которые обязательно надо знать, — производные слова **nick**; есть аж восемь разных, вроде и не очень-то связанных между собою значений.

А вот пример совсем свежего неологизма, порождённого новой эпохой. В звукозаписи матерные слова на радио, а иногда и в кино,

заглушаются звуком «блип», «bleep» (это ономотопея — звукоподражательное образование). Постепенно слово это стало употребляться и в живой речи, да и на письме — как эвфемизм, замена нецензурных выражений (прежде всего “fuck”).

Такого рода сюрпризы продолжали сыпаться на меня чуть ли не каждый день. И сыплются до сих пор. И я лишь утешаю себя поговоркой: «Век живи, век учишь, и неучёным помрешь».

С какого-то момента я начал вести «лингвистический дневник», помещая туда всё, что удивляло и поражало, и они стали основой этого словаря.

Я попытался написать забавную и причудливую книгу, не совсем словарь в обычном смысле этого слова (множество великолепных словарей уже изданы в России, я вовсе не хотел с ними конкурировать), а скорее своего рода лингвистические мемуары и даже чуть-чуть как бы скромную — и совсем «малую» — «британскую энциклопедию».

Книга разбита на семь разделов: «Странные слова»; «Удивительные идиомы»; «Коллоквиализмы и жаргон нового поколения»; «Идиомы с именами собственными»; «Враги переводчиков»; «Междометия»; «Обращения». И четыре приложения: 1 — Американизмы и Британизмы; 2 — Малый разговорник английской вежливости (лицемерия); 3 — Невероятные названия улиц и переулков; 4 — Русские пословицы и поговорки на английский манер.

Чаще всего перевод слов и выражений дополнен фразеологическими примерами их употребления. Конечно, стараюсь объяснить более широкий лингвистический и исторический контекст, но не претендуя на то, чтобы нарисовать полную картину. Выбор слов и выражений совершенно субъективен, предполагаю, что некоторые из этих лексических и фразеологических единиц могут быть известны выпускникам российских университетов и языковых вузов. Но всё же имею основания надеяться, что и они найдут в этой книге для себя достаточно много нового и полезного. Конечно, я не претендую на то, что, прочитав или даже проштудировав эту книгу, читатель сразу станет серьёзным знатоком современного разговорного и газетного языка Соединённого королевства, но, смею надеяться, сделает достаточно существенный шаг в этом направлении. Или, по крайней мере, почувствует вкус к тому, чтобы двигаться по этому пути дальше.

И в заключение вступления — несколько слов об «американизмах» и «британизмах». На мой взгляд, эта классификация утратила почти всякий смысл. Появление интернета резко ускорило и без того давно

шедший процесс взаимного проникновения — причём, так как США богаче и мощнее, а американцев гораздо больше, то и производит Америка куда больше лексического материала, тоннами обрушивающегося на Альбион через кинофильмы и телешоу, соцсети, блоги, книги и так далее, а потому проникновение принимает всё более односторонний характер. Но противостоять ему, как показывает опыт, дело совершенно безнадёжное и бессмысленное.

Готов биться об заклад, что уже скоро английский язык обеих стран (а заодно и Канады, Австралии и Новой Зеландии) станет единым целым, с небольшими регионально-диалектальными вариациями. Для иностранцев вроде меня он уже практически стал таковым. А потому в этот свой словарь я включаю всё, что считаю интересным и достойным разговора с соотечественниками, вне зависимости от исторической принадлежности, хотя «британизмов» в нём неизбежно больше — в соответствии с местом жительства. На американскую родословную я указываю лишь изредка, когда мне кажется это почему-либо важным и интересным.

ВРАГИ ПЕРЕВОДЧИКОВ

В этом разделе — слова и коварные идиомы, смысл которых может показаться обманчиво знакомым, но которые в действительности значат нечто иное. Например, приехав в Англию, я не сомневался, что английское **panopticon** соответствует русскому **паноптикуму**, мне даже в голову не приходило, что может быть как-то иначе. А по-русски, как известно, это слово означает музей или собрание редкостей или диковинных экспонатов, что-то близкое к понятию кунсткамера. Но услышав, как его употребляют англичане, начал догадываться: что-то не так. Оказалось, это слово, произведённое от греческих корней «всё» и «видеть», ввёл в обиход в XVIII веке английский философ-утилитарист Иеремия (Джереми) Бентам. И обозначает оно придуманную им концепцию тюрьмы, в которой один-единственный стражник может одновременно наблюдать за всеми заключёнными, причём они никогда не будут знать, смотрит он на них или нет. Каким образом произошёл такой разрыв в значениях этого слова между английским и русским — тема отдельного исследования. И что особенно поразительно — Иеремия Бентам придумал его как раз в... Российской империи, где посещал своего брата, инженера и архитектора Самуэля Бентама, и они там с ним вместе над этой теорией и работали. Но сегодня, неправильно употребив это слово в английской среде, можно сильно оконфузиться!

To sail close to the wind — вовсе не «держать нос по ветру», как может показаться. А делать что-то очень рискованное, оказаться на грани бесчестья, позора или катастрофы. Но при этом всё же не перейти эту грань. Этимологически это — морской термин, означавший «плыть почти против ветра», но не совсем, а «так, чтобы всё же использовать его энергию».

Есть известное интеллигенции выражение: «**There is too much loneliness in this world but not enough solitude**». Но ведь и **loneliness**, и **solitude** переводятся на русский одинаково — словом «одиночество». Слишком много одиночества, но недостаточно одиночества? Сложная задача для переводчика.

Давайте пройдемся по английскому алфавиту.

А

ACCURATE — это вовсе не «аккуратный», а «точный», «правильный» «пунктуальный». Происходит от латинского *accuratus* — «тщательно сделанный». В русском корень тот же, но, пройдя через немецкий и польский, слово приобрело значение более узкое — подразумевается «чистоплотность» и «опрятность», а не «точность». Но как же переводить «аккуратный» на английский? Ближе всего подходят слова **tidy** и **neat**.

ACTUALLY — это не «актуально», а «фактически», «реально», «на самом деле», «собственно говоря».

AFFECTION — в русском языке почему-то нет полного эквивалента этому распространённому слову. Это что-то среднее между «любовью» и «симпатией», но точнее было бы существительное, произведённое от глагола «нравиться», которого нет — этакое «миление» — от выражения «быть милым кому-то». Допустимо ли из факта отсутствия эквивалента этому понятию делать далеко идущие выводы о национальной ментальности, о том, что для русских не существует полутонов, что мы или любим на полную катушку, или уж ненавидим, в крайнем случае презрительно равнодушны, но такие вот, «комнатной температуры», миленькие эмоции не по нам? В то время как у англичан — сплошной кислотоватый **understatement**. Не уверен — но, кстати, в некоторых контекстах (хотя и не всех) **affection** можно переводить как «привязанность». Но всё же оно на несколько градусов «холоднее», и то же самое можно отнести к слову «симпатия». В крайнем случае, можно прибавить усиливающий эпитет, например: горячая симпатия, безотчётная симпатия. Возможно, ближе всего по оттенку слово «приязнь», но

оно ведь почти вышло из употребления, а уж в устной речи его совсем не слышать, а потому даже нет уверенности, как оно сегодня воспринимается. А ведь есть ещё и производное слово **affectionate** — испытывающие это самое невыразимое чувство ярко выраженной приязни к кому-то или чему-то. Кое-кто иногда путает с **Efficient** и **Effective**.

AMORAL и **IMMORAL** — эти два слова означают совершенно разные вещи. Второе (**immoral**) переводится на русский язык как «аморальный», «безнравственный», но как в таком случае быть с первым, с **amoral**? Его приходится переводить целым предложением: «человек, лишённый нравственного чувства, не понимающий, что нравственно, а что нет». Но при этом такая личность вовсе не обязательно совершает аморальные поступки, а если это случается, даже не осознаёт этого.

ANECDOTE — тут полное несовпадение с русским словом «анекдот»: по-английски это «любопытный случай», «поучительная история». Причём чаще всего имеется в виду история подлинная, а не выдуманная, хотя в других, более редких случаях это слово может выступать в значении «слух», «рассказни», всё зависит от контекста. Производное — очень важный и широко распространённый термин **anecdotal evidence**: набор фактов, подтверждающих некое утверждение или предположение, собранных несистематическим образом, часто на основе личных наблюдений. В отсутствие документальных свидетельств такие данные, если их собирали добросовестно, могут дать достаточно точное представление о событиях и настроениях в обществе. Ну а как же перевести на английский слово «анекдот»? С этим тоже есть проблема: точного эквивалента в английском, как ни странно, нет. (О чем это говорит, кстати? Интересный вопрос!). Лучшие словари предлагают лишь один вариант: **joke**. Но это ведь всего лишь «шутка». А это ведь не совсем то.

ANGINA — слово это и произносится не так, как привычно русскому уху — не «ангина», а «энджайна», и означает вовсе не болезнь горла, а опасную патологию сердца — стенокардию («грудную жабу»). То, что мы называем ангиной, у англичан именуется **tonsillitis**.

APOLOGY — общеизвестный смысл этого слова — «извинение». Соответственно, глагол **to apologize** значит «просить прощения». Но в разных контекстах может иметь совсем другие значения. Например: «бледная копия, жалкое подобие чего-то». А ещё и «защита» (репутации или мнения) или «восхваление» (русский эквивалент — «апология»). *We liked the flat until we were shown an apology for a kitchen.* «Квартира нам нравилась до тех пор, пока нам не показали жалкое подобие кухни». *The apology of dictatorship as a mode of social organization does*

not stand up to criticism. «Апология диктатуры как способа общественного устройства не выдерживает критики».

AWE — полного русского аналога этого слова не существует. Всего три буквы и только один звук, а сколько смыслов! Похожим нашим звуком можно было бы попытаться их и передать: «О-о-о!!». Дескать, «ничего себе, вот это да-а!!». Изумление, благоговейное уважение, испуг или всё это вместе. *We are not so different from the ancients: shiny things still make us stare at them in awe and want to touch them*. «Мы не так уж отличаемся от древних людей: блестящие вещи по-прежнему заставляют нас глазеть на них с благоговением и желанием прикоснуться к ним».

Awesome — значит «потрясающий», «впечатляющий», «вызывающий благоговение» или, как минимум, «глубокое уважение». *The awesome sight of an erupting volcano*. «Завораживающее зрелище извержения вулкана».

В

BALLS — это тестикулы, по-простому говоря, «яйца», не говоря уже о шарах. Но это слово угодило в книгу из-за высокой частоты его употребления в Англии со значением «отвага», «железное владение собой». В России некоторые употребляют выражение «баба с яйцами», описывая смелую и сильную женщину. В Англии **someone with the balls** — это отважный индивид любого пола. Если же про мужчину говорят, что у него нет яиц (**has no balls**), то имеют в виду, что он трусоват и нерешителен.

BLOODY — это слово, всем известное как «кровавый», имеет ещё одно, неясное, значение и в этом качестве долгое время имело статус табуированного, чуть ли не на одном уровне с **fucking**. Для многих носителей языка оно представляло собой самый сильный из доступных эксплетивов. Относительно недавно ещё, примерно до 20-х годов прошлого столетия, полностью печатать его не позволялось, приходилось заменять часть букв звёздочками или точками. Иногда подменялось эвфемизмами, например, **bleeding**. И самое смешное, что среди британских филологов нет единого мнения о его происхождении, а, следовательно, и о том, в чём, собственно, его оскорбительность.

BLUE — с синим (голубым) цветом у Англии, как морской державы, особые отношения. Начнём с **Royal blue** и **Navy blue** — нередко эти два названия считаются синонимами, но на самом деле это не так. Первый — самый густой, насыщенный синий, а второй, ассоциирующийся с флотом — самый тёмный, он может даже показаться чёрным, если не особенно вглядываться. А ведь есть ещё **sapphire blue** («сапфировый

синий»), **aqua blue** (цвет морской волны), **indigo** (сине-фиолетовый), **corn flower blue** (васильковый) и стоящие особняком на грани с зелёным **turquoise** и **teal**. Оба переводятся на русский как бирюзовый, но первый чуть менее тёмный, чем второй, и чуть ближе к голубому, чем к зелёному, но вообще-то в литературе можно найти ещё шесть названий для различных подвидов бирюзового цвета, из которых надо бы выделить **cyan** — циан, сине-зелёный). И ещё название явно русского происхождения — **skobeloff** или как его ещё называют, «весенний зелёный» — это цвет с выраженным оттенком желтизны, назван, как предполагается, в честь легендарного русского генерала Скобелева.

Но **blue** имеет ещё два, совершенно иных значения, никакого отношения к цвету не имеющих. Во-первых, демонстрация или упоминание сексуальной активности. *The folks who are obsessed with blue jokes are likely to have some sexual problems they need to fix.* «Одержимые скабрёжными шутками люди скорее всего имеют некоторые сексуальные проблемы, требующие исправления». Во-вторых, печальный, грустный. Отсюда же название великого музыкального жанра. *The name of the jazz genre 'blues' comes from 'blue devils', meaning melancholy and sadness. But I don't feel any sadness at all when listening to the beautiful St. Louis blues.* «Название джазового жанра «блюз» произошло от «голубых дьяволов», означающих меланхолию и грусть. Но я вовсе не ощущаю никакой грусти, слушая прекрасные сент-луисские блюзы».

BOTTLE — слово-парадокс. Ну, со всем известным значением «бутылка», от того же латинского корня произошедшим, никаких проблем нет. Логично выстраиваются и глаголы, с выпивкой связанные: **to take to the bottle** значит: начать сильно пить. Но куда интереснее совсем не связанные с пристрастием к алкоголю значения. Например, «мужество, выдержка или уверенность в себе, необходимая для выполнения чего-то трудного или опасного». Причём это сугубо британский сленг, вызывающий порой недоумение у американцев. Когда некоторые из них слышат, что «someone has lost his **bottle**», то думают, что речь идёт о буквальной потере ёмкости с жидкостью, а не «самообладания». И у этого выражения совершенно парадоксальный синоним — **bottle it**. Что значит: «утратить мужество, не решиться что-то сделать». *Joshua was supposed to confide in his parents but bottled it at the last moment.* «Джошуа должен был довериться своим родителям, но в последний момент сдрейфил».

BUGGER — с этим словом связана запутанная история, лингвистический детектив, хотя изначально оно было просто гнусным ругатель-

ством. Причём оно считалось даже более вульгарным и оскорбительным, чем слово **sodomite** (содомит), или **pederast** (педераст), хотя означало то же самое — «мужчину, занимающегося анальным сексом с другим мужчиной». Но за последние века с ним произошли поразительные метаморфозы. И теперь с его переводом дело обстоит непросто. Начнём с того, что у него крайне удивительная этимология. Ведь грамматически оно выглядит точно как сравнительная степень от **bug**. Ведь вот, например, **big** — большой, а **bigger** — больше, и это распространённый в английском троп. Значит, **bugger** — более «баггистый», чем «баг»? Но нет, в данном случае это коварный обман, западня. По мнению большинства **филологов, bugger восходит совсем к другому корню, к этническому термину Bulgar**. И я должен сразу принести извинения современным болгарам — они тут вообще ни при чём. Римляне называли так сильно им досаждавшее тюркское племя, в итоге растворившееся в византийском населении. Да и тех, древних протоболгар, никто не считал поголовными приверженцами нетрадиционных сексуальных отношений, но зато их имя стало нарицательным, синонимом слова «варвар». Ну а раз варвар, то значит, и еретик, не признающий слова божьего и его заповедей. Согласно другой, менее модной теории, это этимологическое приключение связано и с ещё одним, похоже звучащим словом тоже латинского происхождения — **vulgar** (вульгарный), но это лишь гипотеза, не имеющая серьёзных доказательств.

Так или иначе, но постепенно **bulgar-vulgar** стало ассоциироваться у британских христиан со всевозможными грехами, в том числе и содомским. Эта эволюция была долгой, постепенной и, наконец, в позднесредневековой Англии и вплоть до середины XIX века искажённый во всех смыслах «болгарин» стал чуть ли не главным, самым страшным ругательством, превратившись при этом в **bugger**. Но, добравшись до обценной вершины, слово начало затем быстрый спуск и уже к началу века XX оказалось разжалованным в рядовые.

В мои первые дни на Би-би-си в 1994 году я был крайне удивлён, услышав, как мой английский коллега, безусловно интеллигентный человек, в моменты раздражения или неудовольствия частенько произносил его себе под нос. Иногда он даже использовал производное существительное **buggery**, а ведь в России меня учили, что оно значит: педерастия, анальный секс. При этом более современных матерных ругательств, таких как **fuck** или **shit**, коллега избегал, постоянно подчёркивал свою политкорректность и терпимость, и сильно удивился бы, если бы его заподозрили в гомофобии. Я не выдержал, спросил его:

ну а как же быть с этими словами? О, сказал он, они полностью утратили свою силу и изначальный смысл, это теперь что-то типа вашего русского «чёрт!», да и то ещё неизвестно, что ругательнее.

Кстати, нечто подобное произошло и со словом **sodomite**, которое сначала сократилось до трёх букв — **sod**, а затем стало восприниматься как почти ласковое «дуралей» или опять же «негодник».

С

CAMP — каждый изучающий английский школьник знает это слово в значении «лагерь». Однако по приезде в Англию мне пришлось услышать его в каком-то совсем ином, как мне показалось, не совсем политкорректном смысле — его употреблявшие понижали при этом голос. Оказалось, что оно может значить «женственный» или «женоподобный» (в отношении некоторых мужчин). Ещё одно значение — «аффектированный, фальшиво театральный», если речь идёт об актёрской игре, например. В этом последнем значении у него есть синоним — **twee**.

COMPLACENCY — благодушная удовлетворённость существующим положением вещей, некритичная беспечность, нежелание принять во внимание и осознать опасное или негативное развитие событий. Почему в русском языке отсутствует полноценный аналог, и приходится объяснять значение этого слова целой фразой? Русским «авось»? Или не стоит делать столь далеко идущих выводов. Не знаю, на этот счёт могут быть разные предположения. **Self-complacent** — самодовольный человек, полностью удовлетворённый своим положением, считающий себя правым в любых обстоятельствах. **Complacency can be dangerous — for yourself, your family and your country.** «Беспечное благодушие может оказаться опасным — для тебя самого, твоей семьи и твоей страны».

CAUCASIAN — с этим словом тоже происходят недоразумения: ведь, как ни странно, в большинстве случаев его надо переводить не как «кавказский», а как «белый», «европеоидный», «европейской внешности». Правда, употребление этого слова в этом значении считается не вполне корректным, ведь расовая теория так называемой Гёттингенской исторической школы (конец XVIII века) давным-давно опровергнута. В те времена существовало убеждение, что белая раса происходит с Кавказа, поскольку именно туда, согласно Библии, попали в итоге спасшиеся на Ноевом ковчеге. При этом кавказцы — особенно черкесы и грузины — были объявлены эталоном человеческой красоты. Классификация устарела, но термин по инерции всю употребляется и в устной речи, и в письменной. Но возникает законный вопрос:

а как же тогда сказать по-английски «кавказский»? А точно так же — **caucasian**. Разницу можно определить только по контексту.

D

DAPPER — в русском напрочь отсутствует эквивалент этого странного слова, и для его перевода потребуется целая фраза. А именно: «опрятно, щеголевато, но не экстравагантно, а скорее консервативно одетый». И ещё поразительное дело — в абсолютном большинстве случаев почему-то применяется к описанию невысоких и немолодых мужчин. *We were expecting to see an amazing giant, but we were met by a little **dapper** man in a dark suit instead.* «Мы ожидали увидеть поразительного великана, но вместо этого нас встретил невысокий щеголеватый мужчина в тёмном костюме». (см. также некоторые другие слова, применяемые по гендерному признаку: **hunky, suave, slobbish, shapely, svelte, vivacious**). Но нет-нет, а попадётся это слово и в гендерно нейтральном применении — если речь идёт, например, об одежде — **dapper clothes** — элегантно консервативный наряд.

DIRTY LOOK (или **FILTHY LOOK**) — недобрый взгляд, выражающий осуждение или презрение. Когда я впервые услышал это выражение, я его понял неправильно: как «похотливый взгляд». Нет, ну правда же, ведь **dirty dancing** — это ведь именно эротические танцы. **Dirty weekend** тоже предполагает сексуальные удовольствия, по этой логике и «грязный взгляд» должен был бы стоять в том же ряду. Но нет. *Ever since my views on Brexit became public knowledge, my neighbour throws **dirty look** at me whenever he sees me.* «С тех пор, как моё мнение о Брексите стало достоянием общественности, я при каждой встрече ловлю на себе недобрые взгляды соседа».

DITHER — это странное слово, имеющее много значений, причём два основных почти противоположны по смыслу: 1 — пребывать в состоянии мучительной нерешительности, колебаться; 2 — состояние нервного возбуждения и волнения. Ну а ещё это и озноб, и дрожь — видимо, всё же от волнения происходящая, а не от нерешительности

DISCREET — осторожный и осмотрительный, умеющий хранить тайну и избегать неловких ситуаций. Это слово отнесено к «врагам переводчика» по двум причинам. Во-первых, у него нет полного эквивалента в русском, из-за чего его иногда приходится переводить целой фразой. Во-вторых, его легко перепутать с другим похожим и совершенно так же произносимым словом — **discrete**, то есть «отдельный, сепаратный, прерывистый». Собственно, в рус-

ской научной лексике существует и слово *дискретный*, означающий то же самое — прерывистый, дробный, состоящий из отдельных частей. *The sounds of speech are in fact a continuous sound signal rather than discrete units.* «Звуки речи производятся в виде непрерывного звукового сигнала, а не дискретных, то есть отдельных, сепаратных единиц». **Discreet** сегодня нередко употребляется с отрицанием «**in**» — **indiscreet**, что значит неосмотрительный и неосторожный, но чаще всего служит характеристикой человека, которому нельзя доверять тайны и секреты — разболтает.

Е

EFFICIENT и **EFFECTIVE** — эти два слова чаще всего переводятся как «эффективный», но в чём же разница? Во многих случаях они окажутся взаимозаменяемыми, но нюанс тут такой: первое описывает способность достигать максимальных результатов с наименьшими затратами времени, ресурсов и энергии. *The new method of enforcing debt repayment is more efficient than the previous one.* «Новый метод принуждения к погашению долга более эффективен, чем предыдущий». Второе имеет два значения: 1 — действенный, успешный в достижении цели — *The new system has been effective.* «Новая система оказалась действенной»; 2 — фактически существующий или действующий, хотя не обязательно признанный официально или вслух.

Но ведь есть и ещё два похожих слова, (так что легко запутаться): **Efficacious** — что-то по своим качествам теоретически эффективное. *Something which is efficacious in laboratory conditions does not always translate into practical effectiveness.* «То, что эффективно в лабораторных условиях, не всегда переходит в практическую эффективность». И, наконец, **effectual** — действительный или обязательный (о юридическом документе), но может также иногда употребляться как синоним слова **effective**.

EVIL — как существительное, это значит: «зло». Но как быть с прилагательным? Тут начинаются трудности. Злой? Порочный? Аморальный? Вот реальная фраза: *Some people are evil.* «Некоторые люди злы, порочны и аморальны»? Нет, возникает мучительное ощущение неточности, расплывчатой приблизительности, хождения вокруг да около смысла. И по ходу дела хочется спросить: почему так трудно найти русский эквивалент? В чём причина, говорит ли это о каком-то существенном отличии в ментальности двух народов? Или не надо переусложнять, просто очередной лингвистический казус?

Словари разъясняют смысл слова **evil** так: **profoundly immoral and wicked**. «Глубоко аморальный», ладно, хотя готов спорить, что эти определения далеко не всегда сработают. Но ударное, главное слово тут **wicked**. А его-то как перевести? Словари предлагают: **evil**. То есть круг замкнулся. Ага, подумал я, значит, и у англичан самих есть тут некая проблема, если приходится первое определять через второе, а второе опять через первое. Ещё один британский словарь попытался объяснить значение **evil** как **morally bad**, «морально плохой». Невнятно, но в этом есть подсказка: надо искать слова первого понятийного ряда, которые не нуждаются в определении, наоборот, через них определяют остальное. Например, хороший, плохой, скверный. Возможно, **wicked** — это «плохой в квадрате», а **evil** — «в кубе»? Нет, дело не в количестве.

Вот моё определение: **evil** — это «человек или предмет, от которых исходит зло». Или которые «принадлежат злу» или «несут миру зло». А **wicked** — это чуть более слабый синоним того же самого.

Ewe — «овца». Произношение этого странного слова часто ставит иностранцев в тупик. Звучит оно примерно так: «йу». Но вообще с названиями этих домашних животных всё сложно и не так, как в русском. **Ewe** — это самка, в то время как более широко известное слово **sheep** обозначает самцов-баранов, но во множественном числе — и тех, и других. Взрослый (старше 12 месяцев) баран называется **ram**, а младше — **lamb**, а детёныша женского пола надо называть **young ewe** или **ewe lamb**. А есть ещё и термин **tup** — так называемый баран-годовик (мужского, естественно, пола) между первой и второй стрижками. Но это ещё не всё. Англичане придумали специальное слово для обозначения кастрированного барана — **wether**. Баранина по-английски — **mutton**. Если же хотите обозвать склонных к нескритическому, «стадному» мышлению людей, то для этого есть специальное производное — **sheeple**. (Sheep + people).

F

Few или **A few** — два почти противоположных по смыслу выражения. Первое значит — «мало», «немного», даже, может быть, вообще полное отсутствие всякого присутствия. Второе — с добавленным впереди неопределённым артиклем — «несколько», то есть тоже скорее всего немного, но всё же энное количество кого-то или чего-то определённо имеется. Примеры: *Few people still remember the war* — «Мало кто ещё помнит войну» (имеется в виду, что может быть, и никто уже). Но стоит добавить неопределённый артикль в начале выражения, и его

смысл радикально меняется: *A few people still remember the war* — «некоторые всё ещё помнят войну» (определённо есть такие люди).

FOR A MOMENT или **FOR THE MOMENT** — легко перепутать два эти выражения. Чтобы избежать путаницы, лучше в первом случае использовать словосочетание «на какую-то секунду» (или в отрицательной форме — «ни на секунду»), а во втором — «на какое-то время», «в данный момент», или «пока ещё». *For a moment I did buy that tall story.* «Я на какую-то секунду поверил той небылице». *Not for a moment did I believe that my friend Daniel would justify violence and aggression.* «Я ни на секунду не поверил, что мой друг Дэниел может оправдывать насилие и агрессию». А вот пример употребления второго выражения: *For the moment, the government seems to be in control, but who knows what awaits us tomorrow?* «На данный момент правительство, похоже, контролирует ситуацию, но кто знает, что ждёт нас завтра?».

FUCK ALL — в Англии не обойтись без знания местной нецензурной лексики, иначе можно попасть впросак. Я, например, поначалу считал, что данное выражение соответствует русскому «да пошли вы все на...» и из-за этого неправильно понимал и некоторых собеседников, и отдельные тексты. На самом деле оно значит: ничего. Ничегошеньки. Никакой. Ноль. Пример: *I've had fuck all to eat all day.* «Я ничего не ел весь день».

G

GENIAL — это не «гениальный», а «добродушный» и «дружественный». В русском нет полного аналога, потому что это слово имеет ещё один непереносимый оттенок: «бодрый» и «неунывающий». То есть, получается: «приятный в общении энергичный оптимист». Кто-то скажет: недаром такого в русском языке нет — ведь это не наш характер. Хотя на мой взгляд, в России такие люди встречаются, хоть и нечасто. От этого же корня происходит ещё и **congenial** — «дружелюбный», «приятный», «располагающий к себе». Может относиться к отдельному человеку или компании таких приятных, подходящих для общения людей (**congenial company**). Ну и редкое, книжное слово «**конгениальный**» теоретически существует и в русском со смыслом: «близкий, сходный по духу и образу мыслей». А вот Остап Бендер употреблял его явно неграмотно, хотя и забавно, с долей иронии. Вкладывая в него совсем другое значение: «более чем гениально».

И, кстати, как всё же быть с «гением»? Английское слово **genius** происходит от того же латинского корня. Но с ним тоже не всё так просто,

поскольку оно далеко не в первую очередь переводится как «**гений**». Чаще оно встречается в других значениях: 1- «одарённость» (*a teacher of genius* — «одарённый учитель»); 2 — прилагательное «очень умный»: *a genius idea* — с долей преувеличения можно перевести как «гениальная идея».

Н

HAD — англичане придумали грамматическую диковину: фразу, в которой 11 раз употреблено слово «had». В предложении говорится о двух студентах, Джоне и Джеймсе, которые на занятиях по языку должны описать человека, болевшего в прошлом простудой. Джон написал: «The man **had** a cold». Что вообще-то абсолютно правильно, но учителю этого мало, он хочет, чтобы во фразе было показано, что тот несчастный болел (и выздоровел) **до** какого-то момента в прошлом. *Past perfect*, знаменитый плюсквамперфект — преждепрошедшее время. Поэтому учителю больше нравится то, что написал Джеймс: «The man **had had** a cold». Слово **had** удвоилось. Но это только начало — дальше во фразе сообщается, что правильный ответ Джеймса произвёл большее впечатление на преподавателя. И когда сведения об обоих ответах и их преждепрошедшем эффекте соединяются в одно предложение, причём с необходимостью показать, что каждое событие произошло **раньше** следовавшего за ним, то получается невероятное: *James, while John had had «had», had had «had had»; «had had» had had a better effect on the teacher.* То есть слово **had** здесь используется двояко — то оно служит грамматическим инструментом, то просто упоминается в рассказе о том, как им пользовались два студента. На русский, в котором нет преждепрошедшего времени, точно не переведёшь, но, игнорируя грамматику, можно передать смысл: ««В то время, как Джон использовал «**had**» (простое прошедшее), Джеймс употребил преждепрошедшее «**had had**»; учителю больше понравилось «**had had**»».

Но вообще слово **have** — одно из самых высокопродуктивных в английском, много с ним образовано идиом, в том числе диковинных.

HEADS-UP — всё же удивительно, как такое может быть, чтобы «задранные вверх головы», без сомнения грамматически множественное число, вдруг стали существительным единственного числа, означающим «заблаговременное предупреждение о чём-то». Когда я столкнулся с ним в середине 90-х годов, выражение это считалось слишком явным, вульгарным американизмом, и английские снобы воротили от

него носы. Но вот теперь оно прочно вошло в обиход и на Альбионе. Очень показательный случай, демонстрирующий, как быстро идёт взаимное проникновение американского и британского английского. И вот уже местный оператор мобильной связи пишет мне: *We'd like to give you a **heads-up about your next bill.*** «Мы хотели бы заранее предупредить вас о следующем счёте».

I

IMMORAL — см. **AMORAL**

INTELLIGENT — это ни в коем случае не «интеллигентный», а «умный». Но ещё большие проблемы часто возникают с переводом производного существительного — **intelligence**. Потому что это и «ум», «интеллект», но и «разведка». Различать можно только по контексту. Например, AI (Artificial Intelligence) — это, конечно, Искусственный Разум, а не искусство шпионажа, а Central Intelligence Agency — это Центральное разведывательное (а не интеллектуальное) управление, хотя, подозреваю, в ЦРУ не очень умных не берут, а AI уже взят на вооружение шпионами. Но как же сказать по-английски «интеллигенция»? За неимением собственного бедным британцам пришлось заимствовать слово из русского языка: **intelligentsia**, и это комплимент и нашей культуре, и языку. Ну а «интеллигент»? С этим сложнее. Точно не **intellectual** — ведь это «интеллектуал». **Well-educated and cultured person?** — «Высокообразованный человек высокой культуры»? Теплее, но ещё холодно. Ведь там ещё и какие-то высокие нравственные принципы подразумеваются... Ничего лучше, чем **member of intelligentsia** — «член социального слоя интеллигенции», словари не предлагают. Но разве в Британии нет своих интеллигентов? Ещё как есть. Но как же так, явление есть, а слова нет? Всё дело в том, что в английской традиции считается неприличным выпячивать ум и интеллект, а **intelligence** как-никак громко звучит в этом слове. Поэтому местные интеллигенты называют себя **middle-class**, принадлежащими к «среднему классу», in **self-deprecating way**.

K

(THE) KIPPER'S KNICKERS — это одна из множества бессмысленных фраз из Америки 1920-х годов. Она обозначает что-то превосходное, восхитительное или первоклассное, а вовсе не проблемную женскую гигиену.

L

LARGER-THAN-LIFE — это выражение я встречал ещё до своего отъезда в Англию, но и тридцать лет спустя не стану утверждать, что знаю однозначно точный и универсальный перевод. Буквально: «больше жизни» или «больше, чем в жизни»? Бессмыслица. Лучшее, что я смог придумать: «из ряда вон выходящий».

Прочитав десяток определений в разных словарях, могу суммировать их примерно так: 1 — **О вещах и явлениях**: «проблема или явление, значение которых кажется преувеличенным»; «нечто вне привычных человеческих пропорций, не укладывающееся в обыденные представления»; «нечто невероятное, фантастическое (какого в жизни не бывает)». *Our day time problems seem larger-than-life during sleepless nights.* «Во время бессонных ночей наши дневные проблемы кажутся сильно преувеличенными». 2 — **О человеке**: «выделяющийся особым талантом или тем, что ведёт себя необычным или интересным образом»; «легендарный, обладающий качествами, преувеличенными по сравнению с теми, что обычно присущи людям, наделённый аурой власти или славы, которая придаёт его (или её) фигуре мифические масштабы, как будто этот человек совсем не такой, как простые смертные». *Winston Churchill was certainly a larger-than-life character.* «Уинстон Чёрчилль, безусловно, был легендарной, из ряда вон выходящей, невероятной личностью».

(BYONE'S) LIGHTS — никакого отношения к свету; эта идиома имеет два близких значения: 1 — «в соответствии с собственными принципами»; 2 — «по своему собственному мнению». *I am going to live by my own lights.* «Я собираюсь жить по-своему (в соответствии с моими собственными убеждениями)». *He considered himself a good person by his own lights.* «Он считал себя хорошим человеком — по своим собственным представлениям».

LIQUOR — это не «ликёр», а как раз крепкоеспитное, в отличие от пива и вина, спиртное, синоним слова **spirits**. Происходит от латинского корня, означавшего жидкость, и вплоть до XIV века так могли называть любой напиток. А от «жидкости» произошёл ещё и финансовый термин «ликвидность». Впрочем, если ликёр содержит достаточно высокий процент алкоголя, то и он может именоваться **liquor**. А вообще, для относительно слабых сладких напитков существуют индивидуальные названия, например: Baily's, Kahlua, Advocaat и т.д.

LONELINESS (см. также SOLITUDE). И **loneliness**, и **solitude** переводятся на русский одинаково — словом «одиночество». Но как же тогда

перевести на русский фразу: *There is too much loneliness in this world but not enough solitude*. «Слишком много одиночества, но недостаточно одиночества»? Абсурд? Нет, во втором случае (**solitude**) нужно говорить об «уединении», «частном, личном пространстве», в котором человек может отдохнуть от чрезмерного общения, защищённым от чужих любопытных носов и болтливых бездельников.

М

MIND — кажется, выражение **inquisitive mind** — пытливый или любознательный ум — я узнал лет в 12. И в этом значении я его поначалу и запомнил. Но потом оно стало мне встречаться снова и снова, и оказалось, что у него явно есть и совсем другие смыслы.

Как, например, быть с названием книги Исаяи Берлина *The Soviet Mind: Russian Culture under Communism? Советский ум? Ну уж нет. Советская душа? Никуда не годится. Более приемлемым выглядит вариант: образ мыслей. Прочтя книгу, я пришёл к выводу, что Берлин вкладывает в этот термин много смыслов. И менталитет, и душа, и образ мыслей, и вообще отношение человека к обществу и другим людям. И да, кстати, совокупность культуры. Я в своё время предложил на сайте Русской службы Би-би-си вариант «советское сознание», признав, что и он несовершенен, поскольку слово **mind** не имеет полного эквивалента в русском языке, означая ещё и дух, и ментальность, и разум. Может быть, даже надо было, подобно Райт-Ковалёвой, смелее отойти дальше от буквальных значений и перевести название так: *Homo Sovieticus: Русская культура под коммунистической властью...**

MISCHIEVOUS — непростое слово для перевода, поскольку у него несколько противоречащих друг другу значений и нет явного русского эквивалента. Происходит от существительного **mischief**, имеющего безусловно отрицательный смысл — в лучшем случае детское игривое хулиганство, баловство, непослушание, а в худшем — и вовсе вред и неприятности. Есть даже юридический термин **criminal mischief** — «умышленное нанесение ущерба». Но как же тогда быть со словами королевы Елизаветы, тепло вспоминавшей своего покойного мужа Филипа, герцога Единбургского? «*That mischievous, inquiring twinkle was as bright at the end as when I first set eyes on him*». «Тот озорной, пытливый огонёк в его взгляде светился в конце так же ярко, как и тогда, когда я впервые увидела его». Вот так это слово оказывается комплиментом. Кстати, возможно, для многих будет новостью, что в слове **mischievous** королева делает ударение на первом слоге.

MONDAY (Tuesday, Wednesday, etc.) week — это выражение кажется грамматически нелогичным, но в Британии широко употребляется в устной речи. В Северной Америке скажут иначе: **A week from Monday**, но значит это то же самое — семь дней, считая со следующего понедельника (вторника, среды и т.д.). Иначе говоря, не ближайший понедельник, а через один. *Let's move our meeting back to Monday week.* «Давайте отложим наше собрание, перенесём его на понедельник будущей недели». (Обратите внимание: в английском **moving (pushing) back** означает, как ни странно это звучит для русского уха, перенести запланированное событие на **более позднюю** дату.

Моот — в русском языке нет эквивалента этого слова, а потому его приходится переводить длинной фразой. Оно обозначает нечто, вызывающее большие споры, но не имеющее практического значения из-за неясности постановки вопроса или невозможности принять реальное решение.

MOVE (PUSH) AN EVENT FORWARD — перенести запланированное мероприятие на **более раннюю дату**, провести его досрочно. **Move (push) it back** значит, наоборот, отложить его, сдвинуть на дату более позднюю. По моим наблюдениям, иностранцев эти обороты часто ставят в тупик, и иногда это может даже привести к серьёзным недоразумениям. Но на самом деле тут есть своя логика: переносить вперёд — это значит ближе к сегодняшнему дню, а назад — дальше от него.

MY BAD — признание вины, ответственности за ошибку. Когда я впервые услышал это дикое выражение, мне показалось, что собеседник надо мной посмеивается. Ну надо всё же соблюдать нормы родного языка. Что это ещё такое — «мой плохой» какой-то, что ли? Да и зачем отказываться от привычного **I am sorry** или **my fault**? Но теперь могу уверенно сообщить: этот невероятный американизм прочно вошёл в речь молодёжи.

N

NATIONALITY — это ни в коем случае не «национальность», а «гражданство». Мне не раз приходилось объяснять историю недоразумения, идущего от советского понимания этого термина — ведь во внутренних паспортах граждан СССР и в анкетах, которые надо было обязательно заполнять при поступлении на работу или учёбу, существовала зловещая пятая графа, в которой указывалась эта самая «национальность». От того, что в этой графе было написано, могла

зависеть судьба человека, ведь эта запись зачастую служила основной для дискриминации. Прежде всего, это относилось к евреям. В загранпаспортах такой графы не было — антисемитизм был государственной тайной. В этом понимании «национальность» по-английски — **ethnic origin** или **ethnicity**.

NEEDY — одно из крайне трудных для перевода слов, в который раз могу только призвать опираться на контекст. Однозначного русского эквивалента не существует. Его изначальное значение — описывающее материально нуждающегося человека — встречается в наши дни нечасто. Зато то и дело слышишь и читаешь второе: если кого-то называют **needy**, то имеют в виду, что это «неуверенный в себе», «убогий», «закомплексованный» индивидуум, постоянно нуждающийся в эмоциональной поддержке. То есть негативный, презрительный эпитет. Особенно часто его используют для описания человека, который постоянно требует чрезмерно много внимания к себе в отношениях с сексуальным партнёром. *Being called needy means you are demanding too much from the person you are with, more than they think you have a moral right to demand.* «Если вас называют этим словом, то хотят сказать, что вы требуете от человека, с которым вы находитесь рядом, слишком много, больше, чем, по его или её мнению, вы имеете моральное право требовать».

NOW WE ARE TALKING — простенькое, казалось бы, выражение, составленное из самых элементарных слов. Но коварное. Потому что на самом деле имеет иной смысл: не обязательно даже чтобы кто-нибудь на самом деле хоть что-нибудь говорил. Это просто значит: «вот теперь другое дело!». Помню, когда на Би-би-си установили новую компьютерную программу, коллеги, придя утром на работу, говорили: «*Now we are talking!*». То есть «здорово-то как, хорошо, стало лучше, другое дело!».

О

OVER HERE и **OVER THERE** — первое из двух означает: «здесь» или «сюда». Второе — «там» или «туда». Но зачем это лишнее слово — **over**? Почему просто нельзя сказать: **here** и **there** — ведь нас всех ещё в школе научили, что эти слова значат ровно то же самое и без всякого **over**. И любой словарь вам это подтвердит. Так вот: можно и без него. Вас поймут, но вы выдадите в себе иностранца.

Over here I have been mistaken for an Australian, an American, a Dutchman, but never for a native. Some subtle nuances in my pronunciation,

and possibly in my grammatical constructions, still give me away. «Меня, бывало, принимали **здесь** за австралийца, американца, голландца, но за местного — никогда. Какие-то неуловимые нюансы произношения, а возможно, и грамматических конструкций меня всё равно выдают». В данном предложении **over here** значит — «в этой стране».

В более абстрактных случаях, когда «здесь» или «там» употребляются не буквально, слово **over** и не потребуется. Например: *I am happy to be here to help you with English idioms.* «Я рад быть (здесь) в вашем распоряжении, чтобы помочь вам с английскими идиомами». Или: *I will always be there for you.* «Я всегда буду рядом с тобой (для тебя опорой)». Но вот если имеется в виду физическое положение чего-то или кого-то, связанное с некоторым расстоянием, которое необходимо преодолеть (неважно, большое оно или маленькое), чтобы оказаться **here** или **there**, то лучше добавить **over**.

Р

ПАНОПТИСОН — когда-то я думал, что это слово соответствует русскому «паноптикуму», но оказалось: ничего подобного! Слово это — искусственное, его придумал в XVIII веке английский философ Джереми Бентам. И обозначает оно концепцию тюрьмы, в которой стража может наблюдать за всеми заключёнными сразу, причём те никогда не будут знать, находятся они под наблюдением или нет. А в более широком, социо-философском смысле речь о теории благотворного контроля общества над индивидуумом (давно уже преданной анафеме либералами). Интересно, что идею концепции подал философу его брат, инженер и архитектор Самуэль, придумавший такую систему присмотра за рабочими на своём заводе в городе Кричеве Могилёвского наместничества Российской империи (ныне Беларусь). Как **panopticon** превратился в «паноптикум» с совершенно иным смыслом? Видимо, слово латинизировали в Германии, где им стали называть музей восковых фигур. Кто-то привёз затем идею в Россию, придав ей новый смысл — так именовали любой музей диковинок, почти синоним слова «кунсткамера». Сегодня слово активно используется в переносном смысле, особенно часто — в применении к интернету и соцсетям. *Online social justice warriors now use social media to police behaviour: a virtual panopticon.* «Борцы за социальную справедливость в Интернете теперь используют соцсети для наведения полицейского порядка, это виртуальный **паноптикон**».

PANTOMIME — исконное значение этого слова переключается с русской «пантомимой», обозначая вид сценического искусства, использующего язык жестов и движений. Но в современной газетной лексике приобрело совсем другой, резко отрицательный смысл — нелепого балагана, глупой пародии.

Гораздо реже можно встретить это слово в качестве названия жанра рождественского представления для детей — чего-то вроде наших «ёлочек». *The king's pre-war diplomacy was a tawdry (см.) pantomime.* (The Economist). Предвоенная дипломатия короля была похожа на пошлый балаган. (Журнал «Экономист»).

PARTISAN — это сторонник какой-либо партии или движения. Как прилагательное, это слово значит «предубеждённый», «предвзятый», «необъективный», стоящий на чьей-то стороне в конфликте или споре. Некоторые словари среди возможных значений перечисляют и тот же смысл, который вкладывается в русское «партизан», но я не помню, чтобы я встречал его где-нибудь за тридцать лет. Почти всегда говорят и пишут: **guerrilla**. В английский язык это слово — производное от испанского *guerra*, («война») — вошло после наполеоновских войн, когда испанские и португальские нерегулярные отряды (*guerrilleros*), были союзниками Англии, помогая вытеснить французов с Пиренейского полуострова.

PATHETIC — это эпитет означает не «патетический» и не «пафосный», а «жалкий», причём, в зависимости от контекста, это слово может иметь как положительный, так и отрицательный смысл. *Are you too frightened even to speak to him? Don't be so pathetic!* «Неужели ты боишься даже поговорить с ним? Не будь такой нелепо жалкой!». *My sister sometimes looks so pathetic that I feel obliged to comfort her every way I can.* «Моя сестра иногда выглядит такой жалкой, что я чувствую себя обязанным утешить её всеми возможными способами».

PLURALITY versus **MAJORITY** — загвоздка в том, что оба слова переводятся на русский как «большинство», но в избирательных системах эти термины имеют принципиально разные значения.

A majority vote is more than half of the votes cast. Plurality meanwhile describes the circumstance when a candidate or proposition polls more votes than any other but less than half of all votes cast. «Большинство (**Majority**) — это более половины всех голосов. Между тем большинство (**Plurality**) описывает ситуацию, когда кандидат (или законопроект) набирает больше голосов, чем любой другой, но менее половины от общего числа».

POIGNANT — чрезвычайно важное слово, часто встречающееся в газетных и литературных текстах и нелёгкое для перевода. В разных контекстах оно может значить: 1 — нечто, вызывающее острую эмоциональную реакцию (например, «печаль» или «сожаление», «трогательный», «щемящий»); 2 — остроумный, ёмкий, очень точный («не в бровь, а в глаз»). Произойдя от латинского *pungere* (колоть) через старофранцузское *poindre* (острый) — слово это поначалу относилось к еде или запахам и означало: острый, пикантный, едкий, жгучий.

Этимология помогает понять и смыслы, но давние значения теперь считаются архаичными и, если и употребляются, то только в переносном смысле. *Watching my suddenly grown-up daughter give a sophisticated graduation speech was a poignant moment: I felt both proud and somehow sad.* «Смотреть, как моя вдруг повзрослевшая дочь произносит мудрую речь по поводу окончания школы, было и приятно, и печально, я и гордился, и почему-то грустил». *A brief but poignant reply will garner more credence than hours of pompous chatter.* «Краткий, но ёмкий и остроумный ответ вызовет больше доверия, чем много часовая напыщенная болтовня». *The indifference of the majority to the problem of pollution is a poignant example of humanity's selfishness and short-sightedness.* «Равнодушие большинства к проблеме загрязнения планеты — это яркий и очень печальный пример эгоизма и близорукости человечества».

PUT SOMEONE OUT — как ни странно, это распространённое разговорное выражение означает не «выставить кого-то вон», а «раздражать, расстраивать или причинять кому-то неудобства». *Would you be put out if I ask you not to come to my daughter's concert tomorrow?* «Вы не расстроитесь, если я попрошу вас не приходить на завтрашний концерт моей дочери?»

Q

QUAINT — это тоже не переведёшь одним словом, поскольку это одновременно и привлекательно-необычный, причудливо-затейливый, но в то же время изысканно традиционный и старинный. Может быть, всё дело в том, что для англичан, с их приверженностью традициям, понятие «старинный» имеет гораздо более позитивный оттенок, чем в русском, да и во многих других языках. Если про человека говорят, что он — **a quaint person**, то это значит, что он привлекателен своей старомодностью. **A quaint cottage** — «милый старый коттедж».

S

(To) SAIL CLOSE TO THE WIND — буквально «Плыть близко к ветру», но на самом деле это выражение означает: «делать что-то очень рискованное, оказаться на грани бесчестья, позора или катастрофы». Но при этом всё же не перейти эту грань. Этимологически это — морской термин, означавший «плыть почти против ветра», но не совсем, а «так, чтобы всё же использовать его энергию».

SEVEN DIRTY WORDS — оказавшемуся в Британии иностранцу совсем не обязательно ругаться английским матом, но понимать его надо, хотя бы чтобы избежать недоразумений. Я уже писал, как долго в корне неверно понимал выражение **fuck all**. И надо бы для начала знать, что здесь считается матом, а что нет — тут есть некоторые различия.

Американский юморист и стендапер Джордж Карлин ещё в конце 60-х годов составил список «семи грязных слов», которых «никогда нельзя произносить вслух», потому что они «заразят вашу душу, искривят позвоночник и не дадут стране выиграть войну». Понятно, что он издевался и развлекался, а сам-то как раз запретные слова произносил ясно и чётко — причём прямо со сцены или в микрофон радиостанции. Его за это арестовали и судили, правда, судья его оправдал, сославшись на первую поправку к американской конституции, гарантирующую свободу слова.

Но и по сию пору и в США, и здесь в Великобритании солидные издания не осмеливаются публиковать те слова без пропущенных букв. Даже радикальная «Гардиан», вспоминая Карлина и его список, решила напечатать его в полном виде только в самом конце статьи, предупредив читателей, что это только для «желающих». Вот они, эти «грязные семь»: **shit, piss, fuck, cunt (вульгарное название вагины), cocksucker (минетчик или минетчица), motherfucker, tits.** (*хотя в фильмах герои открыто матерятся* — Ред.)

Разумеется, список явно неполон, есть также некоторые различия между американским и британским вариантами. В любом случае нельзя не упомянуть хотя бы пару названий мужского полового органа (**dick, prick** — интересно, что оба слова имеют и «гражданское», вполне себе дозволенное значение, а потому с их табуированием есть некоторая проблема). В списке нет слова **arse**, которое переводится как «жопа», как и в русском случае, считается вульгарным, но остающимся как бы на грани мата. Американцы заменяют его на **ass**, что вообще-то значит «осёл».

Интересна также судьба **shit** — когда-то это было вполне печатное слово, обозначавшее фекалии. Но потом, в ханжескую викторианскую эпоху вдруг резко «погрязнело», стало табуированным, и теперь приходится переводить его как «говно».

Безусловно, самое модное ругательство среди молодёжи — это слово **wanker** — «дрочило». В большинстве случаев обценная лексика имеет адекватные русские эквиваленты, а потому затруднений с пониманием и переводом не вызывает. За исключением **tits** — ведь оно означает женские груди, а у этой части тела матерного названия в русском нет, вульгарное «сиськи» матом не считается. Зато в английском не существует нецензурного эквивалента русского «блядь». Проблема возникает со словом **piss** — из-за того, что в русском от того же корня произведено безобидное детское «писать», и это сбивает нас с толку. Его надо переводить соответственно более грубым словом, начинающимся на два «с».

SHOW SOMEONE UP — выставить кого-то (другого человека или самого себя) в дурном, постыдном свете; *Her husband wanted to punish her and teach her a lesson for showing him up in front of her parents.* «Муж хотел наказать её и проучить за то, что она выставила его в дурном свете перед своими родителями».

SQUALID — вот следующие значения этого слова: чрезвычайно неопрятный и неприятный, особенно в результате бедности или запустения. Или: демонстрирующий полное презрение к нормам морали. Но что оно значит, например, в сочетании со словом **truth** («правда»)? В некоторых контекстах это может быть «грязная правда», в других — «неприятная». В-третьих — «просто правда» или «вся правда». В-четвёртых — ближе всего к эмоциональному наполнению и литературному смыслу окажется выражение «сермяжная правда», хотя в английском варианте чаще всего отсутствует забавный оттенок фольклорности и архаичности версии русской, которая, однако, иногда может прийтись кстати. И главный вывод: всего не предусмотреть, придётся быть изобретательным и демонстрировать тонкий лингвистический слух.

Вот бульварная Daily Mail публикует скандальную заметку о том, как бывший посол Её Величества в Узбекистане бросил жену и детей ради танцовщицы-исполнительницы эротических танцев, и о том, как поступок этот положил конец его дипломатической карьере. Заголовок статьи звучит так: *Squalid truth about Our Man and the belly dancer.* Как перевести здесь слово **squalid**? Приходит в голову слово «непригляд-

ная», потому что в этом контексте это должно, вроде бы, звучать сильнее, чем «неприятная» или просто «вся правда», но слабее чем «грязная» или «убогая». Но вот ведь незадача, газета делает акцент в том числе и на том, что бывший посол живёт теперь в жалкой дешёвой квартирке не в лучшем районе Лондона. То есть *in squalid conditions*, в *убогих* условиях. И этот оттенок тоже должен быть как-то отражён, ведь англичан хлебом не корми, а дай заложить в газетный заголовок каламбур с несколькими значениями сразу. А если внимательно почитать статью, то обнаружишь ещё всякие шокирующие, сальные детали, (вроде того, что посол ещё и до соединения с танцовщицей пользовался услугами русских проституток. Или что его узбекская избранница изменяла ему с румынским знакомым и так далее). Скорее всего, заголовок должен отразить все эти смыслы разом. Я бы, пожалуй, объединил два варианта: «Вся неприглядная и вся убогая правда...». Но и это решение — не идеальное. Впрочем, идеальных и не бывает. Можно только стремиться максимально приблизиться к идеалу. И — контекст, контекст и ещё раз контекст!

STRICTLY COME DANCING (сокращённо просто **Strictly**) — культовое развлекательное телешоу, название которого годами не сходит со страниц британских газет. Оно считается самым успешным в своём жанре в мире, и лицензия на него была продана Би-би-си в 60 стран, в том числе и в Россию, где оно называется «Танцы со звёздами». Но грамматически — что это ещё за странная конструкция? «Моя твоя не понимает...». Как же это перевести? **Strictly** — предполагает жёсткое исполнение, грозя за непослушание наказанием. **Strictly speaking** — соответствует русскому «строго говоря». **Strictly business** — ничего личного, только бизнес. **Come** — это скорее всего повелительное наклонение глагола — «приходите», потому что другие смыслы уж никак не вписываются. А **Dancing** — понятное дело — танцуя.

Что же остаётся? «Приходите, строго танцуя?». «Танцуя приходите, и никак иначе?». Что-то не вытанцовывается... Пришлось залезть в историю вопроса, и вот что выяснилось. Оказывается, многие десятилетия шло в Англии на том же Би-би-си суперпопулярное шоу, называвшееся **Come Dancing**, что, с некоторой натяжкой, можно перевести «приходите танцевать». Плюс ещё пользовавшийся огромной популярностью фильм **Strictly Ball room** (в русском переводе называется «Строго по правилам», но иногда переводится и более буквально — «Только в танцевальном зале»). То есть, название нового шоу эксплуатирует ностальгию и по тому, и по другому, соединив их в своём

названии вместе. А то, что грамматически оно звучит странно, то в этом есть свои плюсы — выделяется и запоминается, в современном английском и такое бывает.

SUPPER или **DINNER**? — ещё со школьных времён в голове осталось недоумение: так как всё же будет по-английски «ужин»? **Supper** или **dinner**? А ведь последнее в некоторых источниках переводится как «обед», и глагол **to dine** значит «обедать». Или и «ужинать» — тоже? Попытался разобраться и убедился, что и среди носителей языка нет полной ясности или, по крайней мере, согласия на этот счёт. Но большинство склоняется к следующей версии: **supper** используется, когда речь идёт о неформальном домашнем ужине, а **dinner** — это более богатая и торжественная вечерняя трапеза.

SYMPATHY — не симпатия, а «сочувствие». Симпатия — это **affection** или **fondness**. Цитата из знаменитой песни английской рок-группы Rare Bird: ... *And sympathy is what we need, my friend, cause there is not enough love to go round.* «Сочувствие — вот что нам нужно, мой друг, потому что в мире недостаточно любви».

SYMPATHETIC — не симпатичный, а «симпатизирующий» или «сочувствующий». Симпатичный же, в зависимости от контекста, может переводиться как **nice, likeable, cute** (внешне привлекательный).

Т

TEMPER — это и характер, и нрав, обычно несдержанный — «норов». **Bad temper** — скверный, вспыльчивый характер. Но в глагольной форме может значить, как ни странно, «смягчать». Вот пример подобного употребления: *In some countries, the harshness of laws is tempered by the laxity of their enforcement.* «В некоторых странах свирепость законов смягчается необязательностью их исполнения». Происходит от латинского корня (*temperare*), давшего очень разное потомство в английском, часто с почти противоположными значениями. **Temperate** — умеренный, воздержанный. **Temperate climate** — «умеренный климат». *Those of a more temperate bent* — «Те, кто придерживается более умеренных взглядов». *Temperate in the consumption of food* — «Умеренный в потреблении пищи».

Между тем **temperament** означает и «темперамент», и «характер». **A fiery temperament** — вспыльчивый характер.

А вот **temperance** — это способность избегать крайностей в поведении, например, злоупотреблении алкоголем. Ну и «хорошо темпериро-

ванный клавир», культовый сборник пьес Баха, по-английски называется *The Well-Tempered Clavier*.

U

UNDERSTATEMENT — это великое слово, крайне важное для понимания английского национального характера. Есть несколько определений. Первое, самое простое — «недосказанность». Второе: «преуменьшение», причём умышленное, говорящий или пишущий прекрасно знает истинное положение вещей, но преуменьшает, потому что этого требуют приличия и национальный ритуал, тесно связанный с принципом «жёсткой верхней губы».

И это не просто лицемерие, этот кодекс поведения часто помогает межличностным отношениям, но иногда и создаёт проблемы. *A complete idiot at work should be described as someone who «doesn't quite cope» or «his results are not the absolute best». And so on and so forth, with everyone understanding what you really mean.* «Про законченного идиота на работе нужно говорить, что он «не вполне справляется» или «его результаты — не самые лучшие». И так далее и тому подобное, причём все прекрасно понимают, что ты на самом деле имеешь в виду».

W

WAX LYRICAL — говорить восторженно о чём-то или о ком-то. А вовсе не «лирический воск». Одно из тех выражений, убеждающее в том, что английская грамматика — есть нечто не всегда поддающееся стандартной логике и её правила во многих случаях являются неявными и завуалированными. В стародавние времена глагол **to wax** означал «увеличиваться в объёме», а ныне может значить «трансформироваться», «превращаться в нечто иное».

WEE — с этим словом тоже происходит некое лингвистическое приключение. В Англии это долго было сугубо разговорным, слегка грубоватым названием мочи, а в глагольной форме служило полным синонимом слова **to pee**. *I need to wee* — «мне нужно пописать». Но сначала я не догадывался, что в Шотландии оно имеет совсем другое, вполне пристойное значение — «маленький». Причём именно в этом качестве стало постепенно завоёвывать Англию, и теперь встречается здесь в текстах сплошь и рядом. Возможно, это возвращение «блудного сына». Выяснилось, оно существовало именно в этом значении в староанглийском и теперь как бы «вернулось на родину».

WILL — вот ещё одна лингвистическая игра, вроде предложения в этом же разделе с одиннадцатью словами **had**, но несколько проще поддающаяся препарированию. Will, will Will will Will Will's will? То есть, обращаясь к человеку по имени Will, кто-то спрашивает: захочет ли (will) ещё один человек, тоже по имени Will, оставить (will) третьему человеку по имени Will завещание (will) человека по имени Will?

* * *

ОТ РЕДАКЦИИ

Надеемся, мы не утомили вас лингвистическими изысканиями известного журналиста и писателя Андрея Остальского. Применяемые в Британии слова и обороты речи часто используются и в Америке, поэтому, как нам кажется, будут небезынтересны для наших читателей, и особенно для их детей и внуков, общающихся на английском.

Книга **«Английский для снобов и любопытных»** должна увидеть свет в этом году в российском издательстве АСТ.

ОБ АВТОРЕ

Андрей Остальский на протяжении девяти лет работал Главным редактором Русской службы Би Би Си. Много печатался в российской и британской прессе.

В советское время объездил весь Ближний Восток, работал корреспондентом в Ливане, Йемене и Ираке.

Основатель газеты «Финансовые известия», автор научно-популярных книг: «Нефть: сокровище и чудовище», «Новая история денег» и нескольких романов, главная тема которых — столкновение культур и национальных менталитетов. Дипломант премии «Просветитель» 2008 и 2009 годов.

В 2021 году в Украине вышел роман-антиутопия Андрея Остальского «Чужой в Кремле».

В настоящее время Остальский — постоянный автор «Радио Свобода».

...Если говорить о главном моем потрясении, то оно даже не в содеянном головорезами ХАМАСа (что от них ждать?!), а в реакции мира. Ненависть к Израилю и евреям выхлестнула наружу подобно торфу: тихо горит под землей, но стоит открыть доступ воздуху, как бушующее пламя вырывается на поверхность. Пропалестинские демонстрации в арабских странах ожидались, но чтобы с таким накалом проходили на Западе — этого я не ожидал...

Давид Гай

*Уже видна в прицел — эпоха мщенья,
народных приговоров без суда:
виновны — все, но только мне — прощенья
за вас за всех — не будет никогда.*

Александр Кабанов

...Цаплин сам поднимается на плаху, как на сцену, как на трибуну — теперь его голос подобен грому. Не голос — глас! Он мощнее всех репродукторов на свете. Женщины в толпе начинают рыдать, начинают плакать дети. Мужчины мрачнеют, тайком утирают слёзы. Его стихи проносятся над площадью, летят над Москвой-рекой, петляют в руинах Арбата, несутся над чёрным пепелищем Рублёвки... Голос проникает даже в Главный Бункер. Там над дубовым столом склонился тот, чьё...

Валерий Бочков

...Мое занятие — болезнь. Болезнь изнуряет меня. Но больше изнуряет возраст. Я в 30 лет и я в 80 — два разных человека. Возраст сжирает меня изнутри. Не верьте, когда вам говорят, что старость может быть прекрасной. Не может. 30-летняя женщина проходила мимо зеркала, машинально бросая взгляд на себя, и тоже часто недовольная собой, в целом принимала себя. 80-летняя — не поднимает глаз, чтобы не видеть отражения в стекле той старухи, которая не она, не она, а другая. И Боже мой, ничего, ничего нельзя с этим поделаться, и надо только принять то, что дальше будет хуже...

Ольга Кучкина

...Враги и сейчас боятся пламенного слова Тараса Шевченко. Именно поэтому российские солдаты на оккупированных территориях Украины уничтожают его книги, портреты и памятники. В 2022 году киевское издательство «Дух и Літера» издало «Кобзаря». Часть тиража была издана под пиксельной камуфляжной обложкой специально для бойцов ВСУ. Образ Кобзаря переосмысливается в современном украинском искусстве. Он помогал защитникам Украины на Майдане в 2014 году, а сейчас Шевченко изображают в каске и военной форме. Он незримо встал в строй и помогает украинским бойцам на фронте...

Ксения Гамарник

*«Хороших русских» знаю лично и люблю
светло и резко, как «плохой американец»,
но линия прошла по февралю,
и в ней, увы, я украинец-самозванец...*

Гари Лайт